

Кай Кьер-Хансен

ИОСИФ РАБИНОВИЧ
и мессианское движение

Кай Кьер-Хансен

**ИОСИФ
РАБИНОВИЧ**
*и мессианское
движение*

«БИБЛИЯ ДЛЯ ВСЕХ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1997

Kai Kjær-Hansen
Joseph Rabinowitz and the Messianic Movement
The Handsel Press Ltd., Scotland,
and Wm.B.Eerdmans Publishing Co., USA

ISBN 5-7454-0169-9

© Kai Kjær-Hansen, 1995
© Русское издание, Кай Къер-Хансен, 1997

Русское издание представляет собой сокращенный вариант английского издания 1995 года, подготовленный Биргером Петтерсоном по поручению Центра Каспари, Иерусалим.

Предисловие к русскому изданию

Эта книга посвящена российскому еврею Иосифу Рабиновичу, который в 1882 году совершил путешествие в Палестину для того, чтобы изучить возможность создания там еврейского поселения, и вернулся в Россию с вновь обретенной верой в то, что Иисус Христос был Мессией и братом еврейского народа.

В последние пятнадцать лет XIX столетия о Рабиновиче и возглавляемом им мессианском движении узнали все, кого в то время волновала тема Иисуса и Израиля. После его смерти в 1899 году интерес к нему в некоторых кругах, которые прежде его поддерживали, постепенно угас, хотя полностью забыт он никогда не был. Имя Рабиновича обычно включается в доклады о современном еврейском христианском движении, однако все его описания чрезвычайно поверхностны. Они не являются в должной мере ни серьезными, ни самостоятельными.

Тем не менее Рабинович и сегодня заслуживает нашего внимания, в том числе и внимания со стороны российских евреев и христиан, ибо проблемы, которым он пытался противостоять, сам являясь евреем и веря в Иисуса, все еще не нашли окончательного решения. И в наши дни верующие в Иисуса евреи, которые называют себя либо христианскими евреями, либо верующими евреями, либо мессианскими евреями, борются все с теми же проблемами. Некоторые из этих проблем являются жизненно важными для той небольшой части народа Израиля, которая верит в Иисуса как Мессию, и могут быть охарактеризованы нами благодаря исторической оценке, сделанной в свое время Рабиновичем. Борьба за его идеи в том виде, в котором она велась в нееврейских христианских кругах, тоже имеет связь с современностью — конечно, лишь в случае, если люди способны учитывать уроки истории. Знакомство с жизнью Рабиновича проливает свет на проблемы, ответ на которые приходилось искать еще первохристианам. Они ведь были евреями. Иисус тоже.

Я не стремился изображать Рабиновича в таком свете, чтобы какая-либо группа людей, которых в настоящее время волнует проблема Иисуса и Израиля, получила большее преимущество, нежели другие группы. В конце концов, вряд ли сегодня найдется хоть один человек, который смог бы подписать подо всем, что отстаивал Рабинович. Можно с уверенностью утверждать, что на его позицию по некоторым вопросам повлияли времена, в которое он жил, и место, где он жил. Особенно же мешали ему те политические обстоятельства, которым ему приходилось подчиняться, так как

они не оставляли ему возможности развивать свою деятельность в том русле, в котором он хотел. Но изучение его борьбы за создание независимой еврейской христианской конгрегации — это поистине захватывающее занятие. В любом случае, его основные взгляды вызывают большой интерес; и к ним мы можем обратиться.

Английский оригинал этой книги основан на самостоятельном изучении материала источников. Данное русское издание представляет собой сокращенный вариант оригинала, и в нем нет ссылок на источники. Я попытался подать материал таким образом, чтобы у читателей не возникало особых трудностей при чтении. Именно для удобства читателей я не придерживался строгой хронологии, что повлекло за собой некоторые повторы и переплетения событий, которые, как я надеюсь, не вызовут раздражения, поскольку в целом этот прием позволяет облегчить усвоение материала. В начале книги дается объяснение того, почему в некоторых случаях при датировке одного события приводится две даты.

В 1888 году Рабинович сказал о себе: «У меня есть два пристрастия, которым я отдаю всего себя. Первое — это Господь Иисус Христос, а второе — Израиль».

Во время посещения Лондона в 1889 году он попытался облечь в словесную форму свои взгляды на собственное положение. При этом он воспользовался притчей, то есть использовал прием, к которому евреи обычно прибегают охотнее, чем остальные народы. Сам Рабинович также не был исключением из этого правила. Он сказал:

Мое положение следует сравнивать с положением человека, который вышел на корабле в открытое море и вместе со всеми членами команды попал в кораблекрушение. И вот все, кто плыл на том корабле, пытаются обрести твердую почву под ногами и спастись. Если один из них, оказавшись у берега, сумеет встать на дно, он прилагает все усилия, чтобы докричаться до тех, кто еще борется за жизнь в открытом море; а если люди находятся далеко от этого человека и не могут его услышать, то он начинает размахивать палкой или флагом, чтобы привлечь к себе внимание и побудить всех плыть к берегу.

Теперь о моем положении. Россия — это океан, евреи — это потерпевшие кораблекрушение люди, и поскольку, по благодати Господней, мои ноги стоят на Камне (который есть Иисус), я попытался сделать то же самое, что и тот человек, о котором я рассказывал: я кричу и подаю сигналы моему попавшему в кораблекрушение народу, направляя его к этому Камню.

То, как сам Рабинович достиг Камня, как он «подавал сигналы» своим братьям евреям, и стало главной темой этой книги. Пользу-

ясь словами приведенной выше метафоры, я лишь добавлю, что небезынтересной может оказаться и попытка выяснить, как к его акции спасения присоединились христиане других национальностей, которые сначала лишь наблюдали за его деятельностью. Так как с тех пор, как все люди, обеспокоенные проблемой Иисуса и Израиля, услышали о мессианском движении, прошло уже ровно сто лет, то мне кажется, настало время рассказать об этом интереснейшем еврее, принявшем Иисуса Христа и давшем, кроме всего прочего, жизнь выражению «наш брат Иисус».

Сегодня, приблизительно через сто лет после смерти Рабиновича, в его родном городе Кишиневе снова есть евреи, верующие в Иисуса Христа.

*Кай Кьер-Хансен
Август 1996 года*

Необходимые уточнения

1. Даты

В отличие от многих других государств, где был введен *Григорианский* календарь (новый стиль), в России до 1918 года использовался календарь *Юлианский* (старый стиль).

Когда в данном тексте приводятся две даты, например: 24 декабря/5 января, то первая дата относится к датировке, использовавшейся в России (к Юлианскому календарю), а вторая — к западноевропейской.

Дата, после которой стоит (*p*), указывает, что был использован Юлианский календарь.

В датировках, относящихся к XIX веку, западноевропейская дата исчисляется прибавлением 12 дней к русской (по Юлианскому календарю) дате.

2. Полные названия миссионерских организаций

Большинство названий, упомянутых в книге, не требуют расшифровки. Приведенные ниже — менее очевидны:

Центральное агентство — Der evangelisch-lutherische Centralverein für die Mission unter Israel.

Британское общество — Британское общество по распространению Евангелия среди евреев (The British Society for the Propagation of the Gospel among the Jews).

Лондонское общество — Лондонское общество содействия христианству среди евреев (The London society for Promoting Christianity amongst the Jews).

Миссия «Майлдмей» — Еврейская миссия «Майлдмей» (Mildmay Mission).

3. Русское издание

Русское издание представляет собой сокращенный вариант английского издания 1995 года, где находится полная библиография и указываются все источники.

1

Нечто совершенно необыкновенное

Поворотным пунктом в жизни российского еврея Иосифа Рабиновича стало путешествие в Палестину, которое он предпринял в 1882 году. Когда он вернулся в свой родной Кишинев, главный город Бессарабии, губернии на юго-западе России, он был новым человеком. По крайней мере, так он сам потом об этом говорил. На Елеонской горе в Иерусалиме он сделал для себя бесценное открытие: Иисус был Царем Израиля и Мессией, Он был братом всех евреев и, как следствие, — ответом на «еврейский вопрос». После первого публичного выступления Рабиновича в новом качестве — еврея, уверовавшего в Иисуса, западные обозреватели обратили особое внимание на его выражение «наш брат Иисус». Некоторые из них использовали, оценивая его, эпитет «блестящее», остальные также более или менее благосклонно приняли его в качестве девиза или лозунга движения, которое возглавил Рабинович.

Рабинович и его мессианское движение быстро привлекли к себе повышенное внимание. Российским властям необходимо было принять решение по движению, поскольку они получили от Рабиновича официальную заявку на регистрацию. Еврейская пресса язвительно отреагировала на его «отступничество» и почитала его душевнобольным или человеком недалекого ума. В то же время в европейских христианских миссиях, работавших с еврейским населением, нашлось много христиан, которые приветствовали его появление и возлагали на него большие надежды. Кроме того, в различных журналах и других периодических изданиях, принадлежавших этим миссиям, появилось огромное количество публикаций как о нем самом, так и о его движении. Сведения о Рабиновиче и мессианском движении распространялись с очень большой скоростью.

Большие надежды

В январе 1885 года журнал Норвежской израильской миссии писал: «По всему христианскому миру, везде, где проблема израильского народа вызывает искреннее сочувствие, глаза людей устремлены сейчас на это замечательное движение. Оно пробуждает воспоминания о днях ранней церкви». Один датский церковный служитель написал в 1886 году о своей уверенности в том, что это движение было «знакомием в истории церкви» и что «не может

возникать никаких разногласий» относительно тех далеко идущих последствий, которые уже в то время повлекло за собой создание движения. Кроме того, он отметил, что цель, которую ставил перед собой Рабинович, «настолько созвучна свидетельству библейских пророчеств, а путь, по которому он хочет к ней следовать, настолько труден, что ему следует полагаться на любовь и молитвы всех, кто разделяет с ним часть той любви, которая была у Павла к народу Израиля».

Появлению подобных высказываний о Рабиновиче способствовал и преподаватель Ветхого Завета из Лейпцига Франц Дилич. Дилич был председателем Центрального лютеранского евангельского агентства по свидетельствованию и служению для евреев и христиан (*Der evangelisch-lutherische Centralverein für die Mission unter Israel*), а также председателем лейпцигского Института иудаизма — известного центра по подготовке служителей для израильских миссий. Кроме того, Дилич обратил на себя внимание тем, что в 1877 году перевел на иврит Новый Завет. Не будет преувеличением сказать, что в европейских израильских миссиях он пользовался в то время глубочайшим уважением.

Первые документы о мессианском движении Дилич публикует в 1884 году. Он считал движение феноменальным явлением в истории церкви, прелюдией к обращению всего Израиля, «продолжением работы Святого Духа, начало которой было положено еще апостолами в день Пятидесятницы». Об этом он с радостью писал в 1885 году. Дилич обнаружил у Рабиновича такие взгляды и представления, которые вряд ли обретали словесную форму в устах хотя бы одного еврея с апостольских времен. В кишиневском доме Рабиновича начала собираться община верующих, его дом стал как бы базисом, в котором евреи исповедовали Иисуса Господом и отдавали Ему свою любовь. «Весна пришла в это место, лучи солнца пробились сквозь тучи, небеса открываются!» — эти восторженные слова были произнесены Диличем.

Точно также Дилич не скучится на похвалы и в своем предисловии к автобиографии Рабиновича: «Иосиф Рабинович — звезда на историческом небосводе своего народа». И добавляет: «Да хранит Господь эту звезду на ее праведном пути, чтобы не угас ее путеводный свет».

Дилич поддерживал Рабиновича вплоть до своей смерти в 1890 году. Кроме того, еще в 1885 году он высказал предположение, что Рабинович, возможно, сможет занять место Реформатора своей нации. Другие пошли дальше и прямо объявили Рабиновича еврейским Реформатором. Например, орган Британского общества, газета «Джуиш геральд», писала о движении как о «второй Реформа-

ции», а первая публикация о нем вышла под заголовком «Выдающееся еврейское христианское движение на юге России». Журнал, принадлежавший другому британскому миссионерскому обществу — миссии «Майлдмей», писал о Рабиновиче как о «выдающемся человеке, которому самим божественным провидением предназначено сыграть в будущем важную роль в истории своего народа». А.Сахир, который сам был евреем-христианином и, живя в Англии, принимал активное участие в движении с момента его основания, писал о Рабиновиче как о «свидетеле от Бога». Шонбергер, который занимался миссионерской работой среди венских евреев, а также был одним из активных сторонников движения Рабиновича, сказал, что Рабинович был «избранным сосудом и мощным орудием в руках Божиих, которому предназначено заниматься благовестием среди евреев России». Служитель из Базеля Ф.Хеман, который хотя и расходился с Рабиновичем по некоторым важным вопросам, тем не менее произнес следующие слова: «Он — проповедник, посланный Богом; многие считают, что со временем апостола Павла никто не мог так сильно проповедовать еврейскому народу, как это делает Рабинович». Самуэль Уилкинсон из миссии «Майлдмей» в 1897 году сравнил Рабиновича с известным проповедником-ревивалистом Спердженом в его умении использовать примеры из жизни для иллюстрации своих мыслей.

Венгерский еврей и христианин А.Венецианер, с готовностью принявший сторону Рабиновича, также не ограничивает себя в похвалах. В 1888 году он писал: «Рабинович не пастор! Для нас он — Павел, первый и главный человек для евреев, а также — и мы, несомненно, поймем это — для еллинов». Когда американский церковный служитель А.Дж.Гордон встретил Рабиновича в 1893 году в Америке, он вспомнил Исаию или кого-то еще из ветхозаветных пророков.

Мы можем бесконечно приводить восторженные отзывы о Рабиновиче и южнороссийском мессианском движении. Некоторым читателям все эти похвалы могут показаться слишком восторженными и преувеличенными, и в судьбе движения после смерти Рабиновича они могут найти тому подтверждение. Но приведенные слова лишь свидетельствуют, что многие люди воспринимали движение как «нечто совершенно необыкновенное».

Рабинович был уверен в важности служения, в которое он был вовлечен (см. Предисловие), но он был против того, чтобы его называли учителем и реформатором. Он предпочитал именовать себя «братьем» еврейского народа. Истинная причина тяжелого положения Израиля заключалась, по его мнению, в том, что евреи не знали Иисуса как своего брата и не признавали Его Мессией. Поэтому основной задачей Рабиновича было стать для них пропо-

ведником. Это было ясно с момента его первого публичного выступления, но позднее получилось так, что правительство не дало ему разрешения на создание действующей общины и Рабинович-проповедник не нашел соперника в Рабиновиче-пасторе. В.Фабер, правая рука Дилича (особенно в делах, касающихся данного вопроса), в отчете за 1895 год открыто выразил свою веру в то, что проповеди Рабиновича оказали влияние на большее число евреев, чем деятельность любого другого христианина еврейской национальности.

С момента своего первого публичного выступления и до самой смерти Рабинович пронес веру в то, что благодаря его свидетельству и другие евреи, так же, как это сделал он сам, признают Иисуса Мессией, не потеряв при этом свое национальное самосознание.

В 1887 году он произносит следующие слова на одной из состоявшихся в Лондоне встреч:

Есть очень много христианских служителей, которые не верят в возможность обращения еврея. Они считают его до такой степени погибшим, что его уже никак не возродить к новой жизни. Это ужасная ошибка, которую можно проиллюстрировать с помощью рассказа о солдате, попавшем в списки мертвых.

Во время русско-турецкой войны после одного из боев две группы солдат отправились подбирать раненых и убитых. В одном месте они подобрали сто пятьдесят человек, и сержант записал, что убито сто пятьдесят. Был отдан приказ вырыть могилу и похоронить в ней сто пятьдесят солдат. В то время, когда мертвые тела опускали в могилу, обнаружилось, что один человек оказался жив. Он закричал: «Сжалитесь надо мной. Я не умер, я жив». Сержант же ответил: «Мне очень жаль, я бы хотел спасти тебя, но я уже внес тебя в списки убитых, и ты должен быть похоронен».

Точно так же поступают и многие богословы в своем отношении к евреям. Они говорят: «Еврей умер, он уже никогда не вернется к своему Богу и на свою землю, поэтому он должен быть похоронен». Но ведь из их слов следует, что физически еврей еще не умер, он жив; а когда он будет и духовно оживлен Христом, он принесет высшую жизнь в мертвый мир.

Рабинович упорно отстаивал мысль, что у еврея, уверовавшего в Иисуса как Мессию, нет необходимости отказываться от своего национального самосознания. Эта новая мысль стала широко известна благодаря религиозным памфлетам и журнальным статьям, публиковавшимся как в России, так и на Западе.

Сведения распространяются с очень большой скоростью

Некоторые отчеты хоть и не всегда точно указывают дату обращения Рабиновича, но все же создают впечатление, что он публично провозгласил свою новую веру в Иисуса сразу же после возвращения домой из Палестины в 1882 году. В последующих главах мы будем оспаривать эту точку зрения. Он начал публично выступать не сразу по возвращении, а лишь после того, как потратил какое-то время, проясняя для себя некоторые моменты, касающиеся его нового убеждения. Как мы увидим позднее, лишь в конце 1883 года он установил контакт с лютеранским служителем в Кишиневе Р.Фалтиным. Именно эта встреча стала толчком к тем дебатам, которые мгновенно вспыхнули как в русских газетах, так и в еврейских периодических изданиях. В марте 1884 года в Кишиневе состоялась конференция, в которой принял участие близкий соратник Дилича В.Фабер, а также представители Британского общества. В начале лета в Германии Дилич опубликовал первые документы нового движения, а осенью того же года они стали появляться и на английском языке. Особый вклад в то, что имя Рабиновича стало известно не только представителям израильских миссий, но и многим другим людям, внесла статья в «Таймсе» от 23 августа 1884 года. Немного позднее эта тема поднималась также в «Джуиш Кроникл» (например, 12 сентября и 28 ноября 1884 года и 22 мая 1885 года). В начале 1885 года Дилич публикует новые документы. К этому времени Рабинович уже провел свое первое богослужение и его имя и деятельность приобрели определенную известность; особенно часто о нем писали различные периодические издания израильских миссий. В конце 1884 года Джеймс Адлер опубликовал книгу о Рабиновиче на английском языке (*The First-type Fig*). В ней содержались некоторые материалы, уже опубликованные ранее Диличем. В 1885 году книга была переиздана под другим названием и включила в себя интервью, которое Рабинович дал Джону Уилкинсону в Германии в 1885 году. В том же году Г.А.Крюгер выпустил книгу на французском языке, содержащую те же материалы, что и книга Дилича. В 1886 году книга о Рабиновиче вышла на датском языке. Этот список может быть продолжен и дальше.

В феврале 1885 года «Джуиш Геральд» могла без преувеличения утверждать, что движение в Бессарабии «было замечено прессой всего мира», а также добавить, что «еще раньше нас время от времени больший или меньший интерес к движению проявляли английские, германские, французские, итальянские, американские светские и религиозные, еврейские и христианские журналы...»

2

Путешествие к Святой Земле в 1882 году

История обращения Рабиновича относилась к самым популярным среди подобных ей историй, которые снова и снова пересказывались в конце XIX века. Ее было очень удобно использовать для назидания.

Из-за отсутствия более удачного термина мы будем пользоваться словом «обращение» для обозначения того, что произошло с Рабиновичем во время его поездки в Палестину в 1882 году. Именно это слово использовали современники Рабиновича, и мы тоже можем его принять, потому что после этого события его жизнь круто изменилась. Сущность его новой веры в Иисуса не была, тем не менее, определена им раз и навсегда, как это может показаться при знакомстве с более поздними описаниями. Во-первых, очень важно, что его обращение вовсе не означало, что он перестал считать себя евреем. Кроме того, после своего обращения он не стремился использовать любую возможность для того, чтобы публично возвещать об этом по всему миру; наоборот, он, по-видимому, потратил какое-то время на тщательное изучение Нового Завета и, прежде чем выступить публично, рассказывал о своей новой вере лишь ограниченному числу людей.

Можно легко прийти к заключению, что и сам Рабинович иногда своими высказываниями наводил на мысль или, по крайней мере, создавал у людей впечатление, что он вернулся в Кишинев из Иерусалима, уже имея перед собой ясное представление о своей новой вере и новых задачах. Однако в своем письме, отправленном в сентябре 1884 года, он дает понять, что окончательно разобрался в своих мыслях уже после возвращения из поездки.

...С тех пор как моя нога ступила на святую землю Иерусалима и я узрел то место, где они пронзили Его [Иисуса], Господь открыл мне глаза, чтобы я смог увидеть то, что написано в Законе, Пророках и Псалмах о спасении; и я слегка прикоснулся к тайне..., которая, к моему большому сожалению, до сих пор остается скрытой для большинства моих братьев евреев.

Но приблизительно через десять лет после этого он пишет о том же самом путешествии:

Это путешествие явилось для меня средством личного спасения; там, на Елеонской горе, я нашел Того, о Кого писали Моисей и Пророки — Иисуса-Мессию; я нашел подлинное успокоение для моей души. По моем возвращении из Иерусалима в Россию я был новым человеком; я отправился в путешествие от имени евреев, а вернулся к ним обратно в качестве посланника, посланника Иисуса-Мессии. Я вернулся для того, чтобы свидетельствовать о Нем большим и малым, свидетельствовать об истинном Мессии, распятом и восставшем из мертвых.

В 1896 году, будучи в Шотландии, он сказал:

...Это произошло в тот момент, когда я стоял на Елеонской горе — Князь Жизни, Господь Иисус Христос явил Себя мне в качестве Божественного Мессии, и когда я спустился с горы, я чувствовал, что моя душа возродилась к новой жизни и я познал, что у меня есть живой Бог, живая Книга и живой народ. С тех пор я глубоко убежден, что наш Бог — не Бог мертвых, но Бог живых, ибо у Него «все живы» (Лк. 20:38).

Я вернулся домой, в Россию, новым человеком. Я начал свидетельствовать о том, что я нашел, перед моими братьями и соседями в надежде, что и они обретут ту жизнь, которую уже обрел я. В то время у меня не было представления, что именно происходило в христианских церквях. Поэтому я не чувствовал необходимости в получении каких-либо указаний с их стороны, у меня уже было указание, данное Верховным Учителем, Самим Иисусом Христом. Несмотря на это, я относился к церкви с дружеским уважением, как маленький ребенок, называющий каждого знакомого мужчину дядей. Но когда я видел вокруг себя далеко не одного дядю, я чувствовал, что больше нуждаюсь в братьях, чем в дядях, ибо по мере того, как я возрастал в Господе Иисусе, я жаждал не столько руководства дяди, сколько братского понимания и любви, особенно во время, когда те, которые были моими братьями по происхождению, покинули и изгнали меня.

Было бы несправедливо требовать от Рабиновича, чтобы он привел все детали, касающиеся его обращения. Тем не менее, можно утверждать, что в последних двух цитатах ход событий в значительной степени сжат и упрощен. Реальность была намного сложнее, чем она представлена в этих словах. Пролить свет на эту проблему можно, лишь обратившись к некоторым деталям.

Когда он покинул дом

В начале 1880-х годов вокруг российских евреев сложилась очень напряженная обстановка. Второго марта 1881 года был убит царь Александр II; его преемник Александр III проводил более жесткую политику по отношению к евреям. С 15 апреля 1881 года и, с небольшими промежутками, до конца апреля 1882 года по юго-западу России прокатилась волна погромов. 20 апреля 1881 года один из таких погромов произошел в Кишиневе. После этого погрома в газеты не попало ни одного сообщения об убийствах, точно так же, как это впоследствии было и в 1903 году (см. гл. 6 и 18). Погромы начала 1880-х годов уже носили далеко не такой эпизодический характер, как, например, те погромы, которые пережили одесские евреи в 1825, 1841 и 1871 годах. С помощью Временных правил, или «майских законов» от 3 мая 1882 года правительству удалось на время приостановить погромы. Но за защиту, предложенную правительством, платить приходилось евреям: на них были наложены новые ограничения, например, они не имели права селиться вне городов или деревенских крестьянских общин. Размер деревень при этом не уточнялся. Евреям было запрещено также торговать по воскресным дням, во время христианских праздников и т.д.

Поэтому совсем не удивительно, что сионистские идеи получили новый импульс к развитию, особенно среди европейской молодежи. Стали появляться так называемые группы верных друзей Сиона (Chovevey Zion), целью которых было содействие эмиграции в Палестину. 1882 год будет позднее назван годом первой алии, то есть первой эмиграции в Израиль. В этом году появилась первая европейская колония Ришон Лецион. Но многие евреи вместо того, чтобы ехать в Палестину, мечтали о другой «земле обетованной» — об Америке, куда с 1 июля 1881 года по 30 июня 1882 года выехало более 17.000 российских евреев.

Еще до того как Рабинович отправился в Палестину, это его решение вызвало негативную реакцию. Его положение представлялось ему самому похожим на положение лошади, которая скачет для того, чтобы избавиться от мух, выющиеся вокруг раны на ее спине, но добивается лишь того, что ее враги перелетают с ней на новое место.

Идея переселения действительно сильно его заинтересовала, и он решает поехать в Палестину для того, чтобы выяснить, действительно ли переселение может стать решением европейской проблемы. Предположительно, Рабинович отправился в путешествие в апреле 1882 года, а уже 6/18 мая он отправил редактору «Хамелица» письмо из Константинополя. Обратно в Кишинев он вернулся 24 июня/5

июля. Исходя из того, что Рабинович был связан сроками, определенными въездной визой, и покинул Иерусалим 18 мая, он вряд ли провел в Палестине больше месяца; поэтому мы вполне можем заключить, что Кишинев он покинул во второй половине апреля 1882 года, а к 5 июля уже вернулся обратно.

Другой вопрос заключается в том, насколько официальной была эта поездка. Из его собственных слов, которые он произнес в 1893 году, получается, что он был послан от имени еврейского народа. Если судить на основании стенограммы его лейпцигской речи 1887 года, он был выбран специальной комиссией для того, чтобы на месте ознакомиться с условиями проживания в Палестине. На этом фоне очень странно, что в своей последней (вероятно) статье в еврейском журнале «Хамелиц», которую он написал 27 июня/8 июля 1882 года в Кишиневе, он всячески старается затушевать или даже отрицать тот факт, что он был делегатом от еврейской общины Кишинева; он пишет, что путешествовал как частное лицо по просьбе нескольких близких друзей.

Во время поездки у Рабиновича возникло довольно много проблем, которые начались еще до того, как он прибыл в Палестину.

По пути в Палестину

Заручившись рекомендательными письмами к влиятельным палестинским группам, Рабинович отправился в путешествие. Сначала он посетил север и запад Буковины и Галиции, где провел консультации с созданными там эмигрантскими комитетами, а затем навестил известного раввина-чудотворца в Садогоре, у которого, однако, не оказалось возможности поддержать проект.

После этого он отправился в Константинополь. По дороге он встретил группу евреев, которые пробирались в Палестину, но не могли продолжать свой путь, потому что, по словам Рабиновича, турецкое правительство отказывало им во въездных визах.

Кроме того, Рабиновичу пришлось определиться в своем отношении к проживавшему в Англии стороннику сионизма Лоренсу Олифанту, который отказался в 1867 году от своего места в парламенте для того, чтобы заняться оккультными и подобными им вопросами, а в 1879 году вновь стал депутатом парламента от еврейского поселения в Галааде. Его интерес к сионизму частично подогревался его религиозным мистицизмом, частично стремлением улучшить экономическое и культурное состояние ближневосточных владений Турции во имя сохранения мира в Европе. Он поддерживал отношения с российскими и румынскими группами Chovevey Zion, а также пытался оказывать влияние на султана в Константинополе.

Рабинович очень быстро понял, что на самом деле представлял из себя Олифант. В своем письме от 6/18 мая он резко его критикует и ясно отмечает, что Олифант вовсе не оказывает того влияния на султана и его министров, которое ему приписывалось. Кроме того, у него не было и денег для оказания какой-либо помощи. Рабинович писал: «Английский Бар Кохба был “бар козиба” — сын звезды был сыном лжи». Турецкое правительство препятствовало еврейской иммиграции в Эрец Израэль. Рабинович считал, что его послание должно быть услышано всеми, кто помышлял об эмиграции: недостаточно было принимать во внимание лишь богатство земли; необходимо было помнить при этом и то, что въезд в страну был перекрыт турецким правительством, которое «держит в своих руках ключи от опустевших врат Палестины».

Атака на Олифанта, предпринятая Рабиновичем, вызвала оцепенение в российских эмигрантских кругах. В «Хамелице» разгорелись горячие споры, и Рабинович, который в то время еще находился в Палестине, подвергся резкой критике сразу по нескольким пунктам. Вернувшись домой, он, как мы уже писали выше, не смог скрыть разочарования, узнав, что против него ополчились все редакторы еврейских периодических изданий.

Когда нога Рабиновича ступила на Святую Землю, он ничего не знал о том, какие споры разгорелись из-за его походных заметок. В один из дней последней декады мая 1882 года он, вероятно, прибыл в Яффу.

Встреча с Палестиной

Даже средиземноморский город-порт Яффа, название которого означает на древнееврейском языке «прекрасный», вызвал у Рабиновича разочарование. Жизнь в городе не соответствовала названию, а сам город показался ему самым убогим и грязным из тех, которые ему доводилось видеть ранее. Не лучшее впечатление оставила и встреча с членами эмигрантского комитета, который наводнил все еврейские журналы своими «приглашениями». В их стремлении переселить как можно больше евреев в Палестину Рабинович увидел лишь попытку улучшить свое собственное финансовое положение. «Я чувствую, что это обман», — говорил он.

Уже после этих первых встреч он начал понимать, что проблемы российских евреев нельзя решить при помощи эмиграции в Палестину. Однако он продолжил свое путешествие к Иерусалиму, решив «в любом случае выполнить поручение»; компании ему составил секретарь пользовавшегося в то время широкой известностью сэра Моисея Монтефиоре. В Иерусалиме его первое впе-

чтение о нищенских условиях жизни евреев Палестины только усилилось.

В 1887 году он рассказывал о том, что мусульмане относились к евреям с глубочайшим презрением и всячески их притесняли. В пятницу вечером, накануне священной для евреев субботы, Рабинович оказался у Стены плача, где евреи собирались для молитвы. Как он рассказывал позже, евреи не могли даже плакать у Стены плача без того, чтобы не подвергнуться насмешкам и нападкам со стороны мусульман. Ему было трудно представить, что евреи смогут мирно жить в таких условиях.

Как бы то ни было, пессимистические выводы Рабиновича о европейской иммиграции в Палестину остановили лишь немногих. Даже та группа, которую он встретил в Константинополе в мае, добралась-таки до Палестины осенью 1882 года.

Негативное отношение Рабиновича к подобному решению проблемы разделяли и другие представители европейской нации, не считая себя при этом плохими евреями. Для Рабиновича же самым важным было то, что разочарование, которое он пережил в Палестине, привело его к открытию: Иисус есть Царь евреев и их Мессия.

Рабинович на Елеонской горе

«На Елеонской горе я обрел Иисуса», — сказал Рабинович Венцианеру в 1887 году. На этом фоне кажется странным, что в своей автобиографии, опубликованной в 1887 году, он вовсе не упоминает ни о самой Елеонской горе, ни о том, что там произошло.

Не было ничего странного в том, что Дилич был раздражен и удивлен. Когда Рабинович поехал в 1887 году в Лейпциг, в его планы не входило внесение дополнительных подробностей в финальную часть автобиографии. Это, тем не менее, не помешало ему рассказывать о том, что с ним произошло! На встрече в Лондоне, состоявшейся 11 января 1887 года, он поведал историю своего «обращения». При воспоминании о пережитом у Стены плача ему в голову пришли слова из Второй книги Паралипоменон 36:14-16: «так что не было ему спасения». В иудейской Библии эти слова находятся в последней главе самой последней книги. Как будто свет излился с небес, и Рабиновичу стало ясно, что все страдания еврейского народа и запустение, царящее в Палестине, происходят оттого, что евреи упорно отвергают Иисуса, в то время как выход из создавшегося положения нужно было искать именно в Нем. То, как Рабинович говорил об этой проблеме, дает основание предполагать, что он уже был знаком с Новым Заветом и его учением.

Статья, посвященная этому вопросу, в основу которой лег доклад, сделанный Рабиновичем в Лондоне, проясняет далеко не все

детали. И все же нам не приходится блуждать в полной темноте, особенно если верить стенограмме лейпцигской встречи, состоявшейся 13 февраля 1887 года. На этой встрече Рабинович удовлетворил просьбу одного из собравшихся рассказать о тех событиях, которые привели к созданию мессианского движения на юге России.

Рассказав о разочарованиях, постигших его в Палестине, он поведал собравшимся о том, что произошло с ним на Елеонской горе. Как-то в конце дня, еще до начала заката, он поднялся на гору и, присев на склон, с которого открывался вид на Гефсиманский сад, отдался переполнявшим его скорбным мыслям о безнадежном положении своего народа. Далее читаем в стенограмме:

Неожиданно одно слово из Нового Завета, слово, которое он прочитал 15 лет назад и на которое тогда не обратил внимания, как луч света пронзило его сердце: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8:36). С того самого момента его душе открылась истина, что Иисус есть Царь, Мессия, Единственный, Кто может спасти Израиль. Он был глубоко затронут своим открытием, вернулся в свою комнату и достал с полки Новый Завет. Когда он читал Евангелие от Иоанна, следующие слова глубоко поразили его: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15:5). Таким образом, через проповедование Всемогущего Бога он был просвещен ЕВАНГЕЛЬСКИМ светом. С тех пор его девизом стали слова «Иешуа Ахину» (Иисус наш брат), эти слова были с ним, когда он возвратился в Россию.

Как мы уже упоминали, это выдержка из стенограммы. Она, вероятно, наиболее точно описывает обращение Рабиновича. Из его слов вытекает, что обращение было внезапным и неожиданным. В то же время можно отметить, что в багаже Рабиновича уже был Новый Завет. Для начала мы попытаемся пролить свет на это обстоятельство.

Новый Завет в багаже

Следует считать очевидным, что у Рабиновича был экземпляр Нового Завета на иврите. Возможно, это был тот самый экземпляр, который ему подарил один из его друзей еще в 1850-х годах (см. гл. 3). В некоторых источниках мы можем прочитать, что он взял свой Новый Завет вместе с другими «путеводителями» для того, чтобы во время путешествия почерпнуть из него информацию о христианских святых местах. Но если это действительно так, то мы все равно не знаем, кто дал ему этот совет, хотя нетрудно предположить, что какой-нибудь просвещенный еврей вроде самого Раби-

новича просто порекомендовал ему последовать совету других прозорливых евреев. То, что в его багаже оказался Новый Завет, вовсе не означает, что в его голове уже рождались мысли о христианстве. В вопросах, подобных этому, обычно бывает очень сложно достичь определенности.

Некоторые некрологи и более поздние биографии близки к тому, чтобы изображать Рабиновича этаким ищущим евреем, путешествовавшим по святым христианским (!) местам с Новым Заветом в кармане в качестве путеводителя. По утверждению одного из британских некрологов 1899 года, Рабинович, бродя по Иерусалиму, носил с собой в кармане Новый Завет до тех пор, пока наконец не открыл его на Елеонской горе. Или вот что говорится в другом месте: «Он брал с собой Новый Завет, читал его во время посещения святых мест, где когда-то проходил Иисус, и постепенно приходил к убеждению, что именно в этой Книге следует искать Истину». Автор литографии, опубликованной в 1886 году, изображая обращение Рабиновича, также исходил из того, что у него был с собой Новый Завет (см. иллюстрацию в конце книги).

Картина отразила стремление автора увязать обращение Рабиновича и его христианские убеждения с чтением Нового Завета. Поскольку литография не предоставляет возможности показать динамику (как, например, в мультильме), то на ней были изображены все необходимые по мнению художника атрибуты, и без Нового Завета обойтись здесь было просто невозможно. Как бы то ни было, большинство материалов свидетельствует, что во время пребывания в Иерусалиме Рабинович далеко не всегда носил с собой Новый Завет. Это дает нам основания скептически относиться к более поздним материалам, имеющим тенденцию к приукрашиванию действительности и представляющим Рабиновича неким ищущим истину пилигримом.

Подобное отношение не означает, однако, что мы отрицаем всякую роль Нового Завета в его обращении. Существуют источники, в которых либо утверждается, что он читал Новый Завет до своей поездки, но лишь эпизодически, либо просто отмечается, что он был знаком с его текстом. К этому вопросу мы еще вернемся в следующей главе, а сейчас попытаемся разобраться, был ли Рабинович знаком с Новым Заветом лучше, чем это признавалось. Если опираться на его собственные публичные выступления в 1887 году в Лондоне и в Лейпциге, то он читал Новый Завет и до поездки в Палестину.

Как бы то ни было, факт, что после поездки в Святую Землю он на самом деле был очень хорошо знаком с Новым Заветом, не вызывает особых сомнений. При этом у него была непоколебимая уверенность в том, что распространение Нового Завета среди евре-

ев и других народов могло бы принести обильные плоды. Уже в 1883 году он дарит Новый Завет на иврите своему племяннику Самуилу Рабиновичу, сопроводив свой подарок следующей надписью: «Читай и не бойся имени Иисуса». В декабре 1885 года племянник принял крещение.

На лондонской встрече в 1887 году Рабинович говорил:

Когда еврей спрашивает меня, что ему следует делать и по какому пути идти, я советую ему читать Новый Завет. Если же он мне говорит, что уже сделал это, то я отвечаю ему точно так же, как отвечает врач своему пациенту после того, как прописанное лекарство приносит тому некоторое облегчение: «Продолжайте и дальше принимать это же лекарство». Я говорю больному грехом еврею: «Продолжайте и дальше читать Новый Завет, и вы достигнете желаемого результата».

В Святой Земле полностью исчезли сионистские надежды Рабиновича, однако у него оставалась надежда на создание национальной еврейской автономии в Палестине (см. гл. 9). Когда он вернулся в Кишинев, его надежды имели четкую социальную ориентацию. Он считал, что еврейский вопрос не может быть разрешен без помощи «нашего брата Иисуса».

Мы еще вернемся к этой теме, но сначала поговорим немного о том, какой была жизнь Рабиновича до 1882 года. Сделать это не представляет большого труда, ибо сам Рабинович достаточно подробно ее описал. Основные моменты могут быть проверены также и по многочисленным еврейским источникам. В этой связи наибольший интерес представляют те источники начала 1880-х годов, в которых выражаются различные точки зрения на Рабиновича и его деятельность до поездки в Палестину.

3

Жизнь Рабиновича до 1882 года

Некоторые факты из «Автобиографии» Рабиновича, которую он закончил в 1886 году, можно легко проверить, сопоставив их с материалами различных источников. В частности, некоторые его статьи, опубликованные уважаемыми еврейскими газетами и журналами, свидетельствуют, что ему нравилось пользоваться некоторой степенью известности. В библиографическом справочнике современной европейской литературы за 1881 год К.Д.Липпе называет Рабиновича *Privatgelehrter'ом* (выучившимся самостоятельно), а затем добавляет на иврите: «Упомянутый почтенный ученый опубликовал несколько важных статей, что уже делает честь» — и приводит ссылку на статью в «Габокер Ор» (см. ниже). В первом материале, опубликованном в «Хамелице» в ответ на письмо Рабиновича от 6/18 мая 1882 года, в котором он выразил свое отрицательное отношение к Олифанту, он был назван «ученым автором»; именно поэтому его суждение об Олифанте вызвало такой шок.

Для того чтобы было удобнее следить за изложенным у Рабиновича ходом событий, нам необходимо сначала обратиться к информации, опубликованной о нем в «Хамелице». Немного позже мы вернемся к тому спорному контексту, из которого были получены эти данные (см. гл. 4).

Краткая биография уважаемого еврея

Статья о Рабиновиче вышла на первой полосе «Хамелица» 20 января/1 февраля 1884 года. Его редактор Александр Цедербаум упрекает Рабиновича в том, что тот не поставил его в известность относительно своей новой веры, и призывает открыто обо всем рассказать, ибо за границей упорно распространяются слухи, что он перешел в лютеранскую веру и не только сам сбился с истинного пути, но увлекает за собой и других людей. Для того чтобы внести ясность в позицию редактора, обратимся к тому, что он пишет по этому случаю о Рабиновиче:

- нам было сложно поверить, что такой человек мог поступить подобным образом;
- мы знакомы с ним уже около двадцати лет, включая тот период, когда он жил в Оргееве;
- мы знаем его как знатока Закона;

- он одинаково хорошо говорит и пишет на иврите и на русском;
- он любит свой народ и страстно выступает за его просвещение (Хаскала) и укрепление его веры;
- он высокоученый и высоконравственный человек;
- когда он обосновался в еврейской общине в Кишиневе, то пользовался там большим уважением;
- многие люди прислушались к его предложению создать общество содействия развитию земледелия среди евреев Бессарабии;
- когда начались гонения на евреев, он рассказал друзьям о своей идеи переселения в Эрец Израэль;
- он совершил путешествие в Иерусалим через Константинополь и Яффу;
- он подвергся критике за то, что выступил против Олифанта, но он сделал это лишь потому, что переживает за свою веру и свой народ.

На этом фоне уже не кажется странным, что редактор задает следующий вопрос: «Как же мы могли поверить тем, кто говорил, что такой человек мог изменить своим убеждениям, да еще в столь преклонном возрасте?» Впоследствии он признался, что сначала просто посчитал эти слухи кознями врагов Рабиновича.

Понятно, какую реакцию могли вызвать известия об отступничестве Рабиновича. Имя Иосифа Рабиновича имело вес в среде просвещенных евреев, а сам он пользовался их уважением, поэтому его новые убеждения вызвали не только удивление, но и чувство горечи и боли. В то же время приведенные редактором «Хамелица» факты подтверждают основные моменты жизни Рабиновича, описанные им в «Автобиографии».

Из «Автобиографии» Рабиновича

Иосиф бен Рабинович родился 11/23 сентября 1837 года в небольшом бессарабском городе Резена. Предки обоих его родителей были раввинами, отсюда, конечно же, и фамилия: сын раввина — Рабинович. Его мать умерла, когда он был еще ребенком, и семья уехала из города. Иосиф же остался в Резене со своим дедушкой по матери, горячим приверженцем хасидизма, что и определило то воспитание, которое он получил. Его учили любить Тору, Талмуд и другие добрые иудаистские книги. Три раза в год дед возил его в Рожков к местному цадику, раввину Салмине. Когда ему было шесть лет, он мог прочитать наизусть Песнь песней, а в семь лет — трактат Суккот из Мишны.

Так как его дед стал слишком стар, чтобы о нем заботиться, в 1884 году его отдали на воспитание проживавшей в Оргееве бабуш-

ке по отцовской линии. Под руководством раввина (которому за это очень хорошо платили) Иосиф начал изучать Талмуд. Он был настолько увлечен хасидизмом, что совершенно не интересовался развлечениями, занимающими обычно детей в его возрасте, не играл и не ходил гулять. Когда ему было 15 лет, в доме появились сваты, и в июле 1853 года, за несколько месяцев того, как он достиг шестнадцатилетнего возраста, состоялась помолвка. В соответствии с существовавшим обычаем, свадьба должна была состояться в течение последующих трех лет. Еще до истечения этого срока, где-то в конце 1855 года, он познакомился с новыми западноевропейскими идеями, которые в то время начали доходить до Бессарабии. Эти «воды» стали постепенно сбивать и гасить огонь, горевший в... сердце», до этого полностью отданном хасидизму. Примерно в это же время российские власти разрешили наконец еврейским детям изучать русский язык. Свои плоды принесло и знакомство с работами Моисея Мендельсона, и с реформистским иудаизмом. Работы Мендельсона помогли ему постичь суть логического мышления. Он прочитал самые свежие произведения европейской и иноязычной литературы и почувствовал, что начал просыпаться от того сна, в котором пребывал благодаря стараниям своих учителей-хасидов.

Другими словами, 16 — 18-летний подросток начал постепенно охладевать к учению хасидизма. Западноевропейские культурные тенденции оказали свое влияние на него, как и на многих других российских евреев.

Рабинович упоминает о том, что еще до женитьбы он встретился с Иехиелем Цви Гершенсоном, большим знатоком Талмуда, который жил в то время в Кишиневе и водил знакомство с людьми, которых принято было считать «просвещенными». Этот человек открыл Рабиновичу глаза на то, каким образом европейская Каббала ограничивает кругозор евреев. «Моя душа, писал Рабинович, все прочнее и прочнее сливаются с душой моего друга Гершенсона. Мы сидели с ним бок о бок дни и ночи напролет, пытаясь вникнуть в Божественный и человеческий законы и выяснить для себя, какой из многочисленных путей может оказаться дорогой к счастью».

Однажды Гершенсон привез Рабиновичу в Оргеев переведенный на иврит Новый Завет, подарок церковного служителя из Кишинева. Гершенсон взял его, чтобы выяснить, чему учили людей Иисус из Назарета и во что верят христиане. Он передал его Рабиновичу со словами: «Кто знает? Возможно, это именно его пришествие предсказывали пророки». В этом месте «Автобиографии» Рабинович добавляет, что у него до сих пор сохранился этот экземпляр Нового Завета.

Изучение древних еврейских работ по философии религии, стремление изучить русский и немецкий и не в последнюю очередь дружба с Гершенсоном, которого многие в хасидских кругах считали вольнодумцем, пробили брешь во взаимоотношениях между Рабиновичем и его учителем, а также хасидизмом в целом. По этой причине он решил покинуть Оргеев.

Он переехал к своему отцу в Машковиц. Здесь он продолжал размышлять над теми же вопросами и при каждом удобном случае высказывался против хасидизма. Его отец не только не препятствовал ему на его новом пути, но даже пытался оказывать посильную помощь. Глаза Рабиновича были теперь широко раскрыты на мир, созданный руками Господа; ему нравилось наблюдать за работой крестьян на полях, заводить знакомство с еврейскими и нееврейскими торговцами, приезжавшими в деревню продавать вино и табак. «Я вырвался из того круга, который до тех пор крепко меня держал, и увидел, что в этом мире существует много занятий помимо учения и бесплодных размышлений».

Затем, возможно, в декабре 1855 года, Рабинович женился на 17-летней Голде, которую ему сосватали еще несколько лет назад. «Где вы встретите такого сына среди народа Израиля, которому бы пришлось впоследствии ломать голову над тем, что уже дал ему в руки отец?» В соответствии с обычаем, в течение полутора лет после свадьбы молодая жена должна была жить в родительском доме. Дом жены Рабиновича находился в Оргееве, откуда он лишь недавно переехал. Вспоминая об этом периоде своей жизни, Рабинович пишет, что все свободное время он проводил в компании Гершенсона, который в то время также жил в Оргееве со своей женой. «Кроме этого, я посещал лишь Бейт Гамидраш, где молился утром и вечером», пишет Рабинович. Следует отметить, что, во-первых, имя Гершенсона после этого больше ни разу не встречается в «Автобиографии» и, во-вторых, в ней вовсе не упоминается тот факт, что женой Гершенсона была родная сестра Рабиновича. Умалчивает Рабинович и о том, что в то время, когда он писал свою «Автобиографию», Гершенсон уже давно был христианином. Ниже мы более подробно рассмотрим эти достойные внимания опущения.

Незадолго до первой годовщины свадьбы у Рабиновича родился сын Владимир; прожив полтора года в доме родителей жены, он купил небольшой магазинчик в Оргееве, куда они и переехали. Однако в 1859 году магазин и жилая пристройка к нему сгорели дотла. «Все мое состояние, мои книги и одежда пали жертвой того большого пожара...» В условиях полного разорения и под давлением сложившихся обстоятельств он пытается овладеть русским язы-

ком и изучает законодательство Бессарабии и Оргеева, чтобы получить возможность подрабатывать в качестве юрисконсультта или адвоката. И его эксперимент увенчался успехом — об этом говорит тот факт, что уже в 1860 году у него было прочное положение в обществе и многие люди приходили к нему за советом. Кроме того, он стал посыпать свои статьи в еврейские газеты Одессы. Когда он взял в свои руки организацию общинного училища Талмуда и Торы, в котором еврейских мальчиков должны были обучать русскому и еврейскому языкам, а также преподавать им Писание и Талмуд «в соответствии с современными требованиями науки», его (хотя и не только за это) стали называть «другом еврейского народа». Крометого, он возглавил движение за повышение нравственного состояния евреев, что также возвысило его в глазах окружающих. «Авторы просили меня дать положительную рекомендацию их книгам, либеральные писатели просили принять участие в их проектах. Все партии отдавали должное моей беспристрастной деятельности во благо и процветание народа Израиля», пишет он.

В 1866 году Рабинович становится хозяином большого продуктowego магазина; а в 1869 году — первым евреем, избранным в городское собрание Оргеева. Кроме того, он стал членом комитета по назначению присяжных заседателей. Эта политическая активность «увенчала третий десяток моей жизни». Он пишет об основной цели своих проектов и своей деятельности в целом: «величайшим желанием моего сердца было желание увидеть мой возлюбленный народ счастливым на его Российской родине».

Инструментом достижения этой цели было «просвещение». У Рабиновича были надежды, что дух нового времени сделает евреев свободными, даст им равные с другими людьми социальные и гражданские права. «Но, — пишет он, — моя вера в спасение Израиля через просвещение была подорвана». Он упоминает некоторые события, которые послужили этому причиной. Франция Наполеона III потерпела поражение от Германии, несмотря на то, что французы «сделали для блага просвещения больше, чем любая другая нация». Упоминает он и о гонениях на евреев, имевших место в Одессе в 1871 году, когда дружески настроенные верующие горожане остались лишь немыми зрителями неистовства толпы фанатиков. «Тогда мне стало ясно, что просвещение неспособно защитить евреев от их врагов». Евреи Одессы, пишет он, первыми обратились к идеям просвещения, но они же и первыми столкнулись с угрозой физического уничтожения. И наконец, Рабинович упоминает о том, что за время своей политической деятельности он пришел к выводу, что люди хорошо относятся к евреям только в случае, если это может принести им какую-нибудь выгоду, в ос-

тальных случаях они их презирают. «Будущее российских евреев представилось мне похожим на плотно затянутое свинцовыми тучами небо». Он решает сделать то, что ему кажется наиболее верным в данной ситуации, и, оставив все свои общественные посты в Оргееве, в ноябре 1871 года переезжает в Кишинев «словно для того, чтобы начать там новую жизнь».

В Кишиневе он занялся практикой в качестве юрисконсульта и адвоката. В 1872 году от холеры умерла младшая из четырех его дочерей. Старший сын Владимир посещал гимназию в Кишиневе еще до переезда семьи. Юридическая практика процветала, и в 1873 году у Рабиновича было уже достаточно средств, чтобы построить себе довольно большой дом. Он давал консультации по юридическим и финансовым вопросам, а в свободное от основной работы время читал дома Писание и преподавал русский язык и иврит. В обрядах, соблюдаемых еврейской общиной, он принимал участие лишь по субботам и еврейским праздникам. Каждую субботу в его доме собирались образованные люди со всего Кишинева, чтобы выслушать его мнение по различным религиозным и научным вопросам или узнать что-нибудь новое об иудаизме.

С этого времени, то есть с начала 1870-х годов, он становится корреспондентом нескольких еврейских периодических изданий, выходящих в Санкт-Петербурге. Среди этих изданий был и уже упоминавшийся нами «Хамелиц». Рабинович писал статьи о духовных и светских нуждах евреев Бессарабии.

Сильное влияние на него оказала война между Сербией и Болгарией с одной стороны и Турцией с другой. После того как в 1878 году Сербия и Болгария обрели независимость, у него зародилась надежда, что народ Израиля тоже мог бы добиться для себя подобной самостоятельности.

В 1878 году он написал большую статью, опубликованную позднее (в 1879 году) в еврейском журнале «Габокер Ор». В этой статье он заявил о необходимости улучшить положение раввина, считая, что без этого не удастся улучшить духовное состояние еврейского народа. Вместе с другими людьми он занимался также проблемой популяризации земледелия среди евреев. Он читал лекции по земледелию и стал сооснователем общества, целью которого была поддержка бедных еврейских семей, решивших заняться садоводством.

Таким образом, к 1870-м годам Рабинович пришел к выводу, что недостаточно только размышлять и говорить, необходимо действовать. Он дал общую характеристику евреев: «Они очень любят поговорить, но меньше всех способны на активные действия». Он пытается вести борьбу с однообразием и скучой, которую постоян-

но наблюдал среди своих знакомых евреев, павших жертвами бездеятельности и безразличия, и публикует серию статей в «Хамелице», имевших целью побудить российских евреев оказать поддержку его проекту популяризации земледелия. Он вновь начинает активно участвовать в религиозной жизни, принимает участие в организации великолепного молитвенного зала, в котором благодаря талантливым певцам проходили торжественные службы, «а все безвкусное и отталкивающее было убрано в интересах хода собрания». Он пишет, что занял один из высоких постов в этой общине.

В 1874 и 1876 годах у него родились сыновья Давид и Нatan.

Последнее замечание, которое он делает в «Автобиографии» о евреях, касается их представления о самих себе как о хороших торговцах, что, по мнению Рабиновича, вовсе не является неоспоримым фактом. Этот же вопрос он поднимал в своей статье, опубликованной в «Хамелице» в 1880 году.

В последней части «Автобиографии» рассказывается о возникновении южнороссийского мессианского движения. Он «терзает» себя, пытаясь найти «решение еврейского вопроса» на фоне трех событий, о которых он упоминает лишь вскользь: смерти «нашего праведного царя Александра II» (1881), погромов в различных частях России (1881 — 1882) и эмиграции гонимых евреев в Америку и Палестину. Не вдаваясь в объяснение значения этих событий, он продолжает: «Эти события помогли мне узнать Того, о Кому писали Моисей и Пророки, — Иисуса из Назарета, Который сказал о Себе (Ин. 18:37): “Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает голоса Моеего”».

На этих словах Рабинович заканчивает свое повествование, откладывает перо в сторону и, обратив взгляд на Того, Кто сидит на небесном престоле, спрашивает, долго ли еще продлится Его праведный гнев по отношению к избранному Ем народу, и просит Его об одолжении самому убедиться в том, что Господь обещал мир людям и святым Своим, и в заключение выражает уверенность, что помочь Господа непременно придет к тому, кто будет жить в страхе перед Ним.

Это вся «Автобиография». Сравнив ее со статьей редактора «Хамелица», опубликованной в начале 1884 года, нам будет совсем нетрудно увидеть сходство основных контуров биографии Рабиновича.

Уважаемый мечущийся просвещенный еврей

Нет никаких сомнений в том, что до путешествия в Палестину Рабинович был евреем уважаемым и просвещенным. Те еврейские круги, которые были к нему отрицательно настроены, точно так же относились и ко всем остальным просвещенным евреям, которые отвергли все, чему их учили с самого детства, независимо от того, был ли это хасидизм или ортодоксальный иудаизм. В постскриптуре к одной из статей Рабиновича в «Хамелице» редактор хотя и пишет о своем несогласии со взглядами Рабиновича, тем не менее, называет его «любимым писателем», «понимающим человеком», «просвещенным автором» и «этим ученым автором». Его сознательно называют «рабби» (ха-Рав), хотя он никогда не был рукоположен. Сам Рабинович открыто заявлял, что никогда не сдавал никаких экзаменов и не посещал официальных школ.

Как о «рабби» пишут о нем и авторы, подвергшие критике его статью, присланную из Константинополя, хотя, повторю еще раз, он вряд ли на самом деле был раввином как до, так и после 1882 года. Возможно, на основании собственных слов Рабиновича один из английских источников в 1887 году упоминает, что его теща хотела видеть его раввином, но этому желанию не суждено было сбыться. Возможно, именно это ввело в заблуждение журнал Свободной Церкви Шотландии, который назвал Рабиновича «русским экс-раввином». Некоторые христианские источники называют Рабиновича «христианским раввином». «Его называют рабби, но только те, кто разделяет его учение», пишет в своей «хронике» визита в Кишинев (в 1888 году) лидер шотландской церкви А.Н.Сомервиль. В любом случае, ни до, ни после 1882 года он не был рукоположен в сан раввина, точно как и никогда не был христианским служителем.

Отход Рабиновича от хасидизма и интерес к идеям просвещения можно считать его первым «обращением». После этого он метался между различными вариантами улучшения условий жизни российских евреев. Он кажется вполне искренним, когда пишет о своих надеждах и разочарованиях, хотя сейчас, с точки зрения современного поколения, они и могут показаться немного наивными. Одной из характерных черт его личности, которая с новой силой проявилась в тот период, когда он стал мессианским евреем, была способность в случае неудачи, когда его ожидания не оправдывались, не бездействовать, а искать новый выход из положения. Доказательством этого может служить его деятельность непосредственно перед поездкой в Палестину.

В ноябре 1881 года он вместе со своими братьями Янкелем (Эфраимом Якобом) и Мейрой направил губернатору Бессарабии

письменную просьбу разрешить создание европейской сельскохозяйственной колонии. Они были первыми, кто описал тяжелые условия жизни евреев Бессарабии. В частности, они пишут, что многие евреи от безысходности готовы были даже отказаться от драгоценной религии своих отцов; при этом дается ссылка на Духовное библейское братство, основанное в Елизаветграде (см. ниже); другие же были готовы оставить свое излюбленное отчество и уехать в Америку или Палестину. Приведя эти факты, братья обратились к губернатору с просьбой выделить 437 гектаров земли для устройства европейской сельскохозяйственной колонии.

В первой главе проекта устава сельскохозяйственной колонии говорится, что при обработке земли будут использоваться самые передовые методы. Возделывая и обрабатывая естественные ресурсы своего отечества, евреи смогут заработать себе на существование. Они будут продолжать общаться с другими евреями, будут жить в соответствии с тем, что им велит религия, и тем самым смогут показать пример скромной, честной и трудолюбивой жизни всем остальным евреям.

22 февраля/6 марта 1882 года пришел отрицательный ответ на запрос без указания причины отказа. После этого проходит совсем немного времени, а Рабинович уже отбывает в Палестину, чтобы выяснить возможность создания там европейского поселения. Тот факт, что некоторые люди считали его своим «посланцем», говорит, что ни у кого не возникало ни малейшего подозрения, что он мог искать решение «еврейского вопроса» в Иисусе Мессии. Но до того, как дальше комментировать этот сложный вопрос, связанный с отношением Рабиновича к христианству до 1882 года, нам необходимо хотя бы кратко упомянуть о его взаимоотношениях с некоторыми другими реформаторскими движениями, появившимися в начале 1880-х годов.

Рабинович и европейские реформаторские движения

В 1880 году Яков Гордин основал Духовное библейское братство, которое по сути своей являлось европейским реформаторским движением. Его члены отвергали постбиблейский иудаизм, толковали Библию с рационалистических позиций и рассматривали ее как этическое руководство для повседневной жизни, а также выступали против занятия евреев торговлей. В земледелии они увидели новую возможность для евреев изменить к лучшему свою судьбу. В статье 1881 года Гордин пишет, что именно большая любовь евреев к деньгам и торговле стала причиной развития антисемитизма в России.

Нетрудно разглядеть некоторые совпадения взглядов Гордина и Рабиновича в отношении критики стремления евреев к обогащению, а также в отношении создания сельскохозяйственной колонии. Однако, судя по тому, что он написал в ноябре 1881 года в своем запросе (см. выше), он считал, что представители этого движения просто отступили от драгоценной веры своих отцов.

Еще одно общество, «Новый Израиль», было основано в конце 1881 года в Одессе Яковом Прилукером. Он провозгласил себя представителем универсальной религии, которая не признавала обрезание и еврейскую субботу. Талмуд при этом также терял свое значение. Вполне возможно, что Рабинович услышал о Прилукере еще до того, как уехал в Палестину, но в любом случае следует проводить четкую границу между движением Прилукера и мессианским движением Рабиновича.

Отношение к христианству до 1882 года

Дилич был разочарован, когда Рабинович не пожелал более подробно рассказать в своей «Автобиографии» об «источнике своих христианских убеждений и о том, что послужило толчком к их победе». Разочарование может вызвать и то, что Рабинович практически не упоминает ни о своем отношении к христианству, ни о тех представлениях, которые у него были о христианстве до 1882 года. Неужели ему нечего было рассказать, кроме того, что в юности друг подарил ему Новый Завет? Или, может, упоминание об этом подарке следует воспринимать как намек на некоторые обстоятельства, которые были сознательно смягчены или вычеркнуты из автобиографии? Материала, который нам удалось собрать, явно недостаточно для того, чтобы однозначно ответить на эти вопросы.

В изученных материалах мы обнаружили два противоречащих друг другу утверждения. В первом случае подчеркивается, что Рабинович пришел к христианским убеждениям без какой-либо помощи со стороны миссионерских организаций, работавших в европейской среде. Об этом, например, говорили Дилич в Германии и А.Сафир в Англии, кроме того, точно так же считали и в британской миссии «Майлдмей». В журнале «Крисчен» подобный взгляд был ясно выражен в 1887 году: «Ни одно общество не имеет ни малейшего основания для того, чтобы приписать себе заслугу его обращения. Его обращение стало возможным лишь благодаря Святому Духу». Этот взгляд подвергся критике со стороны Британского общества, в котором возобладала противоположная точка зрения. Это противоборство явилось частью того соперничества, которое велось между различными группами за Рабиновича (см. гл. 7).

Вторая точка зрения была впервые высказана еще в марте 1884 года секретарем Британского общества Дж.Данлопом, который был первым членом этого общества, познакомившимся с Рабиновичем. Он собрал воедино «все звенья цепи», ведущей к обращению Рабиновича. Во-первых он называет визит Рабиновича в Одессу, «где тот встретился с нашим миссионером и нарисовал ему словесный портрет Спасителя, составленный на основании сведений, почертанных из Ветхого и Нового Заветов». Во-вторых — «его пребывание в Кишиневе, где он дышал одним воздухом с христианами, общаясь с пастором Фалтиным и его паствой». «Если бы миссионер из Британского общества не оказался в Одессе, а представитель Лондонского общества [Фалтин] — в Кишиневе, возможно, обращение Иосифа Рабиновича вовсе бы не состоялось». В-третьих упоминается его поездка в Палестину, «результатом которой стало его духовное рождение свыше и публичное признание своей веры в Иисуса Христа».

У Фалтина, который был лютеранским служителем в Кишиневе, тоже была своя версия. Он пишет, что «много лет назад» подарил Новый Завет на ивrite одному человеку, который после передал его Рабиновичу в Оргееве.

Очевидно, Фалтин в этом случае пишет о Гершенсоне. Однако в «Автобиографии» Рабинович пишет об этом таким образом, что читателю сложно заподозрить дарителя — Гершенсона — в том, что он был сторонником христианских миссий.

Когда мы читаем в «Автобиографии» о тесной дружбе, связавшей Рабиновича и Гершенсона, нам может показаться странным, что Рабинович не делает ни малейшего намека на то, что Гершенсон был женат на его родной сестре. Сестра, правда, умерла вскоре после свадьбы, но они, тем не менее, были родственниками. Еще больше удивляет, что Рабинович совершенно опускает тот факт, что Гершенсон уверовал в Иисуса как Мессию в то самое время, когда они особенно сблизились и проводили почти все свое свободное время в беседах друг с другом. Рабинович ничего не пишет о том, что Гершенсон был крещен в середине 1850-х и пытался (!) создать еврейскую христианскую общину. Умалчивает он и о том, что в том самом году, когда была написана «Автобиография» (1886), Гершенсон под псевдонимом Д.З.Лихтенштейн работал в Institutum Iudaicum, возглавляемом Диличем, который, кроме всего прочего, был и переводчиком его «Автобиографии».

В начале 1850-х Гершенсон впервые заинтересовался христианским вероучением. Он собрал вокруг себя группу для изучения Нового Завета. В 1855 году он крестил себя и нескольких своих друзей в реке у Ясс.

На этом фоне можно сделать предположение, что в середине 1850-х годов Рабинович и Гершенсон обсуждали между собой различные вопросы, связанные с христианством, и Рабинович, возможно, даже примкнул к группе по изучению Нового Завета. Маловероятно, что Гершенсон ни с кем не делился своей новой верой в то, что Иисус Христос есть Мессия. В 1890 году П.Гордон пишет, что Рабинович узнал истину о христианстве именно от мужа своей сестры, а в биографии Гершенсона/Лихтенштейна, изданной в 1912 году, сказано, что он «передал» свою веру в Иисуса Мессию брату своей жены Рабиновичу.

Данные, которые нам удалось собрать, позволяют предположить, что то представление, которое сложилось за долгое время об отношении Рабиновича к христианству до его поездки в Палестину в 1882 году следует подвергнуть пересмотру.

К 1882 году у него были не только те представления о христианстве, которые он мог получить, будучи сторонником Хаскалы, или просвещенным евреем. В его повседневной жизни были такие периоды, когда ему приходилось иметь дело с вопросами, связанными с христианством. Не могла не оказаться на него влияния и новая вера Гершенсона/Лихтенштейна. Кроме того, когда он пишет о словах из Нового Завета, которые вдруг вспомнились ему на Елеонской горе, это тоже говорит об определенном знакомстве с его текстом. В некоторых источниках прямо утверждается, что он был знаком с Новым Заветом еще до 1882 года, хотя в других можно прочитать, что это знакомство было лишь поверхностным. И действительно, по сравнению с тем глубоким изучением Завета, которым он занялся по возвращении из Палестины, его первоначальные знания кажутся достаточно неглубокими.

Нам представляется, что причина, по которой Рабинович почти ничего не пишет в своей автобиографии о влиянии на него дружбы с Гершенсоном в 1850-е годы, заключается в его нежелании связывать свое движение ни с одной из существующих церквей или миссионерских организаций.

Мы не можем утверждать, что и до 1882 года Рабинович пытался найти решение «еврейского вопроса» в Иисусе, хотя в его жизни в те годы и бывали моменты, когда он проявлял интерес к тому или иному вопросу, связанному с христианством. В этом смысле он не был «искателем», и в Палестину он поехал вовсе не для того, чтобы найти Иисуса. По существу, его обращение произошло неожиданно и для него самого, и для всех, кто его окружал.

Очень сложно верно оценить, что в большей, а что в меньшей степени повлияло на обращение Рабиновича; в этой цепи, если использовать выражение Дж.Данлопа, было несколько звеньев.

Одним из наиболее важных звеньев была дружба с Гершенсоном, так как она говорит нам о том, что обращение Рабиновича не было, как некоторые утверждают, совершенно неподготовленным. Но то, что его обращение было подготовлено, вовсе не значит, что его ожидали. Когда о нем стало известно, это не просто поразило образованных евреев и друзей Рабиновича, а привело их в состояние шока.

Как раз в то время, когда Рабинович вернулся в 1882 году из Палестины, его старший сын принял крещение в Петербурге. История умалчивает, явилось это неожиданностью для Рабиновича или нет.

4

Первая встреча с Фалтиным и «Тринадцать тезисов» 1883 года

Через три дня после возвращения из Палестины Рабинович, являвшийся кишиневским корреспондентом «Хамелица», посыпал его редактору свою статью. Эту статью можно воспринимать как своего рода жест досады по поводу тех нападок, которые обрушились на него сразу же после того, как он подверг критике Олифанта. А то, что после этого он вовсе перестал писать для «Хамелица», можно объяснить его разочарованием и обидой. Как бы то ни было, меньше чем через полтора года после его возвращения из Палестины читатели «Хамелица» уже знали истинную причину молчания кишиневского корреспондента: Рабинович сменил веру.

Источники дают лишь очень скучную информацию о жизни Рабиновича в период между возвращением из Палестины и первой встречей с представителями христианских миссий и последовавшим за этим в конце 1883 года публичным выступлением в качестве мессианского верующего. В 1883 году жизнь Рабиновича была отмечена двумя важными событиями: встречей с лютеранским служителем из Кишинева Фалтиным и работой над «Тринадцатью тезисами». Еще до того, как имя Рабиновича начало появляться в западноевропейских миссионерских журналах, в европейской прессе России уже шли горячие дискуссии. К этим дискуссиям мы и обратимся.

Первая реакция евреев

Одним из первых обрушился на Рабиновича еврейский журнал «Хамелиц». Произошло это 20 января/1 февраля 1884 года. Выше мы уже приводили слова его редактора о своем друге и корреспонденте Иосифе Рабиновиче (см. гл. 3). Их появление было вызвано письмом, которое пришло на имя редактора от Рабиновича и было опубликовано в том же номере журнала. Рабинович подвергся критике за связь с лютеранскими миссионерами, а также за попытки отстаивать «наиглупейшее учение» о том, что решить еврейский вопрос евреи смогут, лишь согласившись с лютеранским вероучением. Далее редактор пишет, что Рабинович вместе со своими друзьями встречался с лютеранским пастором для того, чтобы разработать план вовлечения евреев в сети лютеранства. Он также утверждает, что появление Рабиновича было встречено евреями

Кишинева с немым презрением; в других городах Бессарабии этого, к сожалению, не произошло: идеям Рабиновича удалось пробить себе там дорогу, и у него даже появились помощники. Один анонимный автор утверждает, что Рабинович поменял веру благодаря своей симпатии к Каббале и Зогару и что именно в этих еврейских произведениях он нашел оправдание христианской доктрины. Редактор «Хамелица» пишет, что у него нет оснований не доверять подобным утверждениям, касающимся его «дорогого друга и корреспондента», ибо о его вероотступничестве всем «уже давно известно». Кроме того, даже сам Рабинович не станет отрицать информацию, которая была напечатана о нем в русскоязычном еврейском журнале «Восход». При этом редактор утверждает, что ему хорошо известны обстоятельства, при которых Рабинович пытался убедить персонал редакции присоединиться к своему движению.

Некоторые детали, приведенные здесь, крайне необъективны и тенденциозны. Особенно это относится к утверждению о том, что целью Рабиновича было обращение евреев в лютеранскую веру. Как мы увидим, Рабинович с самого начала пытался развеять это ложное представление, но безрезультатно. Слова редактора А. Цедербаума о том, что Рабинович не верил в Иисуса как Сына Божия, а считал Его лишь Мессией, тоже далеки от истины, даже если он и написал их с мыслью хоть как-то оправдать своего друга. Как бы то ни было, его передовица является неоспоримым свидетельством того, что об изменении взглядов Рабиновича некоторым людям стало известно еще в конце 1883 — начале 1884 года, а широкой еврейской общественности — в середине 1884 года. Письмо, написанное Рабиновичем в «Хамелиц», говорит, что он тоже не собирался хранить молчание. В нем сказано, что он «поменял свои взгляды уже тогда, когда возвратился из Палестины».

Некоторые из наиболее ранних христианских источников дают нам хотя бы смутное представление о том, чем занимался Рабинович непосредственно после возвращения из Палестины и в 1883 году.

Христиане о Рабиновиче в 1883 году

Активный соратник Дилича У. Фабер посетил в конце марта 1884 года Кишинев. Он утверждает, что юридическая практика Рабиновича в сущности сошла на нет, так как прежде его услугами пользовались в основном евреи. Это все же говорит нам, что Рабинович и после возвращения из Палестины продолжил работу в качестве адвоката. Нашу догадку подтверждает и лютеранский пастор из Кишинева Фалтин.

Фалтин, не приводя точных дат, пишет, что Рабинович совершенно открыто и с большим энтузиазмом рассказывал о своих новых убеждениях друзьям евреям. Новый Завет на иврите лежал на его рабочем столе рядом с Ветхим Заветом. Те люди, которые брали у него консультации по различным юридическим вопросам, рассказывали о его убеждениях: еврейский вопрос может быть решен только самими евреями и только в случае, если они уверуют в своего брата Иисуса Христа.

Перед тем как открыто высказать свои новые взгляды, Рабинович тщательно изучал Новый Завет. Он сопоставил Псалом 104 со второй главой Послания к римлянам, и у него сложилось ясное представление, в каком направлении должна вести его новая вера: чудо, которое готовил Господь для народа Израиля, заключалось в том, чтобы привести его к Себе. В связи с этим у Рабиновича возникает идея создания европейской христианской общины, причем обдумывать этот вопрос он начал еще до того, как впервые встретился с Фалтиным. В своем годовом отчете за 1883/1884 год Фалтин отмечает, что до встречи с Рабиновичем он уже затрагивал эту проблему в разговорах с несколькими людьми (он не приводит точного числа) и ему удалось оказать на них определенное влияние. Даже некоторые родственники самого Рабиновича симпатизировали Фалтину. Так, например, его брат Эфраим Яков Рабинович, торговец табачными изделиями, 26 марта 1884 года присутствовал на конференции, посвященной мессианскому движению, а немногого позднее в том же году он предоставил брату возможность проводить богослужения в своем доме.

Вскоре после этого начали разгораться споры о числе сторонников Рабиновича, однако этот вопрос следует обсудить отдельно (см. гл. 5).

В конце 1883 года Рабинович публикует «Тринадцать тезисов», в которых нашли отражение некоторые мысли, занимавшие Рабиновича после возвращения из Палестины. Но до того, как мы к ним обратимся, будет полезно остановиться на его первой встрече с лютеранским пастором из Кишинева.

Первая встреча с Фалтиным на нейтральной территории

Рудольф Фалтин получил официальное назначение на должность пастора небольшой лютеранской общины в Кишиневе 17 февраля 1859 года. В его обязанности входило также служение в качестве «дивизионного капеллана» для солдат лютеранского вероисповедания, проходивших службу в российской армии, и в качестве пастора — в немецких поселениях, расположенных вблизи Ки-

шинева. Неудивительно поэтому, что Фалтину приходилось много времени проводить в разъездах. Вскоре после своего назначения он активно включился в работу с евреями Кишинева, за что его особенно уважали.

Таким образом, встретив Фалтина и заслужив его расположение, человек мог сказать, что знаком с наиболее уважаемым христианином в России, трудившимся на благо еврейского народа. Для Рабиновича встреча с Фалтиным (состоявшаяся по инициативе Рабиновича) была связана с некоторыми проблемами. Фалтин не приводит точную дату их первой встречи, и мы можем с уверенностью сказать лишь то, что она произошла после 31 октября 1883 года, то есть дня, с которого он начал свой ежегодный отчет.

О том, как проходила эта встреча, стоит рассказать особо. Оба ее участника были хорошими дипломатами и знали, как необходимо действовать в подобной ситуации. По словам посредников, организовывавших встречу, она должна была пройти на «нейтральной территории».

О Рабиновиче Фалтину рассказал один учитель и владелец частной школы (имя его до нас не дошло), который нередко общался с Фалтиным и посещал его богослужения. Он был знаком и с Рабиновичем и выступил посредником между двумя сторонами. Как бы то ни было, Фалтин пишет, что именно этого человека Рабинович попросил похлопотать о встрече. При этом он поставил условие, чтобы встреча прошла не в стенах пасторского дома, а где-нибудь на «нейтральной территории» во избежание подозрений в том, что он ищет контакта с пастором с целью получить его наставления, а также в том, что он думает о принятии крещения.

Фалтин пишет, что он с радостью согласился на эту встречу, которую решено было провести в ноябре или конце декабря 1883 года. Местом для встречи избрали дом зятя Рабиновича Г. Циглера, что, однако, как мы уже отмечали ранее, не помогло Рабиновичу избежать обвинений в проявлении интереса к лютеранской вере. На встрече присутствовали только Фалтин, Рабинович и посредник. После совместной молитвы Рабинович рассказал о своей жизни и об убеждении в том, что для израильского народа настало время соединиться в одну большую общину верующих христиан. «Того, как это должно было произойти, знать мы, конечно же, не могли», отмечал Фалтин. В результате встречи они, тем не менее, пришли к общему убеждению, что их связывала друг с другом вера в Иисуса Христа. Встреча завершилась благодарственной молитвой Господу.

На основании приведенных фактов следует сделать вывод, что Рабинович и Фалтин встретились не раньше ноября — декабря 1883

года, а также что Фалтин в свое время оказал косвенное влияние на обращение Рабиновича, подарив Новый Завет тому человеку, который потом передал его Рабиновичу.

Перед тем как расстаться, Рабинович передал Фалтину свои «Тринадцать тезисов». Фалтин позже напишет, что «они явились результатом самостоятельных исследований, а также убеждениями, присущими близким ему по духу людям». Фалтин послал «Тезисы» для перевода Диличу. Таким образом, Фалтин узнал многое из того, о чем стало известно Диличу, и был вовлечен в деятельность нового движения. Мне бы не хотелось опережать ход событий, поэтому я лишь замечу, что через несколько лет резкая критика Фалтиным деятельности Рабиновича привела к разрыву между ними (см. гл. 10).

«Тринадцать тезисов» дают нам определенное представление о мыслях, которые занимали Рабиновича в 1883 году, до его встречи с Фалтиным.

«Тринадцать тезисов»

«Тринадцать тезисов» были написаны в период между еврейским Новым годом, который в 1883 году пришелся на 2 октября, и Рождеством.

Содержание тезисов сводится к следующему:

§1. Моральное состояние и материальное положение евреев России в настоящий момент крайне неудовлетворительны.

§2. Позиция сторонних наблюдателей в такое время представляется нам равносильной согласию на полное уничтожение евреев России.

§3. Деньги богатых людей, проповеди раввинов и просветительская деятельность ученых мужей не изменят положение к лучшему, ибо все эти люди по существу не думают о благополучии народа Израиля, а лишь ухудшают положение.

§4. Эмиграция в Эрец Израэль или ассимиляция с нееврейским населением России также не являются выходом.

§5. Помощь и спасение могут прийти лишь в результате наших собственных усилий и при поддержке Господа, обладающего силой спасать погибающих.

§6. Невозможно улучшить материальное положение евреев, не преодолев прежде их безнравственность и бездуховность.

§7. Для того чтобы привести в норму моральное состояние, необходимо глубокое духовное обновление. Следует отказаться от наших лжекумиров, от нашей любви к деньгам; вместо этого

в наших сердцах должны поселяться правдолюбие и ненависть ко всему греховному.

§8. Для того чтобы подобное обновление могло произойти, необходим сильный лидер.

В первых восьми тезисах, несомненно, содержится определенная критика существующего положения, однако ничего революционного в них нет. Если вообще хоть какой-то народ способен к самокритике, то евреи явно обладали этой способностью. И если мы будем сравнивать эти тезисы со статьями, которые Рабинович писал до 1882 года, мы увидим, что его взгляды на материальное положение и моральное состояние евреев практически не изменились.

Мы можем легко представить, как какой-нибудь последователь Хаскалы, просвещенный еврей, одобрительно кивает головой при чтении этих восьми тезисов. Лишь дойдя до девятого тезиса, он начнет что-то подозревать, а прочитав десятый — возможно, и вовсе отшвырнет их в сторону, встретив упоминание об Иисусе.

В последующих тезисах более подробно написано о качествах, необходимых лидеру, который возглавит процесс обновления нации.

§9. Этот лидер должен вести свой род от колена Иаковлева, любить народ Израиля и посвятить свою жизнь служению Господу, Закону и Пророкам. Необходимо, чтобы его знал каждый человек на земле. С одной стороны, он должен понимать своих братьев, которые гордятся тем, что у них есть завет, данный Аврааму, Исааку и Иакову, и теми знаниями, которые они получили благодаря Закону, данному на Синае. С другой стороны, он должен иметь представление и об их склонности забывать о своем небесном Отце, когда их жизнь налаживается, и выбирать себе новых богов: любовь к деньгам, богатству и знаниям, которые дают им власть над остальными своими братьями.

§10. Тщательно изучив историю нашего народа, мы узнаем имя человека, который воплотил в себе все эти требования, — это Иисус из Назарета, убитый в Иерусалиме до разрушения последнего храма.

§11. Израильские мудрецы не могли тогда понять совет, который он дал своим братьям евреям — совет следовать Закону в том, что касается разума и сердца, и меньше подпадать под влияние внешних обстоятельств, которые могут меняться в зависимости от места проживания и политической обстановки, складывающейся вокруг евреев. Мы, евреи, живущие в 5644 году, можем ясно видеть, что Иисус — именно тот человек,

который нам необходим. Только он один искал истинного процветания для своих братьев и нес им мир.

§12. Сила нашей любви к своим возлюбленным братьям обязывает нас охранять и прославлять имя нашего брата Иисуса и изучать его святое Слово, которое записано в Евангелиях. Эти истины необходимо внушать нашим детям в школах, необходимо постоянно говорить о них при встречах с людьми, а Евангелие должно найти себе достойное место в наших домах в одном ряду с другими священными книгами, доставшимися нам по наследству от наших праотцов.

§13. Мы надеемся, что наполненные праведностью, любовью и кротостью слова нашего брата Иисуса, обращенные к нашим братьям, найдут отклик в наших сердцах. Любовь к правде и добродетели станет результатом праведности и спасения. И тогда все народы и их правительства изменят свое отношение к нам и мы обретем право на существование вместе с другими народами под защитой европейских законов, в основании которых заложен дух нашего брата, который отдал свою жизнь во имя процветания этого мира и победы над его греховностью.

«Основной задачей тезисов было еще все же не признание Иисуса Господом», — написал Дилич в связи с публикацией «Тринадцати тезисов» в Германии. Тем не менее, он был рад услышать, что еврей назвал Иисуса «нашим братом», и отметил при этом, что в «Тринадцати тезисах» «небольшая община верующих» сформулировала «свой символ веры». Вопрос заключается в том, что думал по этому поводу сам Рабинович. Возможно, будет не совсем справедливо считать, что в тезисах Рабинович изложил символ веры, а не просто обратился к своему народу в стремлении разъяснить свою позицию и показать, каким образом следует решать еврейский вопрос. Если подходить к тезисам с подобной позиции, то можно предположить, что концепция его веры, какой она была осенью 1883 года, не нашла в них полного отражения.

В любом случае, можно без колебания утверждать, что Рабинович в тезисах обращает большое внимание на те положительные социальные и политические последствия, которые наступят в случае принятия евреями Иисуса. Если в то время концепция христианства Рабиновича действительно основывалась именно на этих последствиях, то в очень скором будущем ей суждено было измениться. В этом контексте нам необходимо устраниТЬ еще одну ошибку, ответственность за которую частично несет Дилич. В мае 1884 года он опубликовал «Тезисы» вместе с другими материалами о Рабиновиче, в которых содержалась информация о том, что Рабинович именно в то время сформулировал свой новый символ

веры. Некоторые читатели могли быть введены в заблуждение и решить, что все опубликованные материалы были равноценны по своей значимости, хотя на самом деле это было не так, ибо к тому времени, когда «Тезисы» были опубликованы и стали известны в Западной Европе, вера Рабиновича опиралась уже на много более прочный фундамент, чем в то время, когда он работал над ними.

Возможно, становлению Рабиновича как христианина в определенной степени способствовало письмо, которое он получил незадолго до Рождества 1883 года.

Реакция Г. Фридмана на «Тезисы»

Большинство евреев отрицательно отнеслось к «Тезисам», потому что решение еврейского вопроса было найдено Рабиновичем в Иисусе. Но были и такие, кто отреагировал иначе. Мы не можем сказать, приложил ли к этому свою руку Фалтин, но его мысли полностью совпадали с тем, что написал Рабиновичу бывший катехизатор Г.Фридман. Позже Фалтин отправил это письмо Диличу вместе с «Тезисами». В своем письме, отправленном за несколько дней до Рождества 1883 года, Фридман, который сам был христианином, выразил пожелание, чтобы Рабинович и его единомышленники поняли, что Иисус пришел в этот мир не для того, чтобы добиться для евреев одинаковых политических прав с остальными народами, а во имя искупления наших грехов. Фридман обращается к Рабиновичу как к своему брату, поэтому он прямо указывает на слабость позиции Рабиновича, отраженной в 13-м тезисе. Он пишет, что недостаточно признать Иисуса Сыном Давида и Мессией, Его необходимо также исповедовать как Сына и Агнца Божия, Который несет на Себе грехи этого мира. Фридман открыто выражает свою радость, что Рабинович и его единомышленники избрали для себя именно эту тропу, но не упускает и возможности выразить надежду, что, продвигаясь по этой тропе, они смогут выйти на верную дорогу, которая приведет их в «небесный Иерусалим». «Возлюбленные мои братья, — пишет он, — вы недалеки от истины и от дороги Мира, но вы еще не ступили на эту дорогу. Пелена Моисея уже спала с ваших глаз, но вы еще не до конца освободились от нее».

Таким образом, Фридман прямо указал на недооценку личности и предназначения Иисуса в «Тринадцати тезисах» и, соответственно, на переоценку тех политических последствий, которые будет иметь принятие российскими евреями христианства. Как мы уже отмечали, эта критика была поддержана Фалтиным и Диличем, точно так же, как они поддержали и его радость по поводу того позитивного начала, которое уже было положено.

Приблизительно через полтора года после возвращения Рабиновича из Палестины его концепция веры имела ярко выраженную политическую окраску. В этом не может возникать никаких сомнений. Остается вопрос, достиг ли он большего понимания основных христианских истин по сравнению с тем, которое нашло отражение в «Тезисах». Если считать, что в «Тезисах» его базовые представления нашли адекватное выражение, то приходится признать, что его развитие как верующего шло чрезвычайно быстрыми темпами. В марте 1884 года появилось несколько работ, где он высказывает свою позицию, совпадающую при ближайшем рассмотрении с тем пониманием христианской веры, которое было, например, у Дилича. Еще раз хотелось бы повторить, что в данном случае произошло следующее: либо письмо Фридмана достигло желаемого результата, либо надо исходить из предположения, что Рабинович неставил задачей дать в «Тезисах» полный отчет о сути своей веры.

В любом случае, все вышеизложенное ясно показывает, что по возвращении из Палестины у Рабиновича еще не было готового представления о христианской вере. Оно формировалось постепенно.

В 1885 году Рабинович так охарактеризовал свое продвижение вперед: «Сперва я почитал Иисуса как великого человека, способного к состраданию, затем — как того, кто желал процветания моему народу, и наконец, — как Того, Кто принял на Себя мои грехи».

5

Становление движения в 1884 году

Накануне Рождества 1883 года (т.е. 24 декабря 1883/5 января 1884 года) Рабинович получил письмо от Фридмана. Как мы уже упоминали в предыдущей главе, оно было проникнуто братским духом, хотя и заключало в себе критику концепции веры, которой придерживался Рабинович. 24 декабря 1884 года Рабинович получил официальное правительственное разрешение на проведение собраний «Израильян Нового Завета». За время, прошедшее между получением этих двух «рождественских посланий», вокруг мессианского движения произошло несколько важных событий.

1884 год был богат на события. В этой главе мы остановимся на важнейших из них. Здесь необходимо отметить, что к марта/апрелю 1884 года у Рабиновича уже сложилось настолько ясное представление о своей вере и взглядах, что он смог выработать основные принципы своей дальнейшей деятельности.

Конференция в Кишиневе 14/26 марта 1884 года

После первой встречи между Рабиновичем и Фалтиным последний отправил письмо Диличу в Лейпциг, вложив в него «Тринадцать тезисов» и письмо Фридмана. 21 марта 1884 года в Кишинев прибыл доверенный сотрудник Дилича, миссионер и ответственный за связи с общественностью немецкого Центрального агентства В.Фабер.

Через день после приезда у Фабера состоялся серьезный разговор с Рабиновичем, который они затем продолжили 24 марта. 25 марта Фабер отправил Диличу открытку следующего содержания: «Сегодня из Англии неожиданно прибыли трое представителей Британского миссионерского общества с целью изучения деятельности движения». О Рабиновиче он написал: «То, что здесь происходит, очень важно, хотя я все это представлял себе совершенно иначе. Рабинович очень важный для нас человек; Лихтенштейн его знает». Свой своевременный приезд в Кишинев Фабер расценил как «водительство Святого Духа». «Как странно, что я встретил здесь англичан, стремящихся узнать о том же, о чем и я».

Англичане стали действовать незамедлительно. Уже в день приезда была согласована дата проведения конференции.

Конференцию решено было организовать на следующий день, поэтому времени на ее подготовку практически не оставалось. То,

что Рабинович все же смог представить некоторые документы, доказывает, что в тот период он не бездействовал, а разрабатывал возможные пути развития своего движения.

Из протокола конференции

За ходом конференции можно легко проследить по протоколу. Она состоялась вечером 26 марта и проходила уже не на «нейтральной территории». Рабиновичу на тот момент стало ясно, что его взаимоотношения с лютеранским пастором невозможно удержать в тайне; еще за два месяца до конференции «Хамелиц» раструбил об этом на всю Европу. Само собой разумеется, что Фалтин принял участие в конференции, причем в качестве ее председателя. Присутствовало четыре иностранных гостя: Фабер и три англичанина из Британского общества, а также пять жителей Кишинева, в том числе несколько представителей лютеранской церкви. Кроме того, в конференции приняли участие продавец табака и бакалейных товаров Эфраим Яков Рабинович и, конечно, его брат и главное действующее лицо — Иосиф Рабинович. Двое последних участников на тот момент еще не приняли крещение.

Конференция открылась пением гимна, после чего Фалтин совершил молитву на немецком языке и зачитал отрывок из Деяний 2:1-4. Эти слова о первой христианской Пятидесятнице в Иерусалиме задали тон всему собранию, от которого ожидали именно «пятидесятнических» плодов. За молитвой последовало чтение «Двенадцати догматов веры израильтян Нового Завета». Они были написаны Рабиновичем и носили уже более глубокий богословский характер, чем «Тринадцать тезисов». Из «Двенадцати догматов веры» были исключены социальные и политические последствия принятия евреями христианства (см. гл. 8).

«Двенадцать догматов веры» должны были послужить проектом догматов веры всего мессианского движения, поэтому их обсуждению была посвящена большая часть конференции. В протоколе подробно отражены основные моменты этой дискуссии.

Дискуссия на встрече

В первую очередь был обсужден вопрос о Святой Троице. Первый догмат веры гласил: «Я воистину верую, что Создатель, да будет благословлено Его имя, есть живой, истинный и вечный Бог, Который через Слово Свое, через Духа Своего Святого сотворил небо и землю, все видимое и невидимое; что Он Один, что все от Него, через Него и для Него». Выражение «что Он Один» вызвало целую дискуссию. «Один» в еврейском тексте передавалось как «Эхад» и осталось без изменений, однако английский перевод в результате

обсуждения Рабинович согласился изменить на «Он есть Единство» (He is a Unity).

Во время дискуссии Рабинович утверждал также, что концепция Троицы нашла отражение в первом догмате, а именно в словах «все происходит от Него, через Него и для Него». Свою точку зрения по этому вопросу Рабинович подробно раскрыл в пояснительной записке, подготовленной специально для участников конференции (см. гл. 8).

Рабиновича, кроме того, попросили поделиться своими взглядами на проблему соблюдения еврейских обычаев. Дело в том, что на встрече Рабинович подчеркнул, что он и его единомышленники выступали за свободу исповедования этих обычаяев, доставшихся евреям от праотцов, правда лишь в том случае, если они не противоречили духу христианства. Они считали, что данный евреям Закон был полностью исполнен Мессией; однако из патриотических соображений считали необходимым соблюдать его.

Этот пункт вызвал дискуссию по двум вопросам: сохранение обрезания и еврейской субботы. Участники-неевреи выразили опасение, что евреи будут соблюдать эти две заповеди не только из патриотических, но и из религиозных соображений. Для того чтобы прояснить точку зрения Рабиновича на эту проблему, ему был задан вопрос, будет ли считаться грехом для верующего еврея не подвергать своего ребенка обрезанию. Рабинович на это ответил: «Он не совершает грех, но он отдаляет себя от своего народа». Подобным образом он ответил и на вопрос, следует ли считать грехом несоблюдение еврейской субботы.

В заключение Рабиновичу была предоставлена возможность объяснить то, что самому ему казалось вполне очевидным, а именно, что характерные черты, присущие разным национальностям, не обязательно должны нивелироваться с принятием Христа. Далее он провозгласил равный канонический статус Нового и Ветхого Заветов, а также отверг какую-либо значимость Талмуда и остальных иудаистских источников, объявив их пережитками тех времен, когда народ Израиля блуждал впотьмах, а сердца людей были ожесточены. Кроме того, он отметил совпадение своих взглядов на церковные таинства с лютеранской доктриной.

Секретарь Британского общества Дж.Данлоп привел пример того, как английский еврей-христианин соблюдал завет, данный Аврааму, и подвергал своих детей обрезанию. В конце встречи Фалтин совершил молитву, после чего все вместе произнесли молитву Господню на иврите.

Это все, что возможно узнать из протокола конференции.

Пребывание Фабера в Кишиневе

Конференция положила начало установлению международных связей. Англичане уехали сразу после конференции, однако Фабер оставался в Кишиневе в течение нескольких недель. Он проповедовал в лютеранской церкви, а также продолжал изучать мессианское движение. На следующий день после конференции он написал Диличу, что узнал в Кишиневе столько, что у него хватит материала для пятидесяти или даже ста бесед.

Перед возвращением в Лейпциг Фабер смог вместе с мессианскими евреями принять участие в праздновании еврейской Пасхи, Песах, во время которой Рабинович совершил таинство святого причастия (см. гл. 8). Этот поступок произвел благоприятное впечатление на Фабера. Кроме того, точно такое же впечатление произвела на него и дочь Фалтина Луитгар, или просто Луита. Они обручились еще до отъезда Фабера в Кишинев. Тем не менее, позднее в том же году Диличу пришлось оказать некоторое давление на Фабера, чтобы побудить его вернуться в Кишинев. Свадьба состоялась лишь в 1886 году. Этот союз представляет для нас определенный интерес. Как мы уже упоминали ранее, Фалтин через какое-то время порвал с Рабиновичем, и его зятю Фаберу пришлось решать, на чью сторону становиться. Мы скоро увидим, что он принял решение в пользу Рабиновича.

Британские гости также получили удовлетворение от визита. Дж.Данлоп позже воспроизвел историю, рассказалую Рабиновичем в заключение встречи, и назвал ее «венцом конференции».

История, рассказанная на конференции

Дж.Данлоп озаглавил историю Рабиновича «Причта о колесе». Вот эта история:

Трое глупцов ехали на четырехколесной повозке и умудрились потерять колесо. Заметив, что повозка замедлила ход, они решили посмотреть, в чем дело, и обнаружили пропажу. Один из глупцов слез с повозки и побежал вперед в поисках потерянного колеса. «Мы потеряли колесо. Вам не попадалось наше колесо? Вы не находили колесо?» — спрашивал он каждого встречного. Наконец один мудрый человек сказал ему: «Вы не там ищете. Колесо надо искать позади, а не впереди повозки». Именно эту ошибку совершали евреи на протяжении столетий.

Они забыли, что прежде чем искать впереди, необходимо обернуться назад. Четыре колеса в истории еврейского народа — это Авраам, Моисей, Давид и Иисус. Евреи все время

смотрели только вперед и не могли отыскать свое четвертое колесо.

Хвала Господу, что «сыновья Нового Завета» нашли самое главное колесо — Иисуса. Авраам, Моисей и Давид символизировали собой скорый приход Иисуса. Они всегда были и остаются сосудами, в которых содержится Его энергия; они всегда были ведомы Им и получали помощь от Него точно так же, как Херувимы и Серафимы. Хвала Господу за то, что мы нашли Иешуа Ахину — нашего брата Иисуса, наше Все во всем, «посланного нам Богом и воплотившего в Себе мудрость, праведность, жертвенность и искупление»; в Нем одном мы нашли святой свет, жизнь, свободу и любовь, как в этом мире, так и на небесах. И теперь мы с блеском в глазах и с ликованием в сердцах с надеждой ожидаем узреть Его славный приход.

Дебаты в обществе в 1884 году

В мае 1884 года, меньше чем через два месяца после конференции, Дилич получил возможность опубликовать первые документы мессианского движения. Но еще до этого первые разрозненные сведения начали появляться в европейской прессе. В марте 1884 года, например, было опубликовано следующее сообщение:

По еврейским общинам юга России прокатилась волна возбуждения, вызванного появлением в Кишиневе энергичного реформатора по имени Иосиф Рабинович. Он провозглашает Иисуса истинным Мессией и подтверждает свои утверждения многочисленными цитатами из Библии и Пророков. Рабинович — энергичный и яркий проповедник и уже обратил в свою веру многих людей. Еврейская пресса успела уже предать его анафеме.

Однако первой публикацией, которая действительно вызвала дебаты в европейской и российской христианской и еврейской прессе, была краткая заметка в «Таймс». Она, кроме того, вызвала язвительный отклик Дилича.

Статья эта была напечатана в «Таймс» 23 августа 1884 года и занимала всего половину колонки. Ее автором был Дж. Титкомб, написавший ее в Гамбурге 20 августа. Титкомб занимал пост помощника епископа англиканской церкви в Северной и Центральной Европе. При написании своей статьи он опирался на информацию, полученную из первой, майской публикации Дилича. Титкомб пишет: «Свыше двухсот семей уже примкнуло к обществу, именуемому “Национальная Еврейская община Нового Завета”».

В сентябре статья из «Таймс» была перепечатана по крайней мере тремя российскими газетами. Она стала основой для дискуссии, развернутой осенью 1884 года в 71-м номере «Хамелица». Рабинович был охарактеризован там как «пожилой человек, забывший все, чему учился всю жизнь». Этот «потерявший разум» пожилой человек каким-то образом все же сумел ввести в заблуждение «такого ученого человека, как профессор Дилич», являющегося постоянным читателем «Хамелица».

В своем отзыве на эту дискуссию Дилич расценивает как оскорбление тот факт, что Рабинович был назван там источником, откуда «Таймс» получила информацию о численности движения, а также называет отвратительной ложью утверждение, что Рабиновича никто не поддерживает. Дилич пишет, что у него нет необходимости обращаться за подтверждением своих слов к Рабиновичу и ссылается на сведения, полученные Фабером во время пребывания в Кишиневе в 1884 году, который не только встретился там с Рабиновичем и его единомышленниками, стоящими во главе движения, но и собственными глазами наблюдал то волнение, которое вызвало среди местного населения возникновение движения, а также видел евреев, приходивших из отдаленных мест специально для того, чтобы подробнее о нем узнать. В статье, написанной в 1885 году, Дилич отмечает, что движение охватывало не только Кишинев, но и другие города, среди которых он упоминает Батум, Елизаветград, Екатеринослав, Бердичев, Житомир и Санкт-Петербург. Это утверждение частично подтверждается и статьей, опубликованной осенью 1885 года в еврейском журнале «Гамагид», в которой прозвучало предупреждение против некоего человека, жившего в Киеве и находившегося под влиянием идей Рабиновича.

Заговорив о «единомышленниках», Дилич стал уязвим для критики со стороны евреев, что с самого начала увело дискуссию в сторону. Открытые встречи по этой проблеме тогда не были проведены, и критерий для признания человека сторонником движения еще не был найден. Поэтому евреи могли спокойно утверждать, что в 1884 году у движения Рабиновича вовсе не было последователей. Когда эта проблема оказалась в центре ожесточенных споров, еврейская пресса стала писать совершенно противоположное. 20 января/1 февраля 1884 года «Хамелиц» отмечал, что движение, по крайней мере за пределами Кишинева, вовлекло в свои ряды столько евреев, что настало время бить тревогу. Последующие несколько месяцев также показали, что евреи очень серьезно стали воспринимать Рабиновича, намного более серьезно, чем это было бы возможно, если бы он был одинок. «Новый кишиневский телец» — так его назвал «Хамелиц» в 71-м номере за 1884 год.

Рабинович утверждал, что тысячи его братьев в разных уголках страны и за рубежом проявляли глубокий интерес к его деятельности; кроме того, среди российских евреев было много христиан, подобных Никодиму, который любил Христа втайне от остальных. Как бы то ни было, общественное обсуждение этой проблемы не могло оставить равнодушным российское правительство.

Рабинович и царское правительство

В своем письме Диличу от 24 октября/5 ноября 1884 года Фалтин пишет, что одним из результатов агитации против движения явилось то, что на него обратили внимание на самом верху: документы были переведены на русский язык и отправлены в Министерство внутренних дел и духовным властям в Киеве. Кроме того, Фалтин добавляет, что «вчера», то есть 4 ноября, Рабинович получил письмо из комитета по цензуре с разрешением опубликовать в России свои последние работы, а также те, которые он писал ранее на иврите. Разрешение было дано, как пишет Фалтин, «без каких-либо действий» со стороны Рабиновича.

Но по получении разрешения действия были предприняты, и самые активные. Уже на следующий день Рабинович пришел к Фалтину, чтобы показать составленное им прошение на имя губернатора. Этот «документ» составлен очень удачно, пишет Фалтин. Рабинович просил разрешения на проведение собраний в качестве «ветви» еврейского населения, именующей себя «Израильянे Нового Завета», с целью изучения Ветхого и Нового Заветов без помех со стороны остальных евреев, чтобы тем самым посвятить себя служению Иисусу из Назарета, Которого движение признает своим Спасителем и Спасителем всего мира. Следует отметить, что фактически Рабинович подавал прошение на получение права свободы собраний для евреев.

Кроме того, была отправлена просьба о предоставлении участка на еврейском кладбище для захоронения умерших христиан.

В своем письме Фалтин пишет также о том, что место для проведения собраний уже было определено. Их решили проводить на верхнем этаже дома, который занимал младший брат Рабиновича Эфраим Яков и который находился недалеко от лютеранской церкви.

Фалтин оказался прав в своем предположении, что прошение будет удовлетворено. Может даже показаться, что разрешение на публичные собрания прибыло раньше, чем этого ожидали. Однако участок кладбища для евреев Нового Завета удалось получить лишь 12/24 июля 1886 года. Возможно, что о положительном решении вопроса стало известно из неофициальных источников еще до того,

как пришел официальный ответ. В любом случае, первое собрание могло быть проведено в день получения письменного разрешения. Произошло это накануне Рождества, однако приготовления к собранию велись и до этого.

Сочельник 1884 года

24 декабря 1884 года по старому стилю (5 января 1885 года) Рабинович получил разрешение Министерства внутренних дел на право организации публичных собраний. Первое собрание прошло в тот же день. Р.Фалтин, а также газета «Одесский листок» сообщали, что рождественское собрание открылось в доме брата Иосифа Рабиновича и привлекло большое количество народа. Фалтин пишет, что в переполненной комнате, в которую он зашел после исполнения своих обязанностей, связанных с наступающим Рождеством, собралось около двухсот человек. Среди посетителей были как неверующие евреи, так и христиане, а также несколько представителей властей. У дверей стояли полицейские, сдерживавшие людей, которым не хватило места внутри.

Фалтин не упустил возможность отметить, что оказал помощь Рабиновичу при подготовке к празднованию Рождества. Еще одним подтверждением их хороших отношений служит то, что Фалтин по случаю торжества одолжил Рабиновичу фисгармонию, принадлежавшую лютеранской церкви. Ее установили в соседней комнате, хотя у евреев и не было принято пользоваться органом во время богослужения. Впоследствии Рабинович отказался от его использования, хотя и включил его в список необходимых вещей, посланный в январе 1885 года Дж.Уилкинсону. Помощь в проведении рождественского собрания оказали также «новообращенные члены» лютеранской церкви и дети, певшие в хоре.

Обратившись к программе собрания, мы обнаружим, что в его начале был исполнен рождественский гимн. Затем, если верить Фалтину, Рабинович зачитал на иврите пророчества из Ветхого Завета о приходе Мессии и — из Евангелия — о Его рождении. После этого он выступил с обращением к собравшимся, которое, по словам одной российской газеты, было прочитано на идише и заняло около полутора часов. В обращении он говорил, какое значение прочитанные отрывки имеют для евреев. Он призвал собравшихся евреев принять Иисуса, Который вышел из их числа и Которого не приняли ни фарисеи, ни саддукеи, зато приняли простые пастухи. В своей рождественской проповеди Рабинович рассмотрел Рождество так, как обычно в синагогах рассматривали еврейскую Пасху. Вопрос «чем ночь европейской Пасхи отличается от других ночей?» трансформировался в вопрос «чем рождественс-

кая ночь отличается от других ночей?». По словам той же газеты, Рабинович отметил «счастливое совпадение», что разрешение на создание общины израильтян Нового Завета было получено именно в этот день.

После его обращения был исполнен еще один гимн и Рабинович прочитал стихотворение собственного сочинения. В заключение слово взял Фалтин. В своей речи он выразил великую радость, что стал свидетелем исполнения своих молитв.

6

Мессианское движение в Кишиневе в начале 1885 года

Рабинович с семьей проживал в Кишиневе с 1871 года. Уже в то время люди, оказывавшие материальную и духовную помощь миссиям, работавшим с еврейским населением, знали о существовании этого города, что произошло во многом благодаря активной деятельности лютеранского пастора Р.Фалтина. С появлением мессианского движения о городе стали говорить еще чаще.

Кишинев

В 1818 году Кишинев стал губернским городом Бессарабии. Город начал очень быстро развиваться и, будучи торговым и промышленным центром, привлек к себе внимание со стороны евреев. Еще в XVIII веке у стен города было еврейское кладбище, а в 1774 году была образована еврейская община, насчитывавшая 144 человека. В 1847 году в городе проживало уже более 10.000 евреев (около 12% всего населения), в 1867 — более 18.000 (около 22%), а к 1897 году их численность превзошла 50.000 человек (около 46%). За время активной деятельности Рабиновича в Кишиневе еврейское население города выросло с 30.000 до 50.000 человек.

В конце XIX века большинство проживавших в Кишиневе евреев занимались торговлей, ремеслом или трудились на промышленных предприятиях. Бессарабия славилась своим табаком, фруктами и вином, и многие евреи были вовлечены в их производство. Двадцать восемь из тридцати восьми действовавших в 1898 году фабрик принадлежали евреям. Много евреев работало также в различных коммерческих фирмах и издательствах, владельцами которых были евреи. В то же время в Кишиневе проживало и много бедных еврейских семей, поддержку которым оказывали различные еврейские филантропические организации.

В 1816 году был заложен первый камень в фундамент синагоги. В 1838 году открылась первая светская еврейская школа. Как мы поняли из автобиографии Рабиновича, в Кишиневе было несколько «просвещенных евреев», в то же время известно, что движение, известное под названием Хаскала, нашло в городе лишь ограниченное число сторонников.

Из одного источника нам стало известно, что в 1889 году в Кишиневе была одна синагога и 29 молельных домов. Кроме того,

функционировало 18 православных церквей, две староверческие, армянская, католическая и, наконец, лютеранская церковь. В 1859 году пастором лютеранской церкви стал Р.Фалтин, однако первый пастор появился в городе еще в 1837 году. Кроме того, Фалтин выполнял обязанности капеллана для солдат лютеранского вероисповедания в российской армии.

В 1903 году в Кишиневе состоялся первый серьезный еврейский погром, во время которого 49 евреев было убито, более 500 ранено, еще больше людей осталось без крыши над головой. В 1905 году произошел еще один погром; 19 человек было убито и 56 ранено. После всего случившегося христиане, помогавшие Рабиновичу, на собственном опыте ощутили, как сложно рассказывать о распятии Христа людям, которые сами были «распятые» христианами во время погромов.

В 1918 году по Версальскому договору, ознаменовавшему собой окончание первой мировой войны, Кишинев отошел к Румынии. В июне 1940 года Россия аннексировала город. В середине июля 1941 года Кишинев был оккупирован немецкими и румынскими войсками. Много евреев было убито или депортировано. Было подсчитано, что из 65.000 евреев, проживавших в городе в 1941 году, 53.000 было убито. К этому трагическому периоду в жизни евреев Кишинева мы вернемся в 18-й главе.

Версии о том, как возникло название движения

В Кишиневе движение стало известно под официальным названием «Израильяне Нового Завета», что является довольно точным переводом его названия на иврите. Оно было использовано осенью 1884 года в прошении, которое Рабинович послал официальным властям. Название во многом отразило внутреннее содержание движения. Помимо него, использовалось множество неофициальных наименований, о которых есть смысл рассказать подробнее. Мы уже писали выше, что Рабинович был против того, чтобы его движение называли, например, «Новый Израиль» (см. гл. 3).

Среди наименований, которые мы обнаружили в западных источниках, встречаются следующие: «Южнороссийское христианское движение», «так называемое Южнороссийское христианское движение», «христианское движение Кишинева», «верующие в Христа евреи Кишинева».

Совершенно очевидно, что в связи с движением часто упоминалось и имя Рабиновича. При образовании Лондонского общества в поддержку Рабиновича в 1887 году его имени было уделено больше внимания, чем названию самого движения, в котором был отражен

его основной смысл. Неудивительно поэтому, что особую популярность приобрело наименование «движение Рабиновича».

Официальное название на иврите звучало как «Бней Израэль, Бней Брит Хадаша», что в переводе означало: «Сыны/дети Израиля, сыны/дети Нового Завета». Более удачным и достаточно адекватным переводом является все же название «Израильяне Нового Завета».

Название «Израильяне Нового Завета» отражает веру членов движения в то, что Бог Израиля через Иисуса-Мессию установил с Израилем новый завет. Кроме того, в нем подчеркивается, что верующий еврей не перестает быть «бен Израэль», то есть сыном Израиля. Российские законы о евреях не потеряли юридической силы в отношении Рабиновича и его последователей, и богослужения продолжали называть «еврейскими», место проведения этих богослужений именовалось еврейским молельным домом, а в паспорте Рабиновича до самой его смерти оставалась запись о его еврейском происхождении. Рабинович и сам не собирался отрицать свое происхождение, хотя остальные евреи и возражали против этого. До самой смерти он продолжал считать себя сыном Израиля. На его надгробном камне, в соответствии с его завещанием, выбиты следующие слова: «Ерей, который верил в Иегову и Его Помазанника, Иисуса из Назарета, Царя иудеев. Иосиф, сын Давидов, Рабинович».

Официальным названием движения было название «Израильяне Нового Завета», его члены именовались сыновьями Израиля и сыновьями Нового Завета, который был установлен Господом через Иисуса Христа. Уверовав в Иисуса, еврей, по словам Рабиновича, не переставал быть евреем. Он оставался «бен Израэль», а если точнее, становился истинным сыном Израиля.

Первые богослужения и беспорядки в Кишиневе в 1885 году

10 января 1885 года группа сторонников Рабиновича смогла первый раз отметить еврейскую субботу, по выражению Фалтина, «в христианском смысле». Фалтин заметил, что Рабинович не предпринимал обычно никаких шагов без консультации с его стороны. Так произошло и накануне этого праздника, когда Рабинович привнес Фалтину «требник для проведения субботнего богослужения». Фалтин ознакомился с ним и порекомендовал использовать помещение церкви для изучения Священного Писания и «проведения назидательных постановок и лекций». В постскриптуме к одному из своих писем он пишет о субботней службе, с которой он вернулся в 12 часов дня: «Комната была полна народа. Господь послал Свои

обильные благословения». Фалтин предоставил для проведения собрания фисгармонию, принадлежавшую лютеранской церкви, а также небольшой хор, который помог в проведении службы.

Во время второй субботней службы, состоявшейся 17 января, в церкви и около нее можно было увидеть оживление и большое скопление людей. В одном источнике мы читаем, что люди занимали не только зал для проведения собраний, но и примыкающие к нему комнаты, а также стояли на лестнице. Большая толпа собралась и на улице. Фалтин жестами указал Рабиновичу на необходимость сократить проповедь. Порядок удавалось поддерживать лишь при помощи полиции. Когда Рабинович выходил из помещения, полиции пришлось защищать его от нападения. На следующий день толпа собралась уже около его дома. Рабиновичу с трудом удалось выйти на улицу, где он призывал собравшихся уверовать в Иисуса Христа, после чего люди постепенно разошлись по домам.

5 февраля, когда Рабинович с дочерью ехал в экипаже, дорогу им перегородила толпа демонстрантов, выступавших против его деятельности. В одной российской газете говорится о том, что число демонстрантов колебалось от двухсот до трехсот человек. В Рабиновича летел снег и «менее чистые боеприпасы», писала другая газета. Рабинович вышел из экипажа и крикнул толпе, что даже если он будет молчать, найдутся другие люди, которые будут проповедовать о том, о чем раньше проповедовал он. В этом инциденте Рабинович также никак не пострадал. Он сохранил спокойствие даже тогда, когда прочитал известие о собственном убийстве, слухи о котором стали упорно распространяться в конце января 1885 года.

Фабер пишет, что если не принимать в расчет упомянутую нами выше демонстрацию, основное возбуждение, вызванное появлением движения, во время его визита в Кишинев уже улеглось. В письме от 15 февраля (*p*) Рабинович пишет, что помещение оказалось слишком мало, чтобы вместить всех желающих слышать Евангелие. Он жалуется, что во избежание беспорядка и помех во время службы у входа приходилось ставить полицейских.

Благодаря сообщениям прессы (как доброжелательным, так и неблагоприятным) о кишиневских израильтянах Нового Завета стало широко известно. Фабер пишет, что благодаря деятельности Рабиновича многие «тайные группы христиан» по всей России «решились поднять голову и выйти на дневной свет». И далее: «Во время моего пребывания в Кишиневе Рабинович практически ежедневно получал письма от таких групп». В январе 1885 года Рабинович пишет Дж.Уилкинсону в Англию, что каждый день получает письма от евреев из всех уголков России. Фалтин также

подтверждает, что письма приходили нескончаемым потоком как Рабинович, так и ему самому.

Рабинович был не в состоянии ответить на все письма, поэтому он обратился к редактору «Одесского листка» с просьбой напечатать письмо к читателям, что и было сделано 1 февраля 1885 года. В этом письме Рабинович ответил на три наиболее распространенных вопроса. Во-первых, многие люди спрашивали об «обрядах», соблюдаемых израильтянами Нового Завета. В своем ответе он сослался на документы, опубликованные Диличем. Во-вторых, задавали вопрос о том, в какой мере будут применимы к членам движения законы о евреях и не окажутся ли они в этом смысле в более выгодном положении, чем все остальные евреи. Рабинович обратился к Евангелию от Иоанна 8:31,32,36, где, например, сказано: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». В-третьих, люди интересовались, рассчитывает ли движение на финансовую поддержку, на что был дан категорический ответ: «в казне нашего движения нет ни золота, ни серебра, полученного нечистоплотным путем» (см. гл. 12).

В апреле 1885 года Рабинович возвратился в Кишинев из поездки в Германию, во время которой он принял крещение (см. следующую главу). В конце мая начались богослужения в новом, только что отремонтированном помещении (см. гл. 11). Но сначала мы должны упомянуть о той одобрительной реакции, которую вызвали проповеди Рабиновича. Яков Векслер пишет, как отдельные евреи, которые прежде ненавидели Рабиновича, впоследствии изменили свою точку зрения.

Кто бы мог в это раньше поверить?

В 1885 году еврей по национальности Бен Яков Хизраэли, или иначе Яков Векслер, перевел на иврит две проповеди, которые Рабинович прочитал на идише 8 и 29 июня (р). Свой перевод он сопроводил вступлением, в котором есть упоминание о его впечатлении от публичных выступлений Рабиновича. В нем, в частности, говорится:

Кто бы еще пару месяцев назад мог поверить в то, что мессианское движение, возникшее в нашей среде, будет изо дня в день приобретать все больше сторонников? Один честный человек (Нафанаил) задал 1800 лет назад один честный вопрос: «Может ли что-либо хорошее прийти из Назарета?» Точно так же многие спрашивали: «Может ли свет прийти из Кишинева, а Слово Божие — из Бессарабии?» Другие говорили: «Это движение нежизнеспособно, оно скоро затухнет и погаснет». Но слова Господа-Мессии до сих пор находят подтверждение: «Если они

умолкнут, то камни возопиют», в нашем случае — камни дома молитвы, Вифлеема, созданного господином Рабиновичем, они будут вопиять и провозглашать Его во веки вечные. Они дают нам надежду увидеть в будущем большуюmessианскую общину, состоящую из представителей народа Израиля. Кто бы смог раньше поверить, что около сотни мужей израильских будут отмечать каждую субботу в доме, воздвигнутом во имя Иисуса-Мессии? Кто бы мог поверить, что еврей сможет услышать из уст брата своего, еврея, имя Иисуса-Мессии, причем совершенно открыто?..

Далее Векслер рассказывает, как он сначала противодействовал Рабиновичу и как изменил свои взгляды. Он одним из первых в Кишиневе начал полемику с Рабиновичем. Порой он ходил на богослужения, но лишь для того, чтобы иметь больше аргументов в споре со своим оппонентом. Однако слова Рабиновича проникли в его сердце. Он признается, что порочил Рабиновича, даже не зная его. Несмотря на то, что он с самого детства был знаком с текстом Священного Писания, только Рабинович открыл ему истину, что ключ к правильному пониманию Писания следует искать в словах: «Потому что конец Закона — Христос» (Рим. 10:4). Именно это Рабинович очень умело старался подчеркнуть.

Векслер подводит итог и пишет, что после своего прозрения он начал каждую субботу посещать богослужения, с готовностью впитывая в себя слова проповеди, даже делая записи, чтобы показывать их затем евреям, которые стыдились сами ходить в церковь. Он выразил надежду, что подобным образом можно посеять в них веру.

Очень интересен тот факт, что Векслер видит в словах Павла «конец Закона — Христос» ключ к пониманию Священного Писания и утверждает, что Рабинович подчеркивает именно это. Новое движение постоянно критиковали за то, что его члены пытались придерживаться еврейских обычаяев. Мы еще вернемся к этим ключевым словам в другом контексте (см. гл. 8). Раз Иисус знаменовал Собой конец Закона, то Рабинович заключил, что у него есть свобода оставаться евреем.

В то время, когда были написаны эти слова, Рабинович уже принял крещение, но для него это вовсе не означало, что он отказался от своего еврейского прошлого. Обратимся теперь к обстоятельствам, сопутствовавшим его крещению.

**Планы путешествия,
поездка в Германию в 1885 году
и крещение там**

24 марта 1885 года Рабинович принял крещение. Произошло это в Берлине при довольно странных обстоятельствах. Хотя все интересовавшиеся деятельностью Рабиновича и сходились во мнении, что ему необходимо будет в определенный момент принять крещение, мало кто ожидал, что это произойдет именно в этой поездке. В этой связи может быть задан совершенно справедливый вопрос: было крещение запланировано Рабиновичем еще до отъезда из Кишинева или нет.

На эту поездку, в которую Рабинович отправился весной 1885 года, он возлагал большие надежды.

***Поездка в Германию:
выполненные и невыполненные планы***

Мысль о путешествии в Германию появилась у Рабиновича еще до кишиневской конференции. В его планы входила краткосрочная поездка за рубеж с целью пробуждения интереса к новому движению. Кроме того, его приезда очень ждал Дилич: «нам совершенно необходимо лично познакомиться», — писал он Рабиновичу. Однако визиту в Лейпциг, который был запланирован на лето 1884 года, не суждено было осуществиться.

Интерес к возможной поездке проявила также британская миссия «Майлдмей», в которой понимали важность развития связей с новым быстрорастущим движением. В одном из своих писем Рабиновичу С.Уилкинсон предложил ему приехать на один или два месяца в Лондон, при этом миссия несла все расходы по проживанию и обеспечивала подготовку программы пребывания, в том числе предоставляла переводчика и помещения для выступлений. Рабинович сразу согласился на это предложение. Он мог приехать в период между Рождеством и Пасхой. При этом он поставил условие, что все приготовления должны быть проведены за месяц до его отъезда из Кишинева. Это требование должно было побудить Уилкинсона как можно быстрее принять окончательное решение.

И Уилкинсон его принял. Но так как Рабиновичу на тот момент еще не было предоставлено властями разрешение на строительство здания церкви, то Уилкинсон счел нецелесообразным оплачивать визит до того, как по этому вопросу не будет принято окончательное решение.

Инициатива Уилкинсона вызвала переполох в других, более крупных организациях. Лондонское и Британское общества выразили опасение, что визит в Лондон может повредить деятельности Рабиновича, но они не стали бы возражать против поездки Уилкинсона и Адлера в Кишинев. Некоторые даже заявляли, что приезд в Лондон породит у Рабиновича идею о своей избранности. Уилкинсон отвечал таким людям, что все зависит от того, с какими христианами будет общаться Рабинович.

Одновременно с дискуссией, разгоревшейся в Великобритании, а возможно, и не без ее влияния, в Германии выступил со своими планами Дилич. Он хотел, чтобы Фабер продолжил работу в Кишиневе с января по июль 1885 года и выполнил тем самым просьбу Фалтина о помощи. Одновременно Фабер мог поставлять Диличу достоверные сведения о мессианском движении. В планы Фабера, однако, не входило столь длительное пребывание в этом городе. И все же в начале 1885 года он четыре недели провел в Кишиневе, вернувшись туда через девять месяцев после своего отъезда. Во время визита был обсужден вопрос, связанный с крещением. Фабер упоминает, что Рабинович рассказал ему о своих планах принять крещение в Лейпциге, однако Фабер сразу же отверг эту идею и высказался в пользу того, чтобы крещение состоялось в помещении мессианского движения по еврейскому требнику. По словам Фабера, вопрос, связанный с крещением, имел важнейшее значение для будущего движения, ибо и евреи, и христиане воспринимали крещение Рабиновича в качестве критерия жизнеспособности всего движения.

Через месяц после того, как Фабер написал эти слова, Рабинович принял крещение, причем не в Кишиневе и не в Лейпциге, а в Берлине. Поездка в Берлин была спланирована и оплачена Уилкинсоном. При этом ни у Рабиновича, ни у Уилкинсона мы не находим упоминания о том, что основной целью визита было именно принятие крещения. Распутать все нити этого события представляется нам чрезвычайно сложным занятием.

Переговоры в Берлине и Лейпциге в марте 1885 года

В пятницу 13 марта в Берлин, находящийся примерно на одинаковом расстоянии от Кишинева и от Лондона, прибыли Джон Уилкинсон, доктор Диксон и Джеймс Адлер. Незадолго до их при-

езда в гостиницу прибыл и Рабинович. В тот же вечер у них состоялся разговор с Рабиновичем. После совместной молитвы и чтения Библии завязалась беседа о самом Рабиновиче, о его семье и работе. 15 и 16 марта среди многих других имел место серьезный разговор с профессором Штраком.

17 марта трое англичан и Рабинович прибыли в Лейпциг. Вечером их посетил Дилич с двумя своими молодыми помощниками — У.Фабером и Х.Лотским. Переговоры, к которым подключился и профессор Х.Л.Штрак, продолжились 18 марта и увенчались соглашением по целому ряду вопросов, которые суммировал Уилкинсон.

Во-первых, Рабинович должен иметь полную свободу в том, что касалось руководства движением. Не должно быть никакого вмешательства извне как в деле формирования основной доктрины, так и в практической деятельности. Во-вторых, хотя Рабинович продолжает соблюдать еврейскую Пасху, обряд обрезания и еврейскую субботу, это не должно служить основанием для отказа в помощи и содействии, но лишь при условии, что данные обряды и праздники не наделяются спасительной силой и единственным Спасителем признается Христос. В-третьих, Рабинович может быть крещен в евангельской церкви, причем форму крещения он выбирает сам. В этом случае он становится членом единой церкви Христа, а не той деноминации, к которой будет принадлежать крестящий его служитель. В-четвертых, еврейская христианская церковь в Кишиневе может быть признана только тогда, когда святое крещение примут сам Рабинович, его брат, а также члены уважаемых в городе семей и станут тем самым членами единой церкви Христа.

На встрече, состоявшейся 18 марта, крестить Рабиновича было предложено Уилкинсону, но тот отказался. Свой отказ он объяснил опасениями в том, что многие евреи могут перестать уважать Рабиновича, если человек, крестивший его, и сам обряд не будут соответствовать их представлениям.

В тот же день, 18 марта, англичане покинули Лейпциг. Рабинович провожал их на вокзале. Уилкинсон приводит в своем дневнике слова, которые Рабинович сказал им при прощании: «Я научился одной вещи, с тех пор как приехал сюда, я научился молиться». Окончательное решение по вопросу о крещении было принято на следующий день после отъезда англичан.

Штрак писал, что утром 19 марта Рабинович объявил о своем намерении креститься как можно быстрее, то есть до возвращения в Россию. К вечеру того же дня Дилич выбрал Берлин в качестве наиболее приемлемого места для совершения таинства крещения.

Когда было принято это решение, Рабинович находился в соседней комнате. После того как оно было ему объявлено, он прочитал запись, сделанную им во время ожидания: «Я решил сделать то, что подготовил для меня мой Царь, мой Мессия». В соответствии с этим решением он и воспринял достигнутое на встрече соглашение.

Уже через несколько минут Рабинович и Штрак сидели в поезде, отправлявшемся в Берлин.

Крещение Рабиновича в Берлине

24 марта 1885 года в Берлине Рабинович принял крещение. При подготовке и проведении обряда было сделано все возможное, чтобы ни у кого не возникло мысли, что он примкнул к какой-либо конкретной деноминации. Рабинович был крещен в богемско-лютеранской церкви «Вифлеем» методистским служителем профессором Мидом из американского города Андоувер, штат Массачусетс, в присутствии служителя церкви «Вифлеем» П.Дж.Кнака и нескольких приглашенных, среди которых были Штрак и Лотский, присутствовавший от имени Дилича.

Следует также отметить, что несмотря на то, что Рабинович объявил о безоговорочном согласии с апостольским обрядом крещения, при его крещении был использован обряд, написанный им самим на иврите с целью его последующего использования при крещении израильтян Нового Завета (см. гл. 8).

Еще находясь в Берлине, Рабинович сообщил о своем крещении российским властям. В Кишинев он вернулся 1 апреля 1885 года. 2 апреля он дал интервью одной местной газете. Однако слухи опередили Рабиновича, и о его крещении Фалтину и другим верующим евреям стало известно еще до его возвращения.

До отъезда в Кишинев Рабинович на четыре дня (с 26 по 29 марта) вновь приехал в Лейпциг, где вместе с Диличем они обсудили проблему организации церковной школы. Кроме того, не исключено, что именно по инициативе Дилича еще раз был поднят вопрос о праздновании еврейской субботы. Некоторые источники пишут о том, что хотя Дилич и не хотел придавать слишком большое значение этой проблеме, он все же не мог согласиться с празднованием субботы. Штрак, который сам скорее всего не присутствовал на встрече, пишет, что решено было отмечать еврейскую Пасху в память об исходе евреев из Египта, при этом была сделана ссылка на Второзаконие 5:15. Воскресенье должно было отмечаться как день Господа, то есть день, в который проводится церковная служба в память о Его воскресении из мертвых. Обрезание и суббота сохранялись в качестве национальных традиций и не должны

были затмевать того факта, что Иисус озnamеновал Своим приходом конец Закона и что судимы мы будем по нашей вере в Него.

Нет сомнений, что Рабинович был согласен со всеми перечисленными моментами. Уже в то время слова Павла о том, что Иисус есть конец Закона, приобрели для него важное значение. Однако ни это обсуждение, ни его ссылки на слова Павла не спасли его впоследствии от нападок, связанных с приверженностью еврейским обычаям. Из отчета, сделанного Штраком, остается неясным, дал Рабинович обещание проводить службы и по субботам, и по воскресениям или нет. Обычно службы проводились по субботам, что осталось неизменным и после возвращения Рабиновича. 27 марта/8 апреля 1885 года Рабинович сказал Штраку, что на первую после его возвращения из Берлина субботнюю службу пришло много людей и все слушали очень внимательно. Но многие евреи пришли в церковь и на следующий день, в воскресенье. Этому, правда, можно легко найти объяснение, ибо то воскресение было пасхальным. «Впервые, — пишет Рабинович, — в еврейском доме молитвы звучали слова “Христос воскрес!”». Некоторые источники свидетельствуют позже, что Рабинович проводил богослужения по христианским праздникам — в пасхальное воскресенье, в Великую Пятницу и праздновал Пасху. Иногда он устраивал субботние службы не только утром, но и вечером. Суббота оставалась для Рабиновича главным днем даже после беседы с Диличем в Лейпциге в 1885 году.

Некоторые отклики на крещение Рабиновича

По возвращении из Берлина позиции Рабиновича укрепились. Фабер, будущий зять Фалтина, который за несколько месяцев до этого отверг идею Рабиновича принять крещение в Лейпциге, принял активное участие в подготовке крещения в Берлине. Лотский поступил аналогичным образом; по поручению Дилича он прибыл 3 апреля в Кишинев для того, чтобы оказать помощь Рабиновичу. Двое этих молодых людей вряд ли оказали большое влияние на развитие ситуации вокруг Рабиновича, но их приезд сам по себе говорит об их желании помочь. Тот факт, что сам Дилич принял активное участие в подготовке берлинского крещения, дал Рабиновичу сильный аргумент в полемике с противниками этого решения. И Лотский, и Фалтин приняли участие в первой после возвращения Рабиновича из Германии субботней службе.

Из апрельского 1885 года сообщения Фалтина мы узнаем о замешательстве, которое было вызвано новым статусом Рабиновича.

В сообщении Фалтин стремился дать объективный отчет о происходящем в Кишиневе и воздерживался от комментариев, но из его письма Диличу мы узнаем о его уверенности в том, что Раби-

нович собирался сам крестить членов движения. Фалтин отметил, что это намерение привело в замешательство как самих «израильтян», так и многих христиан. Некоторые «израильтяне» ожидали, что примут крещение вместе с Рабиновичем в лютеранской церкви Кишинева. Они тоже желали открытия национальной церкви, но строго на основе лютеранского вероисповедания. При этом они считали возможным разрешить «слабым по плоти братьям» соблюдать субботу и обрезание, так как эти обряды теряют свое первоначальное значение после принятия Христа. «Если быть кратким, то они хотят быть еврейскими христианами лютеранского вероисповедания», — писал Фалтин.

Мы еще вернемся к открытому столкновению между Фалтиным и Рабиновичем (см. гл. 10), а сейчас обратим внимание на публичные высказывания Фалтина после крещения Рабиновича. Хотя он и был разочарован развитием событий, не стоит полностью игнорировать его слова. Из его апрельского отчета мы узнаем, что после возвращения из Германии Рабинович возобновил субботние службы в доме своего брата, «и они всегда привлекали много людей». Фалтин так характеризовал Рабиновича: «Он проповедует Христа распятого и вновь воскресшего, Спасителя и Господа всех грешников... Праведный Господь пошлет Свои обильные благословения его проповедям». В майском отчете он упоминает, что 18/30 мая 1885 года Рабинович провел первую службу в перестроенном здании, и пишет: «Пусть этот дом станет тем благословенным местом, где сердца многих и многих евреев обратятся к своему Господу и Мессии. Мы просим всех наших друзей вспоминать об этой общине в своих молитвах».

Подобные высказывания Фалтина свидетельствуют, что хотя он и не одобрял обстоятельства, при которых произошло крещение Рабиновича, он не собирался из-за этого идти на открытый конфликт с Рабиновичем. Даже наоборот, он не отрицал возможность найти решение этой проблемы. В майском отчете он записал: «Мы с господином Рабиновичем поддерживаем прежние дружеские отношения».

Сопоставив все имеющиеся в нашем распоряжении сведения, можно сделать вывод, что крещение Рабиновича не было таким внезапным и неожиданным, каким его порой изображают люди, высказывавшие предположение, будто Рабинович пошел на уступки в обмен на обещание финансовой поддержки его движению, а также попал под влияние Дилича и других влиятельных христианских деятелей. Но нам необходимо помнить о том, что никто не оказывал какого-либо давления на Рабиновича, когда он принимал

решение о крещении. В его письме Уилкинсону от 6 апреля 1885 года читаем:

Теперь хочу ответить на Ваше письмо. В отношении свято-го крещения скажу лишь несколько слов; оно совершилось, как и все остальное в этом мире, благодаря руководству Святого Духа. Я утверждаю, что никто и никаким образом не оказывал на меня давление при принятии решения о крещении; как я уже говорил Вам, я совершил этот шаг, так как он был совершенно необходим. Я решил креститься в Берлине по той причине, что по моей просьбе это таинство согласился совершить американский профессор Мид. Наше правительство настроено против того, чтобы евреи примыкали к лютеранской церкви, и я хочу Вас заверить, что хорошее расположение правительства для меня имеет большую ценность, чем хорошее расположение де-сятка профессоров-лютеран.

В любом случае, Рабинович сумел добиться своего и принял крещение в Германии. Получил он и свидетельство о крещении, хотя не примкнул ни к одной из существовавших деноминаций и остался евреем по сути и по духу. Важным моментом является также то, что к решению принять крещение в Берлине Рабинович пришел главным образом под влиянием Дилича.

Дилич в Лейпциге старался следить по мере возможности за ходом событий в Кишиневе и постоянно колебался между дурными предчувствиями и надеждой на благополучный исход. Тем не менее, его речь на ежегодной встрече 2 июня 1885 года была полна энтузиазма по поводу нового российского движения. Он подчеркнул, что община Рабиновича не принадлежала к лютеранской церкви. Кроме того, он кратко рассказал о крещении ее руководителя: Рабинович считал, что его не должен был крестить Фалтин, «до которого было ближе всех», поэтому он и решил креститься в Берлине, причем в качестве члена единой церкви Христа, а не какой-либо конкретной деноминации. Сразу же после этого краткого рассказа Дилич поставил следующий вопрос: «Где Рабинович будет совершать таинство первого причастия?»

Если бы Рабиновичу удалось добиться разрешения властей стать служителем в своей церкви, то этот вопрос был бы легко разрешим. Но такого разрешения у него не было. Перед тем как был получен отказ, он продолжал активную проповедническую деятельность. 18/30 мая 1885 года прошла первая служба в перестроенном поме-щении. Он был по-прежнему окружен деятельными последовате-лями. Он не переставал искать приемлемое решение проблемам крещения и причастия, а также проблеме членства в церкви, ибо церковная община еще не была окончательно сформирована по

причине противодействия со стороны официальных властей. Все попытки найти приемлемое решение проблемы, связанной с крещением последователей Рабиновича, натыкались на многочисленные препятствия, создаваемые противниками движения. Фалтин в этом смысле не только не поддерживал Рабиновича, но даже выступал против него.

Основные богословские взгляды 1884 — 1885 годов

Перед тем как продолжить наше повествование, было бы уместно обобщить богословские взгляды Рабиновича, которые он изложил на бумаге в 1884 — 1885 годах.

Догматы веры Рабиновича

Догматы своей веры Рабинович формулировал в четыре этапа. Первые два свода догматов появились весной 1884 года, а последние два — не иначе как весной 1885-го.

Проект догматов веры был впервые представлен на кишиневской конференции 26 марта 1884 года. Они получили название «Двенадцать догматов веры». В их состав вошло также «Разъяснение», которое, по словам Дилича, было написано всего за один вечер. Непосредственно перед конференцией Рабинович составил документ из десяти пунктов, который мы назовем «Десять догматов веры».

Перед принятием крещения в марте 1885 года в Берлине Рабинович сформулировал символ веры, которому можно дать название «Семь догматов веры». Примерно в это же время он сделал набросок «Двадцати четырех догматов веры». Именно в последних двух сводах догматов нашли отражение окончательные представления Рабиновича о своей вере. По этой причине мы ограничимся их рассмотрением, а также прокомментируем некоторые положения «Разъяснения».

«Семь догматов веры»: краткий символ веры

По сравнению с первыми двумя сводами догматов, этот краткий символ веры можно назвать более «христианским», то есть в нем уже нет ссылок на специфические особенности еврейской христианской общины: празднование субботы, еврейской Пасхи, обрезание и т.д. Вместе с тем, в нем выражена вера в непорочное рождение Христа, а также ясно сформулированы понятия «христианская церковь» и «крещение». Этот символ веры Рабинович явно намеревался применять вместо апостольского.

Его символ веры состоял из следующих догматов:

§1. Я воистину верую, что наш небесный Отец есть живой, истинный и вечный Бог, Который через Слово Свое и Духа Своего Святого сотворил небо и землю, все видимое и невидимое. Все сущее от Него, все в Нем, и все для Него.

§2. Я воистину верую, что наш небесный Отец, в соответствии со Своим обещанием, данным нашим праотцам, нашим пророкам и нашему царю Давиду, сыну Иессея, послал Израилю Искупителя, родившегося от непорочной Марии в Вифлееме, городе Давида, и Он страдал, был распят, умер и был погребен во имя нашего спасения, воскрес из мертвых и жив и восседает ныне одесную нашего небесного Отца, откуда Он придет судить этот мир, живых и мертвых. Он навеки поставлен Царем над домом Иаковлевым, и царству Его не будет конца.

§3. Я воистину верую, что по замыслу Божию и в соответствии с Его предведением сердца наших праотцов ожесточились в наказание за грех и неповинование нашему Мессии, Господу Иисусу Христу, чтобы все народы земли возревновали против них; чтобы затем примирить всех через веру во Христа по слову Его Евангелистов; чтобы земля исполнилась познанием Иеговы и Иегова стал Царем всего мира.

§4. Я воистину верую, что человек может быть оправдан не делами закона, но только по его вере в Иисуса, Мессию, что существует только один Бог, и Он оправдывает обрезанных евреев по вере; и нет разницы между евреем и еллином, между рабом и свободным, между мужчиной и женщиной. Они все едины во Христе Иисусе.

§5. Я воистину верую в Святую Соборную и Апостольскую Церковь.

§6. Я исповедую единое крещение ради прощения грехов.

§7. Я ожидаю воскресения и возрождения мертвых и жизни грядущего мира. Аминь.

*Твоего спасения жду, Господь;
Жду, Господь, Твоего спасения,
О Господь, жду Твоего спасения.*

Этот символ веры был зачитан в конце церковного собрания сразу после проповеди, перед заключительным Аароновым благословением (см. гл. 11). В печатной же форме он появился в молитвеннике за 1885 год, переизданном в 1892 году. «Двадцать четыре догмата веры», к которым мы сейчас обратимся, также впервые появились именно в этом молитвеннике. Это говорит об их важности для движения и о том, что они должны были занять определенное место в повседневной жизни общины.

«Двадцать четыре догмата веры»: выписки из «Тридцати девяти догматов англиканской церкви»

«Тридцать девять догматов» из «Книги общих молитв» были переведены на иврит в 1837 году. Рабинович, скорее всего, имел этот текст под рукой, когда формулировал свои «Двадцать четыре догмата веры». Сравнительный анализ языка показывает, что он использовал целый ряд выражений из перевода и, более того, дословно переписал из него некоторые положения. Тем самым Рабинович не только сэкономил время благодаря тому, что ему не пришлось заново формулировать положения своих догматов, но и обезопасил себя от какой-либо критики в свой адрес; ибо если англиканская церковь могла использовать перевод своих догматов на иврит в Иерусалиме, то вряд ли кто-либо стал бы обвинять Рабиновича в использовании схожих догматов в Кишиневе.

Рабинович следует основывающимся на Библии традициям христианства, и в то же время стремится избегать формулировок, присущих греческому миропониманию. В «Двадцати четырех догматах веры» четко сформулированы взгляды израильтян Нового Завета, при этом в них отсутствуют какие-либо аргументы в защиту создания еврейской христианской общины. Однако ее существование предполагается.

Трудно переоценить важность этих догматов при всесторонней оценке богословских взглядов Рабиновича. Он следовал им всю свою жизнь, поэтому нам кажется уместным воспроизвести их целиком.

Догматы веры нового народа Израиля — сынов Нового Завета

§1. Существует только один истинный живой Бог, бестелесный, нераздельный, непостижимый плотскими чувствами, величайшего блага, силы и мудрости непознаваемой, Который созидает, творит, образует и хранит все сущее через Свое Слово и Своего Святого Духа. Все сущее от Него, все в Нем, и все для Него.

§2. Истинный Бог, в соответствии со Своим обещанием, данным нашим праотцам, нашим пророкам и нашему царю Давиду, сыну Иессея, послал Израилю Искупителя, родившегося от непорочной Марии в Вифлееме, городе Давида, и Он страдал, был распят, умер и был погребен во имя нашего спасения, воскрес из мертвых и жив и восседает ныне одесную нашего небесного Отца, откуда Он придет судить этот мир, живых и мертвых. Он навеки поставлен Царем над домом Иаковлевым, и царству Его не будет конца.

§3. По замыслу Божию и в соответствии с Его предведением сердца наших праотцов ожесточились в наказание за грех и неповиновение нашему Мессии, Господу Иисусу Христу, чтобы все народы земли возревновали против них; чтобы затем примирить всех сынов человеческих чрез веру во Христа служением Его святых Евангелистов и Апостолов; чтобы земля исполнилась познанием Иеговы и Иегова стал Царем всего мира.

§4. Все люди могут быть оправданы не делами закона, но только по их вере в Иисуса, Мессию. Существует только один Бог, и Он оправдывает обрезанных евреев по вере и необрезанных язычников чрез веру; и нет разницы между евреем и еллином, между рабом и свободным, между мужчиной и женщиной, ибо они все едины во Христе Иисусе. Верой во Христа мы исполняем закон, и вера эта — чудесный елей для нашей души, полный утешения.

§5. Священное Писание заключает в себе все необходимое для нашего спасения. Никто не должен быть принуждаем исполнять что-либо помимо того, что сказано в Писании, ни принуждать других принять таковое в качестве догматов веры или средства получения спасения. Под Священным Писанием мы подразумеваем книги откровения Ветхого и Нового Заветов, которые всегда признавались церковью и являются богоодухновенными.

§6. Писания Нового Завета не противоречат содержанию Ветхого Завета, ибо и в том, и в другом случае человечеству предлагается воспользоваться возможностью получить вечную жизнь через Мессию, Который является единственным Посредником между Богом и человеком. Закон, данный Господом Моисею, должен был привести нас к Иисусу, чтобы мы могли оправдаться чрез веру в Него. Но, по плоти своей, мы — семя Авраама, который был отцом всех обрезанных и верующих, поэтому мы считаем необходимым обрезать крайнюю плоть у всякого младенца мужского пола на восьмой день, как было завещано ему Богом. А являясь потомками тех, кого Господь Своей простижной рукой вывел из земли Египетской, мы считаем необходимым хранить субботу, праздник опресноков и еврейскую Пасху так, как записано в Законе Моисеевом, хотя остальные христиане празднуют ими воскресение Мессии из мертвых и сошествие Святого Духа с небес.

§7. Мишна и Талмуд не будут использованы нами в качестве основы какого-либо учения, но будут почитаться лишь как постоянное напоминание о том духовном сне, который был послан нам Богом, так что «Шулхан Арух» («Мегине Эрец»,

«Иоре Деа», «Хошен Мишпат» и «Эвен Эзер») стал для нас седьмью, ловушкой и камнем преткновения и затмил наши глаза, чтобы мы не могли видеть пути истинной и животворной Веры.

§8. Первородный грех является причиной испорченности каждого человека, рожденного от крови и хотения плоти, которая всегда склоняет к греху. Похоти плоти восстают против духа, препятствуя человеку принять закон Бога.

§9. Человек по природе не способен совершать благие дела, вести праведную жизнь и взывать к Богу. Для этого ему прежде должна быть ниспослана Божественная благодать, пребывающая в Иисусе Христе, Который есть Слово нашего небесного Отца и рожден Отцом от вечности.

§10. Благие дела сынов человеческих служат признаком истинной и животворной веры в сердце, подобно тому как дерево познается по плодам; такие люди угодны Богу во Христе; но, тем не менее, им недоступно очиститься от грехов или отвергнуть жестокий суд Божий.

§11. Те дела, которые содеяны человеком до того, как на него излилась благодать Христа, и до того, как он принял Святого Духа, недостаточны, чтобы тот, кто совершает их, получил награду за заслуги, благодать и праведность, ибо он, несомненно, осквернен греховностью, и не может быть заслуги в делах, исходящих от человека, тому, кто считает, что он делает больше, чем от него требуется. Неразумие и гордость людская заставляют человека думать, что он не только исполняет свои обязанности перед Богом, но делает даже больше, чем нужно, тогда как Иисус ясно сказал: «Когда исполните все повеленное вам, говорите: "мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать"».

§12. Только Христос был безгрешен как телом, так и духом, мы же, хоть и принимаем крещение и получаем рождение свыше, продолжаем, тем не менее, совершать неугодное перед Богом; и если мы говорим, что безгрешны, то в наших словах нет правды.

§13. Любой грех, совершенный ненамеренно или по злому умыслу, прощается грешнику, когда он сердцем и душой кается в содеянном; и даже когда мы совершаем грех перед Господом, мы через Его благодать можем очиститься и исправиться в лучшую сторону. Однако существует один грех, за который нет и не может быть прощения, — это грех против Святого Духа.

§14. Перед сотворением мира состоялся тайный совет Господа, и решением его было спасти от проклятия и суда тех, кто был избран Им во Христе, и привести их через Иисуса Христа к

вечному спасению. Те, на кого излилась эта величайшая благодать Господа нашего, — в нужное время призываются Его Духом; они же услышат призыв этой благодати; они будут безусловно оправданы по этой благодати; Господь принимает их и делает Своими детьми; они облекаются в образ и подобие Сына Его Единородного Иисуса Христа. Именно они ходят в страхе перед Богом, творят благие дела и наследуют по Еgo благодати богатства вечные. Они избраны Богом, благодаря чему их помыслы и желание возрастать в своей вере служат величайшим источником утешения для всех, кто ходит в страхе перед Богом и ощущает в себе силу Святого Духа, кто подавляет в себе плотские влечения и греховные побуждения и возносит свое сердце к высшему, небесному. Подобные помыслы значительно укрепляют их веру в вечное спасение, которое они обрели в Господе. Они противостоят тем гордецам, которые идут на поводу у собственных вожделений; в которых нет духа Иисуса Христа; и которые не найдут у Бога оправдания и, по вечному повелению, будут завоеваны сатаной и сделаются его детьми. Сатана повлечет их в пучину безнадежности, то есть заставит их творить всякие нечистые дела (что равнозначно отсутствию надежды).

§15. Видимая Церковь Христа — это сообщество верующих, которые проповедуют чистое слово Господне и соблюдают до мелочей святые заповеди Христовы, записанные евангелистами.

§16. Церковь вольна вводить свои правила и обряды. В то же время она не может принимать что-либо противоречащее Слову Господа или истолковывать какой-либо стих Священного Писания таким образом, что он будет вступать в противоречие с другими. Кроме того, она не может выдвигать какие-либо требования, не содержащиеся в книгах Ветхого и Нового Заветов, в качестве необходимых для обретения спасения.

§17. Никакое собрание не может быть проведено без разрешения со стороны властей, ибо из Писания мы знаем, что правительство назначается Господом и что в его руки Господь передает как мирские, так и духовные заботы о стране, чтобы оно силой своего карающего меча могло контролировать тех, кто творит злые дела.

§18. Любому человеку запрещается нести служение, если он не уполномочен на то своей общиной и законами государства.

§19. Проповедь, как и все богослужение, должна вестись на понятном для слушателей языке; так как в России большинство

детей Израилевых понимает иврит, «святой язык», а также германское наречие, то служение решено вести на этих языках.

§20. Таинства, установленные Христом, служат верным свидетельством Господней благодати и Его благоволения к нам; именно с их помощью Он таинственным и удивительным образом воздействует на нас, с их помощью Он приводит нас к вере и поддерживает ее. Кроме того, они в равной степени служат доказательством того, что Христос есть стремление нашей души и слава нашего разума. Святых таинств два: крещение и вечеря Господня, однако соблюдение их приносит пользу, только когда человек правильно понимает их значение.

§21. Так как служитель несет свое служение не от собственного имени, а от имени Иисуса Христа и пользуется силой, которая ему дается Христом, то с этой мыслью мы должны внимать Слову Божию, исходящему из его уст, и принимать святые дары из его рук; хотя сам он грешен так же, как и мы все. Его греховность не умаляет благодати Божьего дара, которую Господь посыпает принимающим эти дары. Тем не менее, община должна пристально изучать жизнь и привычки своих служителей, и если результаты беспристрастного расследования показывают, что служитель является недостойным человеком, то община обязана отстранить его от служения.

§22. Крещение является знаком нового рождения. Через водное крещение человек становится частью церкви, Церкви Христовой. Водное крещение омывает и очищает нас от всех грехов; крещаемые свидетельствуют перед всеми о том, что их грехи прощены и что они стали Божьими детьми. Из этого следует, что будет верным через крещение приводить людей в церковь еще в детском возрасте.

§23. Вечеря Господня является знаком того, что мы вспоминаем о смерти нашего Господа-Мессии, доколе Он придет, и, принимая священные хлеб и вино, мы соединяем все наши физические и духовные силы с Телом и Кровью Христа, которые Он пожертвовал в этом мире ради нашего спасения. Таковые вводят нас в изобилие жизни, откуда Он вечно просвещает нас, восседая одесную нашего небесного Отца. Через нашу веру хлеб, который мы принимаем, становится частью Тела Христова, а благословенная чаша — частью Его Крови. Те же нечестивые, у которых нет живой веры, принимают святые дары лишь своими устами, но не причащаются со Христом и не получают прощения за свои грехи.

§24. К тому, кто намеренно нарушит любой из этих догматов церкви, даже в случае, если это нарушение не будет противоречить Священному Писанию, следует относиться как к выступающему против порядка церкви и против разрешения правительства.

Общее и особое собрание церкви вправе пересмотреть и изменить любое из церковных правил, которые были сформулированы мудростью человеческой. Но любое изменение должно служить исключительно ко всеобщему назиданию.

«Разъяснение»

Как мы уже отмечали ранее (см. гл. 5), на состоявшейся в Кишиневе в марте 1884 года конференции Рабиновича попросили прояснить его точку зрения на соблюдение обрезания и еврейской субботы. В «Разъяснении» он пишет о том, что обрезание — это священный знак, говорящий о принадлежности человека к роду, ведущему свое начало от Авраама. Оно не может оскорблять чьих-либо чувств, потому как не является публичным актом, а кроме того, некоторые врачи утверждают, что оно может даже оказаться полезным с физиологической точки зрения. Далее, обрезание не практикуется среди других европейских народов, поэтому Рабинович считает, что евреи должны соблюдать этот обряд, чтобы сохранить свое национальное своеобразие и подчеркнуть национальную принадлежность. И Тора, и Новый Завет оставляют за евреями право подвергать своих детей обрезанию в этих целях. Обрезание «связывает нас с нашими еврейскими братьями, [но] не может оправдать нас в глазах Господа». После этого утверждения Рабинович цитирует следующий стих из Библии: «Если Авраам оправдался делами, то он имеет похвалу, но не перед Богом» (Рим. 4:2). Когда Павел говорит галатам: «если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал. 5:2), он обращается не к евреям, а к тем людям, которые ошибочно верили, что они могут быть оправданы по Закону и по благодати Христа. Но, утверждает Рабинович, иго Закона никогда и не давалось им.

Оправдывая сохранение еврейской субботы, он обращается к Исходу 20:8: «Помни день субботний, чтобы святить его». Поскольку израильтянам Нового Завета не возбраняется придерживаться этой заповеди, они вольны ее сохранить, оказав уважение законам, которые обуславливались получением в собственность земли Израиля, служением в храме, формой назначения правителя, жарким климатом и необходимостью покончить с идолопоклонством, давно уже отвергнутым.

В отношении обрядов Нового Завета, Рабинович отмечает важность лишь крещения и вечери Господней, которые следует понимать в русле истинного еврейского духа, нашедшего свое выражение в книгах Ветхого Завета и явившего образец в евангельских общинах Англии и Германии.

Кроме того, он выражает свои взгляды на триединство Бога. При этом он вновь указывает на историческую разницу между евреями и остальными народами, которые до принятия христианства исповедовали политеизм и для которых необходимо было подчеркнуть в Писании, что три лица Бога составляют единое целое, тогда как для евреев чрезвычайно трудно использовать в этом случае число три, хотя они прекрасно знают из Писания, что Бог един в трех ипостасях, или лицах. Затем Рабинович пишет: «Верующие неевреи именуют три лица единого Бога “Отец, Сын и Святой Дух”; мы называем Троицу “Бог, Его Слово и Его Святой Дух”, что по сути одно и то же. Почему же христианская церковь связывает Израиль учениями, которые были преподаны праотцам нееврейских народов во избежание появления в их среде ложных представлений о триедином Боге?» При этом он подчеркивает, что апостолы не возлагали это бремя на еврейский народ: «И мы нигде в Священном Писании не находим утверждения, что вера в “три лица” должна быть обязательной составляющей нашего вероисповедания».

В заключение он утверждает, что евреям очень сложно объяснить, что такое рождение от Девы, если не придавать Святому Духу человеческие черты. Он считает, что если мы хотим угодить Господу, нам следует не вдаваться в детали, а придерживаться формулировки «от Духа Святого» (Мф. 1:20).

Эти высказывания говорят нам, что Рабинович учился на традициях христианства, но не следовал слепо за теми церковными доктринаами, в которых было больше греческого, нежели библейского. Именно в этом свете стоит рассматривать его взгляды на христианское учение о Святой Троице. Он признавал божественное происхождение Иисуса и был уверен в том, что ему удалось выразить суть учения о Троице. Что касается вопроса о крещении, то, как отмечал Фабер в своей открытке Диличу от 25 марта 1884 года, в результате продолжительных дебатов ему удалось преодолеть противодействие Рабиновича по отношению к крещению детей. Рабинович рассматривал теперь крещение не только как акт исповедания веры, но и как «знак возрождения». Для одного из самых лояльных сторонников Рабиновича, Джона Уилкинсона, его взгляды на святые дары служили признаком «сакраментализма», что характеризует не только Рабиновича, но и самого Уилкинсона. С

самого начала проповеднической деятельности ключевыми словами для Рабиновича стали слова Павла: «конец закона — Христос» (Рим. 10:4). Об этом свидетельствует, например, Векслер (см. гл. 6); об этом свидетельствуют его проповеди; и, кроме того, об этом свидетельствуют слова, написанные на свитке Торы, находившемся в молитвенном зале (см. гл. 11). В заключение стоит упомянуть о той резкой критике, которой Рабинович подверг Талмуд, посчитав его причиной всех бед израильского народа и подчеркнув при этом разницу между божественным откровением и его раввинистическим истолкованием.

Еврейская пасхальная Хаггада: причастие

Перед тем как Фабер весной 1884 года вернулся в Германию, у него появилась возможность принять участие в праздновании еврейской Пасхи в Кишиневе, которое было проведено в соответствии с только что законченной Рабиновичем пасхальной Хаггадой (см. гл. 5). Хаггада должна была стать для израильтян Нового Завета основой предпасхального служения с причастием.

По форме служение было схоже с обрядом, принятым в иудаизме: действие происходило вокруг четырех чащ, которые представляли собой часть еврейского пасхального угощения; по содержанию же он был «христианским». Пастор и члены общины поочереди зачитывали отобранные специально для этого случая отрывки из Писания. Следует отметить, что ходом обряда руководил пастор (или «пастырь»).

После молитвы Господней на стол устанавливается блюдо с тремя опресночными хлебами, сосуд с вином и чаши для причастия. Пастор наполняет первую чашу вином (П — пастор, О — община).

Первая чаша: чаша Авраама, первого из патриархов.

П: Эта ночь должна соблюдаться всеми детьми Израиля из поколения в поколение. *О:* Исх. 13:3. *П:* Ис. 63:9. *О:* Ис. 63:16. *П:* Мф. 26:17-19. *О:* Лк. 22:15-18. Каждый берет свою чашу и произносит молитву благодарения за Авраама и завет, заключенный с ним. Чаша выпивается.

Вторая чаша: чаша Моисея, первого из пророков.

П: Исх. 3:13-16. *О:* Исх. 14:30-31. *П:* Ис. 63:11-12. *О:* Ин. 5:45-47. Каждый берет свою чашу и произносит молитву благодарения за Моисея, через которого Господь повелел Израилю любить Его. Чаша выпивается.

Третья чаша: чаша Давида, первого из царей.

П: Вт. 17:15,18б,20. *О:* 2 Царств 7:18-24. *П:* Ис. 55:3-5. *О:* Лк. 1:30-33. Каждый берет свою чашу и произносит молитву благода-

рения за Давида, сына Иессея, которому Бог открыл будущее и обещал, что царству его не будет конца. Чаша выпивается.

Четвертая чаша: чаша спасения Иисуса Христа.

П: Чис. 9:9-11; Мф. 27:34. *О:* Вт. 8:3. *П:* Ис. 33:13-14. *О:* Ис. 33:15. *П:* Ис. 33:16-17. *О:* Ис. 53:5-6. Пастор раскладывает опресноки, каждый берет свою чашу и произносит молитву благодарения за Иисуса, Спасителя мира, Помазанника Божия, Который пролил Свою кровь, чтобы понести грехи многих и даровать нам вечную праведность. Пастор берет блюдо с опресноками и произносит слова заповеди. Хлеб раздается присутствующим, и пастор произносит: «Тело нашего Господа Иисуса-Мессии, отданное за тебя...» Вино подается со словами: «Кровь нашего Господа Иисуса-Мессии, пролитая за тебя...» В заключение он произносит молитву Господню.

Эта форма причастия была опробована в 1884 году в присутствии только членов общины. В дальнейшем она, по всей видимости, не использовалась. Самое простое объяснение этого заключается в том, что правительство не разрешило Рабиновичу совершать причастие.

Беглый взгляд на богословские споры вокруг Рабиновича

Франц Дилич приветствовал попытки Рабиновича создать независимую еврейскую христианскую общину, в рамках которой была бы возможность исповедовать свою веру и проводить церковные богослужения так, как это было принято в синагоге. Он не считал, что сохранение обрезания и еврейской субботы каким-либо образом противоречило тому, чему учил Павел, хотя, по его мнению, эти обряды «сложно согласовать с тем фактом, что христианство является всемирной религией». Он не пытался скрыть это несоответствие и в числе первых отметил, что эти обряды должны соблюдаться в качестве национальной традиции и что Рабинович сам постоянно подчеркивал, что каждый человек будет судим исключительно по своей вере. В целом, у Рабиновича был такой же взгляд на обрядовые правила Ветхого Завета, как у Павла и Лютера, которого часто называли немецким Павлом. Рабинович признает, что воскресенье — святой для всего человечества день, но желает соблюдать и субботу в память об исходе евреев из Египта, чтобы богослужения в еврейской общине проходили именно в день возникновения народа Израиля. Он отвергает те обрядовые правила, в соответствии с которыми фарисеи соблюдали субботу. Соответственно, и обрезание становилось для него лишь национальным признаком еврея. Дилич выражает надежду, что в будущем Рабинович, которому были близки взгляды Павла, сделает наконец

достойный своего «учителя» вывод и поменяет свою точку зрения: «Национальное своеобразие еврейского народа должно быть и будет сохранено без обрезания и с воскресеньем вместо субботы». 30 декабря 1885 года он пишет Рабиновичу, что понимает его стремление сохранить субботу, обрезание и иврит в знак уважения к традициям синагоги. В то же время он испытывает смешанные чувства по отношению к этому мотиву и в заключение пишет: «но мы верим, что внутри этих форм вырастет община с христианским содержанием».

Эти критические замечания не помешали, тем не менее, Диличу назвать Рабиновича «явлением в истории церкви». Он убежден, что еврейский народ получит спасение. Если всего десять человек из этой нации объединятся и создадут еврейскую национальную общину, Дилич будет приветствовать это событие как прелюдию ко спасению всего Израиля. Он будет испытывать неподдельную радость, когда это произойдет, и не позволит себе омрачить эту радость никакой «детской» критикой. Вступление к публикации первых документов движения Дилич заканчивает призывом к церкви и синагоге жить в соответствии со словами пророка: «не повреди ее, ибо в ней благословение» (Ис. 65:8).

Что касается вероисповедания Рабиновича, то уже в 1885 году Дилич отмечал его близость к соборному символу веры (т.е. универсальному христианству) в сравнении с евионитами (в прошлом) и с современными унитариями. Рабинович пытается дать новые формулировки, но Дилич подтверждает, что при этом он признает единого Бога, Богочеловека и Агнца Божьего, Который понес на Себе грех этого мира. В конфликте между Фалтиным и Рабиновичем Дилич однозначно встал на сторону последнего (см. гл. 10).

Среди других влиятельных немецких богословов идею создания независимой еврейской христианской общины поддержал Штрак. Когда Рабинович подвергся нападкам Фалтина, за него вступился также Далман (см. гл 10). Но раздавались и голоса, в которых звучали критические ноты. Мы приведем лишь один такой пример.

Среди критиков Рабиновича был де ле Руа, автор серьезного труда о евангельском христианстве и евреях. В нем критика была еще мало ощутима, автор превозносит Рабиновича за то, что тот прямо поставил вопрос о принятии евреями христианства и заставил заговорить о Христе еврейскую общественность. Но уже в 1886 году, полемизируя с тем, что сказал на состоявшейся в 1885 году конференции миссионерского движения А.Виганд, он подверг критике взгляды Рабиновича на Закон.

Виганд же поддержал Рабиновича. В своем обращении он отметил, что Новый Завет оставил еврейским христианам полную сво-

боду в том, соблюдать еврейский Закон или нет, и рекомендовал оставить за ними право выбора. К сожалению, объем нашей книги не позволяет углубиться в эту интересную дискуссию. В 1897 году де ле Руя ясно выразил свое неприятие того, что делал Рабинович. Как пишет де ле Руя, «он напуган испорченностью евреев, вызванной их ложным национализмом», и он заблуждается, утверждая, будто евреи, приходящие в христианскую церковь, не получают там должного воспитания.

После обзора взглядов Рабиновича и последовавшей на них реакции необходимо прокомментировать то, в каких случаях Рабинович использовал обращение «брать» по отношению к Иисусу. Мы попытаемся показать, что этот вопрос отнюдь не находится в изоляции, как полагают некоторые, а помогает пролить свет на то, как Рабинович понимал личность Христа.

9

Наш брат Иисус и ключ от Святой Земли

Теперь, когда мы рассмотрели основные богословские взгляды Рабиновича, было бы уместно поговорить об обращении «брат», которое Рабинович использовал, говоря об Иисусе, и на которое с самого начала обратили внимание многие западные обозреватели (см. гл. 1).

Во вступлении к опубликованным в мае 1884 года первым документам Рабиновича Дилич пишет: «Он вернулся из Палестины с девизом “Ключ от Святой Земли держит в Своих руках наш брат Иисус”». Кроме того, Дилич утверждает, что вероисповедание Рабиновича и притягательная сила его движения заключается «в двух словах: Иешуа Ахину» (Иешуа/Иисус наш брат).

Наш брат Иешуа/Иисус

Когда Рабинович пишет на иврите, то всегда называет Иисуса Иешуа и никогда Иешу, как из века в век иудеи уничижительно именовали Иисуса из Назарета. Многие евреи выражали с помощью формы Иешу свое негодование: «Да будет имя его навеки стерто из памяти людской». Рабинович же как в первых документах движения, так и в некоторых проповедях использует форму Иешуа. Иногда он выделял Его имя, печатая заглавными буквами, а иногда увеличивал между буквами пробел. В надписи, находившейся в «алтарной части» дома молитвы (см. гл. 11 и фотографию в конце книги), имя Иисуса было набрано более крупным шрифтом, чем остальной текст. В своих проповедях Рабинович зачастую подчеркивал сходство между именем Иешуа и словом «спаситель» (Мошиа), а также между другими подобными словами. Кроме того, его, несомненно, вдохновляли слова из Матфея 1:21, в которых подчеркивается звучание слов «Иешуа иошиа», то есть «Иисус спасет».

Не возникает ни тени сомнения, что именно Рабиновичу принадлежит авторство выражения «наш брат Иисус». Его часто употребляли и цитировали на Западе. Однако было бы неверно рассматривать обращение «брат» в отрыве от других обращений, которые он использовал, говоря об Иисусе. Если оно и служило сначала девизом, то это длилось очень недолго. А в таком случае вырисовывается совершенно иная картина, нежели та, которую мы находим в предыдущих работах о Рабиновиче.

Исследование рукописей Рабиновича подводит нас к заключению, что обращение «брат» по отношению к Иисусу не признавалось им абсолютно удачным, по крайней мере в поздних работах. Там евреи иногда именуются братьями Иисуса или братьями Иисуса по плоти. В этом смысле все первоисточники противоречат тому впечатлению, которое у нас создается по прочтении исследований, практически в один голос утверждавших, будто обращение «брат» было девизом Рабиновича, который он сохранил на всю жизнь. Это неверно, хотя нельзя отрицать и того, что сначала эта концепция имела для него важное значение, а потому с ней необходимо определиться.

Дилич был рад появлению выражения «наш брат Иисус» и считал, что эти слова были посланы Рабиновичу Господом. Другие, как, например, один «соплеменник и собрат верующий» из Америки, выражали по этому поводу свои опасения. В письме, которое Рабинович отправил этому анонимному корреспонденту в июне 1885 года, он объясняет и отстаивает употребление обращения «брат» по отношению к Иисусу. Отсюда можно заключить, что его обвинили в принижении величия Господа подобным к Нему обращением. В своем письме Рабинович, в частности, пишет: «Неужели Вы, дорогой брат, не знаете о том, что Ваши братья по плоти, ослепленные Талмудом евреи, продолжают сквернить имя Господа?.. Поэтому, чтобы они не продолжали, как их отцы, скрипеть зубами и затыкать уши при упоминании имени Иисуса (Деян. 4:18; 7:57), необходимо поступать так же, как поступали первые христиане, то есть напоминать им некоторые «прописные» истины. Именно это делали Петр и Стефан (Деян. 3:22-23; 7:37), когда цитировали Второзаконие 18:15: «из братьев твоих»».

Следовательно, такое знакомое слово, каким является слово «брать», использованное по отношению к Иисусу, служит «на благо спасения» евреев. Кроме того, обращение «брать» имеет еще одну положительную сторону, ибо может быть использовано против антисемитов, которые стремятся стереть с лица земли все, что связано с Израилем, и считают возможным пролить кровь Сима. О таких антисемитах Рабинович пишет в конце своего письма:

Они совершенно забыли, что их божественный Спаситель был братом Израиля по плоти и что выкуп за их грехи состоял в крови Сима. Именно эта кровь волиет к нам с креста, предлагая прощение для нас, евреев. Поэтому в наши темные времена необходимо напомнить таким людям о том, что Иисус — наш брат по плоти. Они должны увидеть кровь и пройти мимо домов детей Израиля, семитов, а не входить в них и не уничтожать наследие Израиля.

Итак, «наш брат Иисус» — это лозунг Рабиновича, принесший ему широкую известность и защитивший его от многочисленных нападок. Но, вместе с тем, даже в своих ранних проповедях он довольно редко его использовал, а если он и встречается там, то не отдельно, а наряду с другими обращениями. Поэтому внимание, которое было уделено этой фразе на Западе, оказалось непропорционально велико по сравнению с той ролью, которую Рабинович отводил ей в своих проповедях!

Не вдаваясь в детали, мы можем упомянуть, что, кроме вышеупомянутого, Рабинович использовал в проповедях следующие выражения: «Мессия», «Иисус, Сын Иосифа из Назарета», «Мессия, Сын Божий», «Сын Божий, Иисус из Назарета», «наш Господь Иисус-Мессия», «Пророк», «Сын Давида», «Сын Иессея», «Царь», «Господь», «наш благословенный Господь Иисус-Мессия», «Спаситель», «наш Мессия Иисус из Назарета, всесильный Бог и Князь Мира», «Человек, Сын Божий, Иисус-Мессия», «Учитель», «истинный Мессия, Сын Человеческий и Сын Божий», «Иисус Назарянин, распятый за наши грехи, ибо этот Иисус не есть Бог, Который бессилен спасти, но Бог, Который властен спасти».

Достаточно бегло просмотреть работы Рабиновича, чтобы отметить тот факт, что в Новом Завете нет такого обращения к Иисусу, которого бы он не использовал. В проповеди о Добром Пастыре 5 июля (р) 1886 года он говорит: «Да, Иисус — это все. Он — Израиль, Он — первый и единородный Сын Израиля! Он — Тора! Он — Бог!» Приняв все это в расчет, мы никак не сможем назвать справедливой ту атаку, которую предприняли оппоненты Рабиновича на выражение «наш брат Иисус», не сопоставив его с другими обращениями. Тем более что когда Рабинович обрел более прочный, чем по возвращении из Палестины, фундамент веры, то он и вовсе отказался от этого лозунга.

Ни в символе веры («Семь догматов веры»), ни в «Двадцати четырех догматах веры» мы не встречаем выражения «наш брат Иисус». А ведь в первую очередь именно эти догматы представляют собой ту прочную основу, на которой базировалась вера Рабиновича, а вовсе не выражение «наш брат Иисус». В свое время это выражение использовалось в качестве лозунга, и хотя Рабинович постоянно делал ударение именно на сути, заключенной в этой фразе, он понимал, что на основе одной фразы общину создать невозможно. В 1887 году он сказал Венецианеру: «...на Елеонской горе я обрел Иисуса, нашего Адон ха-Гадол (нашего великого Господа)».

Ключ от Святой Земли

Рабинович не злоупотреблял фразой «наш брат Иисус» и еще реже употреблял «ключевое» выражение: «Ключ от Святой Земли держит в Своих руках наш брат Иисус».

Когда Дилич предал гласности это изречение в 1884 году, он не уточнил, когда и при каких обстоятельствах Рабинович впервые его использовал. И это досадно!

Но очевидно, что авторство «ключевого» выражения действительно следует отдать именно Рабиновичу, который впервые использовал его по возвращении из Палестины. В письме, которое он отправил 6/18 мая 1882 года из Константинополя и которое позднее было опубликовано в «Хамелице», он пишет о турецком правительстве, «которое держит в своих руках ключи от пустующих врат Палестины» (см. гл. 2). Хотя сионистские взгляды Рабиновича потерпели крах и в «Тринадцати тезисах» он не мог призывать евреев эмигрировать в Палестину, не похоже, что он полностью отказался от идеи возрождения европейской нации на Святой Земле. В один прекрасный день Иисус распахнет врата этой земли, ключ от которых находится в настоящий момент у турецкого правительства; и произойдет это, когда еврейский народ примет Иисуса как Мессию.

Подобное же понимание «ключевого» выражения нашло отражение в заметке, опубликованной в 1903 году в журнале миссии «Майлдмей»: «Ключ от Палестины держит в Своих руках Иисус Христос. Так сказал покойный Иосиф Рабинович, и мы верим, что возрождение этой земли и все благословения, которые оно принесет с собой, связаны с возвращением нашего благословленного Господа». В 1884 году Дилич аналогичным образом интерпретировал это выражение. Он писал: «Ключ от Святой Земли, — сказал Рабинович, — держит в Своих руках наш брат Иисус. Мы имеем полное право сказать, что у Него же находится и ключ к решению еврейского вопроса». В данном случае Дилич приписывает Рабиновичу узкое понимание выражения «Святая Земля», а затем расширяет его границы, включая в него весь еврейский вопрос. Мы не можем полностью исключить вероятность, что и сам Рабинович иногда вкладывал в это выражение более широкий смысл.

Возвращаясь в 1896 году из последней поездки в Англию и Шотландию (см. гл. 13), он посетил Берлинскую выставку. В письме С.Уилкинсону он сообщает, что «не смог удержаться и не осмотреть» экспозицию Палестины, которая так или иначе все равно попадалась ему на глаза, «потому что я очень хотел наяву увидеть, что производит столь милая моему сердцу страна, страна, на которую постоянно устремлен взгляд Иеговы». Выражая уверенность в

том, что Израиль как нация обретет наконец спасение, он обратился мыслями к своей первой поездке в Англию (1886 — 1887), когда он «засвидетельствовал присутствующим свою твердую веру в Господа и в Его скорое пришествие, с которым... связывал возрождение государственности Израиля на святой земле Палестины, — и увидел холод и безразличие в глазах некоторых людей». Далее он положительно отзыается о «верных друзьях Сиона» и их деятельности, так как он остался очень доволен тем пониманием, которое он нашел у них во время этого визита.

Рабинович пишет, что еще во время первой поездки в Англию он пришел к вере, что возвращение евреев в Израиль будет связано с пришествием Иисуса. Подтверждение веры Рабиновича в возрождение Израиля можно найти в опубликованных в мае 1884 года «Десяти доктринах веры» (см. гл. 8). В доктринах он выразил убежденность в том, что израильский народ, который оказался отломленной от общего ствола ветвью, будет вновь привит к этому стволу, то есть к Иисусу, и весь Израиль сможет получить вечное спасение, а «священный город Иерусалим» восстанет из пепла и в нем будет навеки воздвигнут трон нашего царя Давида.

Подводя итог, можно отметить, что «ключевое» выражение уже постепенно исчезало из лексикона Рабиновича к моменту возникновения мессианского движения как такового. Но, тем не менее, он всю свою жизнь раздумывал над его содержанием, которое он переосмыслил на основании сложившихся у него к весне 1884 года более глубоких богословских представлений. Возможно, наиболее точно этот вопрос осветил П.Гордон, когда со свойственной ему искренностью обыграл «ключевое» выражение и написал, что в «распятом и преображенном Царе Иудейском» Рабинович обрел мир и «ключ от Небесного Иерусалима, от Святого-святых и от престола благодати». «Но, — продолжает Гордон, — город Давида принадлежит Сыну Давида, Иисусу Христу, и только тот, кто принял Его как своего Спасителя и Царя, пребудет в этом городе вместе с Ним. С Иисусом народ Израиля обретет могущество. Приняв Иисуса Иммануила, он вновь сможет войти в землю Иммануила».

Теперь, по рассмотрении основных положений веры Рабиновича, можно вернуться к изложению исторических событий.

10

Конфликт между Фалтиным и Рабиновичем

В марте 1885 года Рабинович принял в Берлине крещение. Это явилось сюрпризом для Фалтина, который ожидал, что сам будет его крестить. Фалтин открыто признал, что в их отношениях возникло некоторое напряжение. Как бы то ни было, в мае 1885 года он писал, что они продолжали поддерживать дружеские отношения (см. гл. 7); то есть немедленного разрыва не произошло. Окончательный разрыв состоялся несколько лет спустя, в 1888 году, когда Фалтин публично раскритиковал Рабиновича.

Фалтин о Рабиновиче в 1885 — 1886 годах

В своем ежегодном отчете за период с 1 ноября 1884 по 1 ноября 1885 года Фалтин не скрывает, что крещение Рабиновича в Берлине нарушило его планы. Он считал, что это обособленно принятное крещение навеки перечеркнуло возможность создания независимой еврейской христианской общины. При этом он, однако, считает ошибочным представление, что он исключительно из духа противоречия подготовил к крещению и крестил нескольких людей, прежде посещавших проведи Рабиновича. Кроме того, он утверждает, что и сам в течение десятилетий мечтал о создании еврейской христианской общины на апостольско-евангельской основе. В то же время в этом отчете он отдает должное той большой работе, которую проделал в этом направлении Рабинович.

В следующем годовом отчете (1 ноября 1885 года — 1 ноября 1886 года) Фалтин пишет, что христианское движение в еврейской среде развивается слишком медленно. Обратившись вновь к упомянутым в отчете за 1884 — 1885 год «разногласиям», он с сожалением отмечает, что действующая община так и не была образована. При этом следует отметить, что он пишет и о создании еврейского дома молитвы, в котором Рабинович устраивал публичные проповеди, и благодарит за это Бога.

В отчете за 1885 — 1886 год Фалтин положительно отзыается о вдохновенных проповедях Рабиновича и его ораторских способностях, которые тот проявил «в единственном во всей России доме молитвы, в котором каждую субботу на понятном для евреев языке проповедуется Христос, Сын Божий, Спаситель грешников». Одновременно он находит и основания для критики: Рабинович ока-

зался неспособен сплотить вокруг себя прочную и постоянную группу сторонников, что, по мнению Фалтина, является непременным условием для создания постоянно действующей общины. Кроме того, Фалтин отмечает, что повышенное внимание Рабиновича к некоторым «иудаистским элементам» (напр. соблюдение еврейской субботы и обрезание), которые он хочет сохранить в будущей своей общине, не произвели на людей того впечатления, которое он ожидал. В заключение Фалтин пишет, что российские власти до сих пор не удовлетворили запрос Рабиновича о получении разрешения на создание действующей общины.

Отсутствие разрешения он комментирует следующим образом: более важным является создание подобных кишиневскому домов молитвы в других частях России, чтобы верующие евреи «могли под руководством христианских служителей в духе христианской свободы нести Слово Божие своим соплеменникам».

Несмотря на то, что в 1886 году критика, с которой Фалтин выступал против Рабиновича, носила еще довольно мягкий характер, где-то в недрах их взаимоотношений уже начал назревать серьезный конфликт. К этой проблеме мы сейчас и обратимся.

Посещение Кишинева Шонбергером и Венецианером в 1887 году

С появлением мессианского движения Кишинев стал привлекать к себе миссионеров, вовлеченных в работу с евреями в различных частях света. Миссионеры, конечно, приезжали в Кишинев и до этого, чтобы ознакомиться с деятельностью Фалтина, которого высоко ценили и работу которого подробно освещали в журналах различных миссионерских организаций.

Уже в конце лета 1885 года Шонбергер сообщал из Вены, где он исполнял обязанности миссионера от Британского общества, что местные евреи приняли близко к сердцу начавшееся на юге России возрождение. В 1887 году Шонбергер в очередной раз приехал в Кишинев. Вместе с ним прибыл еврей-христианин из Венгрии А. Венецианер, служивший пастором реформатской церкви в Рорбахе под Одессой.

В 1887 году Венецианер издал брошюру, в которой поделился своими впечатлениями от встреч с Рабиновичем как в доме молитвы, так и в неофициальной обстановке. Венецианер был поражен тем, с какой энергией действовал Рабинович. Кроме того, находясь в Кишиневе, Шонбергер и Венецианер встретились с Фалтиным. Венецианер назвал его «отцом еврейских миссий в Российской империи». Они хотели получить сведения от этого «опытного» человека, который «много знал о жизни евреев и новообращенных».

Запланированная пятнадцатиминутная беседа с Фалтиным перосла в двухчасовую дискуссию, во время которой Фалтин заявил о необходимости («хоть мы и братья») открыто указать Рабиновичу на его ошибки и напомнить о скромности и смирении. Рабиновичу не следует проявлять высокомерие, когда все окружающие свидетельствуют, что он все делает именно так, как нужно.

Через пару месяцев после этой встречи Фалтин занялся составлением отчета за период с 31 октября 1886 года по 31 октября 1887 года. В феврале 1888 года отчет был опубликован. Все претензии, которые постепенно накапливались у Фалтина к Рабиновичу, обрели теперь печатную форму. Незадолго до того, как Фалтин начал работу над отчетом, Венецианер крестил нескольких последователей Рабиновича, что и побудило Фалтина предпринять подобный шаг.

Итак, к какому же соглашению пришли Венецианер и Рабинович во время их встречи в 1887 году и что за крещение имело место сразу после отъезда Шонбергера и Венецианера?

Соглашение о крещении между Рабиновичем и Венецианером

Состоявшаяся летом 1887 года дискуссия между Шонбергером и Венецианером с одной стороны и Рабиновичем с другой была почти полностью посвящена вопросу о крещении. Рабиновичу не удалось получить разрешение правительства на проведение крещения. В своем отчете Венецианер пишет, что Рабинович объяснил им, в чем заключалась связанный с крещением дилемма: если его последователей будет крестить Фалтин, то правительство будет считать их лютеранами, «...а разве решение еврейского вопроса заключается в том, чтобы все евреи стали лютеранами? Если нас будут крестить православные священники, то и в этом случае мы перестанем быть евреями. Братья мои, я никому не указываю, где ему следует принимать крещение, я проповедую и позволяю вам идти туда, куда вы хотите». В этой же связи Рабинович упоминает, что многие из тех, кому он проповедовал, были крещены Фалтыным или другими служителями.

Если верить Рабиновичу, любой из его сторонников мог креститься там, где хотел: «...Он может стать лютеранином, православным или католиком, но мой народ, моя община, которую правительство разрешило мне основать, не могут и не должны становиться немцами, русскими или латинянами! У них нет необходимости кем-либо становиться; они — евреи, мой народ — это народ Израиля. Кто же должен крестить нас?»

Обсуждение не прошло даром. Венецианер, явившийся пастором официально признанной реформатской общины в Рорбахе под

Одессой, вызвался крестить последователей Рабиновича. Фабер, который в августе 1887 года находился в Кишиневе, сразу же сообщил эту «благую весть» Диличу. Кроме того, об этом же написал ему и сам Рабинович. Дилич одобрительно отзывался о новом положении, в котором оказалось движение, ощащающее на себе, как он писал, «руку Господа».

Первые последователи Рабиновича приняли крещение вскоре после отъезда Венецианера. Крещение привлекло к себе внимание, и Фалтин вступил в открытую полемику с Рабиновичем:

Венецианер совершает первое крещение последователей Рабиновича в Рорбахе

Летом 1887 года, вскоре после отъезда Шонбергера и Венецианера из Кишинева, в Рорбах отправились первые шесть человек, которые решили под руководством Венецианера подготовиться к принятию крещения. Среди них были три дочери Рабиновича — Сара, Ребекка, и Рахиль, а также муж Сары — Иосиф Аксельрод. Что касается остальных двух человек, то одного из них, некоего «господина Р.», увезла обратно в Кишинев его жена! А другой, Авраам Г., заболел и попал в одну из одесских больниц. Несмотря на это он все же был крещен 20 сентября/2 октября 1887 года. Венецианер вынужден был позже признать, что в силу обстоятельств крещение этого человека состоялось еще до того, как было получено официальное разрешение. Аксельрод не захотел принимать крещение вместе с женой и ее сестрами. Три дочери Рабиновича были крещены 4/16 октября.

Еще до этих крещений Рабинович написал Шонбергеру о своих больших надеждах. После того как пришло долгожданное разрешение из Петербурга и желавшие принять крещение были крещены, «люди начнут целыми группами приезжать в Рорбах с этой же целью». «Это будет означать окончательное оформление европейской христианской общины», считает Рабинович.

Венецианер писал, что после того, как стало известно об отъезде трех мужчин и трех дочерей Рабиновича в Рорбах, где они собирались подготовиться к принятию крещения, произошло то, о чем было мало известно в Кишиневе: каждый день к женам решивших принять крещение мужчин приходили сторонники Фалтина и пытались породить у них недоверие к Рабиновичу, утверждая следующее: «За каждого крестившегося Рабинович получает из Лондона несколько тысяч рублей, из которых вам не достается ни копейки».

Кроме того, Венецианер предает огласке, что в Рорбахе 20 сентября/2 октября 1887 года состоялось крещение одного из прозелитов Фалтина. На следующий день он вернулся в Кишинев.

Через несколько дней одесская антисемитская газета «Новороссийский телеграф» начала разбирательство и критику, опубликовав материал, написанный, как сообщалось, в Рорбахе 20 сентября(*р*), то есть в тот же день, когда состоялось крещение. Автор статьи подверг резкой критике сам акт крещения и, следовательно, Венецианера, а также Рабиновича и его движение. Статья не была подписана, но мы можем предположить, что ее автором был председатель церковного совета лютеранской церкви Кишинева, причем, возможно, он написал ее с одобрения Фалтина.

Независимо от того, одобрил Фалтин эту статью или нет, вскоре после этого крещения он начал открытую войну против Рабиновича. Произошло это с публикацией его ежегодного отчета за период с 31 октября 1886 года по 31 октября 1887 года. Хотя Фалтин и раньше критиковал Рабиновича, но никогда прежде эта критика не была столь серьезной. Несомненно, именно события в Рорбахе вынудили Фалтина пойти в наступление.

Фалтин против Рабиновича

Фалтин дает очень подробный отчет об этих событиях, причем начинает с заявления, что его деятельность больше не имеет ничего общего с «так называемым движением Рабиновича». Тесные в прошлом взаимоотношения порываются окончательно и бесповоротно. Он пишет, что разрыв произошел благодаря тому, что основатель движения Рабинович поставил себя в исключительное положение и избрал неясные и в целом неверные ориентиры в «доктрине и жизни». Христиане и евреи считают Рабиновича Реформатором, так же считает и он сам. Но евреи не нуждаются в Реформаторе или Реформации, им нужен Иисус и новая жизнь во Христе. Фалтин критикует авторов появившихся в зарубежных журналах публикаций о Рабиновиче за то, что они недостаточно разобрались в сложившейся ситуации. Так как он и сам раньше имел ложное представление по этому вопросу, то теперь он считает своим долгом прояснить ситуацию для других.

Он начинает с того, что приводит три ложных представления, которые получили широкое распространение.

Во-первых, не следует считать, что Рабиновичу удалось сплотить вокруг себя большую группу последователей, которые разделяют его религиозные представления и соглашаются со всем, что он делает. Таких людей на самом деле не существует.

Во-вторых, не следует считать, что опубликованные на немецком языке документы представляют собой принципы веры руководимой Рабиновичем европейской христианской общины. никакой

общины не существует и за содержание этих документов несет ответственность лишь сам Рабинович.

В-третьих, не следует считать, что существует еврейская христианская община с названием «Израильяне Нового Завета». Рабинович и еще девять человек основали еврейскую общину, которой принадлежит участок на кладбище. По закону, любые десять евреев могут сделать то же самое.

Далее Фалтин рассказывает о надеждах, которые сначала появились у него в связи с возникновением движения, и о том, как его взгляды постепенно претерпевали изменения. Он сам задумывался над созданием национальной еврейской христианской общины в рамках евангельских церквей России. Эту общину можно было основать по принципу уже существующих общин, объединявших людей какой-либо одной национальности. Каждая община отличалась от других в том, что касалось национальных особенностей, но они все имели единую основу вероисповедания, одну веру, одно крещение и проповедовали одного Бога. Ему, Фалтину, пришлось пойти на уступки Рабиновичу и согласиться на сохранение еврейской субботы и обрезания, а также на то, чтобы еврейская христианская община была образована вне рамок какой-либо конкретной деноминации. Однако опыт, который он приобрел за прошедшие годы, позволяет утверждать, что евреи не хотят того компромисса, который им предлагает Рабинович. Им нет резона отрекаться от своей национальности. Они могут свободно говорить на иврите и хранить свои обычай, которые они пересмотрели в свете Евангелия. Фалтин признается, что он считал, будто, уверовав в Иисуса Христа, евреи поначалу будут соблюдать субботу и совершать обрезание в качестве национальных традиций, но в конце концов все равно их забудут. Но, утверждает Фалтин, таких верующих евреев просто не существует! Поэтому стремление Рабиновича создать подобную общину представляется «неестественным». Его взгляды на христианство слишком гипотетичны. Кроме того, ему недостает богословского образования, чтобы занять какую-либо духовную должность; он не знает регулирующих деятельность христианской общины законов, и наконец, ему не хватает объекта приложения сил, а именно, общины как таковой!

Несмотря на все вышеизложенное, Фалтин отмечает, что у Рабиновича есть разрешение на проповедническую деятельность и его проповеди могут стать настоящим благословением для многих людей.

Комментируя крещение трех дочерей Рабиновича и «некоего Г.», Фалтин выражает удовлетворение, что они были приняты в общину триединого Бога. С целью оправдать Венецианера, Фалтин упоминает

о его страстном желании помочь в становлении общины, а также пишет о том, что в настоящее время Венецианер разобрался в ситуации и разделяет его точку зрения, что перед тем, как ставить вопрос о создании общины, необходимо, чтобы появились «сильные, непоколебимые, искренне верующие евреи». Кроме того, Венецианер осознал, что людей, которые были бы полностью и во всем согласны с Рабиновичем, просто не существует.

Как бы то ни было, события последующих месяцев показали, что Венецианер отнюдь не перешел на сторону противников Рабиновича, а продолжал крестить его последователей.

Опубликовав свой отчет, Фалтин придал конфликту с Рабиновичем широкую огласку. Тем самым он внес ясность в происходящее и избавил себя от необходимости пожимать Рабиновичу руку при встрече. Перчатка была брошена, и Рабинович, а вместе с ним и многие другие, вступили в борьбу. Если бы Фалтин не описал со всеми подробностями, как менялись его взгляды и как он разбирался со своими проблемами, позиция его была бы более устойчивой. Он обвинил Рабиновича в том, что тотступил на «скользкую дорогу» в вопросах веры и образа поведения, но не привел ни одного доказательства. Поэтому его позиция оказалась слишком враждебной и нечестной, словно он наносил удар ниже пояса.

Оценка конфликта: Фабер, Дилич и Далман

В пасхальном номере «Фрид убер Израэль» (информационного бюллетеня лейпцигского Института иудаизма) за 1888 год Фабер публикует свой комментарий к конфликту. Он воспроизводит только первую часть отчета Фалтина, которая не содержит нападок на Рабиновича. В связи с критикой, которую Фалтин обрушил на Рабиновича, Фабер пишет, что его тесть (Фалтин) не имеет прямого отношения к основанному Рабиновичем национальному еврейско-му христианскому движению. Затем он обращается к тем, кто читал отчет Фалтина: «то, что написано там о Рабиновиче, может быть неверно истолковано». «Мой тесть» пишет, конечно же, чистую правду, когда утверждает, что у Рабиновича в Кишиневе нет крупной действующей общины. Но дело в том, что вину за это следует возлагать не на самого Рабиновича, а на обстоятельства, вызванные отказом правительства выдать ему разрешение крестить своих последователей. Далее Фабер суммирует впечатления, которые у него остались от встречи с Рабиновичем (и «которые, вряд ли это даже следует уточнять, полностью совпадают с впечатлениями профессора Дилича»), в четырех пунктах:

1. Евангелие проповедуется каждую субботу при большом стечении народа, что, возможно, происходит впервые с апостольских

времен. Отпечатанные в типографии проповеди Рабиновича служат распространению евангельской вести в еврейской среде, причем за короткое время достигаются такие же результаты, что после многолетней напряженной работы многочисленных миссионерских организаций. Даже в отдаленных районах Карпатских гор Фаберу доводилось слышать о силе воздействия произведений Рабиновича на души людей.

2. Идея Рабиновича о том, что, приняв христианство, народ Израиля может сохранить свое национальное самосознание, нашла отклик у евреев. Этот вывод Фабер сделал на основании собственных впечатлений, полученных во время поездок по Галиции. Обстоятельства не позволили Рабиновичу создать в России большую общину, но основа подобной общины была им заложена. Здесь имеются в виду те десять человек, которым правительство разрешило образовать общину и выделило участок на кладбище. Рабинович доказал, что в основе его общины лежат христианские представления.

3. С помощью Рабиновича удалось значительно ускорить распространение переведенного на иврит Нового Завета. Рабинович получал письма из самых отдаленных районов Восточной Европы с просьбой срочно выслать экземпляры Нового Завета. Совершенно очевидно, что эти люди узнали о Новом Завете через служение Рабиновича.

4. На основании всего вышеизложенного можно с уверенностью утверждать, что созданное Рабиновичем движение имеет важное значение для истории церкви. Оно может чудесным образом ускорить наступление того момента, когда весь Израиль будет готов принять своего Мессию.

Кроме этого вотума доверия, Дилич выразил свое мнение в том же издании, в котором Фалтин опубликовал свой ежегодный отчет. Дилич пишет, что он очень давно не получал таких «болезненных сюрпризов», как этот. Во вступлениях к опубликованным документам он, «как лютеранский богослов», приводил доказательства того, что создание независимых еврейских христианских общин послужит прелюдией к исполнению обетования из Римлянам 11:25-26. В ответ на утверждение Фалтина, что национальные христианские общины должны быть созданы на базе «евангельской церкви России», у Дилича возникает следующий вопрос: лютеранской или реформатской? Затем он приводит аргументы, которые наглядно показывают, насколько серьезно он относился к Рабиновичу и его единомышленникам: «Каким, интересно, образом руководство лютеранской или реформатской церкви собирается легализовать еврейскую субботу и обрезание, которые желают сохранить евреи?!» Кроме того, Фалтин заблуждается, когда утверждает, что

Рабинович стремится поставить себя вне церкви и что ни один верующий еврей не заинтересован в сохранении субботы и обрезания. Фалтин выступил против Рабиновича потому, что тот был крещен в Берлине профессором Мидом, которого сам Дилич считает своим хорошим другом. Поэтому Дилич отмечает, что Фалтина никак нельзя назвать последовательным после того, как он с удовлетворением воспринял весть о том, что Венецианер крестил дочерей Рабиновича. Оба крещения имели одну общую цель — они должны были помочь израильтянам Нового Завета в основании и становлении церковной общины. В заключение Дилич обращается к опубликованным им четырем документам движения Рабиновича и пишет: «У любого непредвзято настроенного человека при чтении этих документов должно сложиться впечатление, что подобного духовного пробуждения в еврейской среде не было с апостольских времен».

В первом номере «Заат ауф Хоффнунг» за 1889 год был опубликован пространный материал Далмана о конфликте. Далман также дал свою оценку сложившейся ситуации. Хотя он и критикует Рабиновича за то, что тот получал финансовую поддержку от своих английских друзей, и упоминает об опасениях Дилича, связанных с сохранением обрезания и субботы, нет сомнений, что в целом он благоволит Рабиновичу. Позиция Рабиновича осталась неизменной, тогда как Фалтин, который прежде приветствовал все публикуемые Диличем документы движения, поменял свою точку зрения. Рабинович делает то же самое, что в свое время делал Павел, который никогда не требовал от евреев отказаться от соблюдения субботы и обряда обрезания. Поэтому Далман не собирается упрекать Рабиновича и его братьев по вере за то, что, уверовав в Иисуса, они делают все от них зависящее, чтобы остаться евреями. Кроме того, Далман ловит Фалтина на непоследовательности, когда тот сначала утверждает, что слова и поведение Рабиновича завели его на «скользкую дорогу», а затем признает, что Рабинович-евангелист может стать настоящим благословением для своего народа.

Свой материал Далман оканчивает призывом молиться о Рабиновиче и отмечает, что ошибки и несовершенство присущи всякому человеку, которого Господь использует для исполнения Своей воли.

Итак, Далман тоже признает Рабиновича победителем.

Последствия конфликта

Если за границей Рабинович был объявлен победителем, в России он оказался в проигрыше. Разгоревшаяся в 1887 году после осенних крещений в Рорбахе полемика принесла свои плоды. Очередное крещение, запланированное на начало 1888 года, было запрещено. Остается неясным, не воспользовался ли в этом случае

Фалтин своим влиянием в российских коридорах власти. Как бы то ни было, надеждам группы Рабиновича на собственное крещение не суждено было сбыться. Было бы несправедливо отрицать, что некоторые богословские взгляды Фалтина тоже оказались под угрозой. Хотя одновременно сложно избежать вывода, что в этом случае он сам «определял» политику своей церкви.

С точки зрения финансирования, конфликт не имел отрицательных последствий. Лондонский совет в поддержку Рабиновича продолжал оказывать ему помощь.

Когда правительство запретило Венецианеру крестить представителей движения Рабиновича, последний понял, что ему не следует рассчитывать на особое решение вопроса крещения для своей общины. Нежелание правительства рассматривать вопрос, положительное решение которого могло означать образование еврейской христианской общины, преодолеть не удалось, и в начале 1889 года Венецианер покинул Рорбах. Впоследствии Рабиновичу все же удалось организовать крещение двух своих младших сыновей. Они были крещены в октябре 1888 года в Одессе пастором Корнманом (тем же самым пастором реформатской церкви, который в 1899 году служил на похоронах Рабиновича). В 1891 году в Будапеште признала крещение жена Рабиновича.

Несмотря на душевную боль, которую испытал Рабинович после того, как на него напал Фалтин, и несмотря на переполнявший его гнев, он не опустил руки и продолжал активно работать в Кишиневе, а также поддерживал зарубежные контакты, особенно с корреспондентами в Англии и Шотландии, с целью собрать средства для строительства нового, более вместительного помещения для своей общины (см. гл 14).

Перед тем как мы подробнее рассмотрим эту проблему, следует снова коснуться развития отношений между Фалтиным и Рабиновичем.

Рабинович и Фалтин после конфликта

Рабинович и Фалтин так никогда и не помирились друг с другом. Например, доктор Ф.Бедекер, посетивший Кишинев в 1889 году, пытался устроить между ними встречу, но вынужден был уехать ни с чем. Позднее, в 1895 году, они оба получили предложение выступить на конференции в Германии. Однако там они также не встретились, поскольку Рабинович отклонил приглашение, сославшись на болезнь.

После того как разразился конфликт, Фалтин практически не упоминает имя Рабиновича в своих ежегодных отчетах, и лишь в отчете за 1898 — 1899 год пишет о его смерти. «Будущее оказалось

совершенно непохожим на то, как мы его себе представляли в своих мечтах», — пишет он после воспоминаний о тех хороших отношениях, которые были между ними вначале. И продолжает:

Рабинович не присоединился к церкви; в присущей евионитам манере он хотел создать независимое еврейское христианство, в рамках которого действительно можно было бы исповедовать Иисуса Христа, но не так, как повелел Иисус, заповедав нам: «Покайтесь и веруйте в Евангелие». Каких же результатов он достиг? Еврейская христианская община так и не была создана; сам он, благодаря своим специфическим взглядам, очутился в изоляции; за рубежом его считают евангельским христианином, а дома — просто евреем; до самой смерти в его паспорте было записано: еврей «веры Моисеевой...».

Затем Фалтин выражает сожаление, что по причине своего отъезда не смог присутствовать на похоронах Рабиновича. Как он пишет, его печалит мысль, что «так называемое движение Рабиновича, с возникновением которого связывалось столько надежд, практически прекратило свое существование». «Дом молитвы пустует», — пишет Фалтин, и восклицает: «Только Господь знает, в каких целях его будут использовать в будущем» (см. гл. 18).

В заключение он выражает благодарность Рабиновичу за все те новые вдохновенные слова, которые он произносил с целью вывести евреев из мрака неведения. Кроме того, он благодарен Рабиновичу за активное распространение Новых Заветов и другой христианской литературы. И наконец, Фалтин высказывает пожелание, чтобы Господь милостью Своей защитил Рабиновича в вечной жизни и благословил посеянные им семена.

С каждым годом Фалтин все хуже и хуже относился к Рабиновичу. Его критику, однако, вряд ли можно назвать справедливой. Не особенно последователен он и тогда, когда, обвинив Рабиновича в евионитстве, превозносит затем его проповедническую деятельность. Возникает подозрение, что если бы Рабинович ограничился лишь проповедями и позволил своим последователям приходить в лютеранскую церковь к Фалтину, то у последнего не возникло бы особых возражений.

11

Места проведения собраний, порядок богослужений и количество последователей

В Кишиневе Рабинович проводил собрания всего в двух разных помещениях, однако сами эти собрания мы должны хронологически разделить на три периода. Первые богослужения состоялись во временно приспособленном до этого помещении, расположенном на первом этаже дома, который снимал (с правом перестройки) Эфраим Яков Рабинович. Уже весной 1885 года помещение подверглось перепланировке, и первое богослужение прошло в отремонтированном зале 18/30 мая 1885 года. Богослужения проходили там до конца 1890 года. Существовал план дальнейшей перепланировки с целью создания класса для воскресной школы, но ему не суждено было осуществиться. 15/27 декабря 1890 года был открыт Мемориальный зал Сомервилля. Он был построен в основном на деньги, присланные из Шотландии, и был расположен в непосредственной близости от дома Рабиновича.

Различные названия помещения

В то время зарубежные миссионерские журналы по-разному именовали место, где Рабинович проводил богослужения: комната для собраний, зал для собраний, комната для служений, церковь, храм, молитвенный зал, синагога и т.д. Подобным же образом различные названия использовались и при упоминании о встречах, которые устраивал Рабинович: собрания, богослужения и т.д. Строго закрепленного названия не существовало, да и в самой организации использовались различные наименования. Когда некоторые источники называют проповеди Рабиновича «обращениями к слушателям», они упускают из вида тот факт, что эти проповеди являлись составной частью богослужения. В этой связи важно отметить, что Рабинович так никогда и не получил разрешение исполнять обязанности церковного служителя. В помещении, где собирались его сторонники, можно было проповедовать, но запрещалось совершать обряд крещения. Хлебопреломление также устраивалось лишь эпизодически. Власти считали это помещение синагогой.

Оборот «дом молитвы» (или «молитвенный зал») соответствует еврейскому выражению «Бейт Тефила», которым обычно называют место, где евреи собираются для молитвы. На титульном листе переведенного в 1885 году на иврит Яковом Векслером сборника первых проповедей Рабиновича значится, что эти проповеди были прочитаны в доме молитвы (Бейт Тефила) «Вифлеем».

Чтобы внести ясность в наше повествование, мы будем именовать отремонтированное помещение в доме брата Рабиновича домом молитвы, а построенное в 1890 году здание залом Сомервилля. Сам Рабинович, кроме того, называл это здание «синагогой».

Мемориальный зал Сомервилля

В письмах зарубежным друзьям Рабинович прямо пишет о своем желании построить новое, более вместительное, чем дом молитвы, помещение. В мае 1888 года он, например, писал Шонбергеру о том, что пришло время построить новое здание на месте, которое уже давно находится в его собственности и полностью подготовлено к началу строительных работ. Возвращаясь осенью 1889 года из второй поездки в Англию и Шотландию, он вез с собой обещание шотландских друзей помочь в финансировании строительства (см. гл. 13).

В мае 1890 года Рабинович заложил первый камень в основание будущего здания, которое было «освящено во имя Господа Иисуса-Мессии, Который вечно правит домом Иаковлевым». Эта надпись содержалась в документе, который был замурован под закладным камнем. Кроме того, в документе цитировались стихи Писания: Ереям 3:4; Псалтирь 117:3 и Захария 4:6 — и отмечалось, что строительство стало возможным благодаря финансовой поддержке «друзей Господа из Лондона, Эдинбурга и Глазго». В октябре того же года в «Крисчен» было напечатано сообщение о завершении строительства. Однако разрешение на его использование было получено лишь 23 декабря. Произошло это «после долгого и томительного ожидания». В тот же самый день была выпущена новогодняя открытка с девизом на 1891 год (Пс. 79:5 и 33:5а) и объявлением о предстоящем 27 декабря торжественном открытии нового здания (что и произошло в намеченный срок).

Интересно, что здание было построено по проекту проживавшего в Одессе зятя Рабиновича. Похоже, во время поездки в Англию и Шотландию осенью 1889 года Рабинович уже имел при себе готовые чертежи (см. гл. 12). Зал имел форму прямоугольника, длину 13 метров, ширину 6,5 метра и высоту почти 5 метров. Кроме того, у здания было две пристройки, одна из которых выходила на улицу и служила вестибюлем, а в другой размещались ризница и

книжная лавка. В непосредственной близости от зала Сомервиля, писал в 1897 году Уилкинсон, располагались дом Рабиновича и еще два строения, «полностью или частично принадлежавшие Рабиновичу или его общине». Сложно сказать, кому конкретно принадлежала та или иная часть недвижимости.

На выходящей на улицу стене здания на иврите и русском были начертаны слова из Деяний 2:36: «Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли».

В письме Далману Рабинович пытается развеять опасения, что эти слова могут вызвать еще большую ненависть к евреям со стороны христиан. Под «Израилем» в Новом Завете подразумевается только еврейский народ и никакой другой (с подобной интерпретацией Далман, кстати сказать, не был согласен). Если верить Рабиновичу, то надпись должна была служить лишь приглашением для евреев к покаянию и к вере в Мессию и не должна была оскорблять чувства христиан-неевреев. Она напоминала всем остальным народам, «высокообразованным и почтенным европейцам», считающим, что это они соделили Иисуса Господом, о том, что на самом деле это сделал Бог. Как подчеркивал Рабинович, все народы, которые не были частью Израиля, также стали ближе к Господу благодаря пролитой Иисусом крови.

Устройство дома молитвы и зала Сомервиля

Мы обладаем исчерпывающей информацией о планировке и внутреннем убранстве дома молитвы и зала Сомервиля. В доме было 150 мест, однако иногда во время собраний мест на всех не хватало. В зале Сомервиля было 200 мест, которых обычно было достаточно, чтобы разместить всех желающих (см. гл. 11 ниже). Церковный служитель из Дании А.С.Поулсен писал, что в доме молитвы был оборудован «своего рода алтарь», в левой части которого лежал хорошо видимый из зала рукописный свиток Торы, над которым на иврите было написано: «Конец Закона — Христос» (Рим. 10:4). В отчете Венецианера, который он составил после поездки в Кишинев в 1887 году, мы читаем, что этот свиток Торы использовался во время богослужений. При описании зала Сомервиля подобный свиток Торы уже не упоминается (см. ниже). В правой части алтаря находилась «Книга Евангелия» — по всей вероятности, это был Новый Завет. Фалтин, кроме того, еще 5 ноября 1884 года писал Диличу о планах поместить в алтаре полную Библию, включающую в себя книги Ветхого и Нового Заветов. Лернер пишет, что в зале Сомервиля лежала Библия в очень красивом переплете. У С.Уилкинсона читаем, что на кафедре «лежала

обернутая в красный плюш Библия, причем таким образом, чтобы все могли видеть выполненную золотыми буквами надпись: “Китвей Кодеш” [правильно: Китвей ха-Кодеш — Священное Писание]. Этой самой Библией пользовались в Кишиневе вплоть до 1936 года! (См. гл. 18.)

На задней стене дома молитвы висели две дощечки (или таблички) с Десятью Заповедями, а над свитком Торы был помещен второй догмат веры из символа веры израильян Нового Завета, в котором говорилось об отношении членов общины к Иисусу. Эта же надпись хорошо видна на фотографии, сделанной в зале Сомервиля в декабре 1890 года. Следует отметить, что имя Иисус (Иешуа) было набрано более крупным шрифтом, чем остальной текст. Над «Книгой Евангелия» в доме молитвы, как пишет Поулсен, находился текст молитвы Господней. Этот же текст присутствовал и в зале Сомервиля.

Между двумя надписями, расположенными в доме молитвы соответственно над свитком Торы и «Книгой Евангелия», помещались различные стихи из Ветхого Завета. Скорее всего, они также были выполнены на специальной дощечке. Свидетельств того, что подобные надписи присутствовали в зале Сомервиля, нам обнаружить не удалось, а сохранившаяся фотография позволяет предположить, что их там, скорее всего, не было, как не было и никаких надписей на кафедре, с которой велись проповеди. В доме молитвы были установлены две кафедры, располагавшиеся справа и слева от алтаря. Присутствовавшие сообщали, что молитвы и литургия произносились с правой кафедры, на которой была надпись: «Вера, надежда, любовь» (1 Кор. 13:13), а проповеди — с левой, надпись на которой гласила: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6). Описывая внутреннее оформление дома молитвы, Фалтин отмечает, что и алтарь, и кафедра были украшены надписями из Ветхого и Нового Заветов. Венецианер пишет, что после чтения Писания и молитвы за царя и его приближенных Рабинович поднялся на правую (если смотреть со стороны алтаря, а не из зала) кафедру. Во время его проповеди на кафедре укрепили надпись по-еврейски на куске материи: «Иследуйте Писания». Из различных источников мы узнаем, что эта материя некоторым образом заменяла священническое облачение, при этом сам Рабинович выступал в своем повседневном черном костюме. На фотографии зала Сомервиля можно разобрать эти слова на материи, но никаких мест из Писания на кафедре нет.

Что касается отличий в оформлении зала Сомервиля по сравнению с домом молитвы, то их было немного, так как, по всей видимости, алтарная часть, или *Арон Кодеш*, священный ковчег с

украшенным кистями покрывалом, или, если использовать принятное в синагоге название, *Парокет*, были просто перенесены туда из дома молитвы. Крюгер выражает сожаление, что на алтарном столе не был установлен потир, чаша для вина, отсутствие которой можно было объяснить тем, что правительство не разрешило Рабиновичу причащать членов общины; и высказывает предположение, что пустое место справа от алтарного стола было подготовлено для купели. Это кажется довольно правдоподобным и говорит о том, что Рабинович не отказался от надежды получить в будущем право крестить своих последователей.

Впечатления гостей от богослужений Рабиновича

К 1884 году Рабинович подготовил черновой вариант сидура — порядок богослужения. Фабер рассказывает, что при его посещении в 1885 году богослужения проходили очень торжественно и члены общины не принимали участия в проведении богослужения, Рабинович все делал сам. В 1886 году Поулсен написал книгу, в которой утверждал, что члены общины практически не помогали Рабиновичу во время богослужений, потому что еще не были в достаточной степени знакомы с формой их проведения.

Отчет, составленный Венецианером по результатам поездки в Кишинев в 1887 году, был в целом благоприятным, однако кое-что в поведении Рабиновича показалось ему довольно странным. Он удивился, когда увидел, как Рабинович в субботу подъехал к дому молитвы на повозке. Сам он ничего против этого не имел, но понимал, что многие люди попытаются использовать этот предлог для нападок на Рабиновича. После богослужения он увидел, как в доме Рабиновича поставили самовар, и чуть было не воскликнул: «Позвольте, но сегодня же суббота!» Но слова застыли у него на языке, так как в тот момент Рабинович стал закуривать сигарету! (Разжигать огонь в субботу было, конечно же, запрещено еврейскими традициями.)

Венецианер пишет, что перед началом службы зал был до отказа заполнен; некоторые стояли, остальные сидели, среди присутствовавших было несколько пожилых людей, большинство были люди средних лет, но было и много молодежи, а также несколько солдат в военной форме. Люди стояли и сидели с непокрытыми головами. Был развернут свиток Торы, и из него были зачитаны отрывки на священном языке евреев. Рабиновича Венецианер называет «литургистом».

В ту субботу текст из Торы был сначала зачитан на иврите, а затем на русском. После этого была прочитана первая глава Послания Иакова, сначала на иврите, в переводе Дилича, а потом на

русском. Затем последовала молитва на русском языке за царя и правительство. Перед началом проповеди Рабинович произнес импровизированную молитву на идише. «Это наречие или жаргон всегда казалось мне чересчур грубым, но мне пришлось присоединиться к молитве», — пишет Венецианер и продолжает: «Началась проповедь. Наверное, так же уверенно проповедовали в свое время апостолы. В каждом предложении звучало обращение: “Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса!”» В основу проповеди Рабинович положил псалом 118:120-136.

Во время собрания слушатели постоянно входили и выходили. Проповедь, по отзывам, занимала много времени. В определенный момент проповеди пришлось попросить группу молодежи соблюдать тишину. Немного позже группа молодых парней покинула помещение, «отпуская неприличные шутки и громко топая, так что эхо гулко разносилось по всему залу». Венецианер подозревает, что они были подосланы именно с этой целью. Как он пишет, «проповедь продолжалась два часа без перерыва». В 1890 году Рабинович отпускал столько времени на все богослужение. В 1885 году Фаберу показалось, что Рабинович говорил «необычайно быстро», и это портило общее впечатление от проповеди, которая обычно продолжалась два часа. Не совсем ясно, преувеличивал в данном случае Фабер или Рабинович стал более краток только в дальнейшем.

У Сомервиля, лидера шотландской церкви, который приезжал в Кишинев в 1888 году, тоже сложилось впечатление, что Рабинович прочитал проповедь (на идише) слишком быстро: она «продолжалась всего 56(!) минут». Кроме того, он упоминает, что Рабинович произнес не только проповедь, но и «продолжительную импровизированную молитву». Музыка во время богослужения не использовалась, гимны не исполнялись. Сомервилю показалось, что он заметил выражение печали на лицах присутствующих. Это он объяснял ограничениями, которые были наложены властями на Рабиновича. В дневнике Сомервиля читаем также, что на алтарном столе стоял подсвечник, что Рабинович целовал «Закон», то есть свиток Торы, и что, произнося имя Иеговы, он склонился «перед табличками на стене».

Журналист из Одессы Лернер дает подробный отчет о богослужении, состоявшемся 27 февраля/11 марта 1893 года. В то время Лернер уже был знаком с деятельностью движения, хотя и не бывал в Кишиневе в течение десяти лет. Он пишет, что служба заняла немного времени, но не уточняет сколько. Она включала в себя несколько коротких молитв на иврите, произнесенных четким голосом и без характерных для синагоги интонаций. Кроме того, Лернер сообщает, что Рабинович произносил тетраграмматон, то

есть составленное из четырех букв имя Господа, YHWH, не так, как обычно делалось, — «Адонай», а как «Иегова». Лернер считает, что тем самым Рабинович хотел подчеркнуть уже совершившийся факт прихода Мессии в Израиль. А далее поясняет, что, по мнению ортодоксальных иудеев, имя YHWH нельзя произносить до прихода Мессии и до того, как в Святой Земле будет восстановлено служение во храме. Лернер выражает уверенность, что то, как Рабинович читает это имя, побудит евреев задуматься над данной проблемой.

Лернер также упоминает, что Рабинович зачитал три псалма, в том числе псалом 91. После молитвы за царя Рабинович начал проповедь. Проповедовал он на простонародном еврейском наречии, то есть на идише, и, чтобы сделать свою проповедь понятной для обычного неподготовленного слушателя, старался избегать сложных и напыщенных оборотов. Несмотря на то, что Рабинович пользовался этим «грубым еврейским наречием», основная мысль проповеди была очень четко сформулирована. Лернер обращает внимание на юмор, которым пользовался Рабинович даже в самые серьезные моменты проповеди, и отмечает, что в целом его проповеди производили сильное впечатление.

Кроме того, Лернер отмечает, что во время богослужения посетители могли воспользоваться Библией (Ветхим и Новым Заветом) на русском, немецком и иврите, а также программой на немецком языке. Все сидели с непокрытыми головами.

В заключение обратимся к тому, что написал о своей поездке в Кишинев в 1897 году С.Уилкинсон. Он прямо признает, что богослужение было больше «похоже на обряд», чем он мог предположить. Первой частью богослужения, которая заняла около получаса, Рабинович руководил с «помоста, отделенного от зала ограждением, на котором возвышался стол, невольно наводивший на мысль об алтаре». Эта часть богослужения состояла из молитв и чтения библейских мест на иврите и русском языке. Периодически Рабинович целовал лежавшую на столе Библию; один раз, произнеся на иврите: «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс. 118:105), он взял ее в руки и поднял вверх, чтобы всем было видно. В тот день библейский отрывок для проповеди был взят из сборника, который использовался в синагоге; отрывок был зачитан на иврите и русском. «Пения во время собрания, конечно же, не было». Люди входили и выходили, как это «происходит и на собраниях нашей миссии в Лондоне». Уилкинсон сообщает, что к каждому Ветхому Завету, который получали присутствующие во время собрания, прилагался переведенный Диличем на иврит Новый Завет. Кроме того, можно было воспользоваться програм-

мами богослужений и другой литературой, которую печатали в типографии Рабиновича, находящейся по-соседству с молитвенным залом.

Приведенные цитаты позволяют нам утверждать, что богослужения Рабиновича имели форму литургии и что они представляли собой нечто большее, чем обычные лекции. Это подтверждает и опубликованный в 1885 и переизданный в 1892 году на иврите сидур, то есть порядок проведения богослужения. До конца своей жизни при подготовке к проповеди Рабинович выбирал отрывок из Ветхого Завета, который в тот день использовался во всех еврейских синагогах.

Люди, приходившие послушать Рабиновича, и его последователи

Состоявшиеся в начале 1885 года первые богослужения пользовались повышенным вниманием (см. гл. 5). На трех богослужениях, которые в начале 1885 года посетил Фабер, число присутствовавших колебалось от 80 до 200 человек, но после того, как любопытство улеглось, подобные колебания прекратились. Очень сложно точно установить, сколько человек на самом деле посещало богослужения, так как некоторые очевидцы преувеличивали их число, другие, наоборот, преуменьшали. Поэтому для нас будет полезно разделить все время, на протяжении которого проводились эти богослужения, на два периода. В первый период, начавшийся 18/30 мая 1885 года, собрания проходили в отремонтированном помещении в доме брата Рабиновича, достаточно просторном для того, чтобы вместить 150 человек. Второй период начался 15/27 декабря 1890 года, собрания проходили в рассчитанном примерно на 200 человек зале Сомервилля.

Люди, приходившие послушать Рабиновича, необязательно были его последователями. Многие, особенно в первый период, приходили просто из любопытства. Были и такие, кто хотел собрать материал против Рабиновича. Некоторые из них позже стали его сторонниками. Поэтому намного легче привести число слушавших проповеди Рабиновича, нежели число его последователей. Во второй период его проповеднической деятельности тех, кто приходил на богослужения, можно с большей вероятностью отождествлять с его последователями, чем в первый период. Однако существуют свидетельства, что даже в 1893 году некоторые люди приходили на богослужения из чистого любопытства.

То, что Рабиновичу не удалось получить разрешение на создание действующей общины, также мешает точно определить соотношение между теми, кто просто слушал Рабиновича, и теми, кто

действительно его поддерживал. В зарубежных миссионерских журналах граница между этими двумя категориями людей практически не проводилась, поэтому можно легко ошибиться и преувеличить действительную численность движения.

Как бы то ни было, на протяжении всей проповеднической деятельности Рабиновича из различных источников и от очевидцев поступало так много противоречивой информации о том, сколько людей приходило на богослужения, что реальное их число практически невозможно установить. А сколько же людей приходило на богослужения после того, как улеглась первая волна любопытства? Неужели был прав тот еврейский источник, который через 25 лет после смерти Рабиновича утверждал, что на первые богослужения приходило всего десять «мешуммадимов» (вероотступников), а в дальнейшем их число постепенно сокращалось, пока не остался лишь сам Рабинович и его брат Эфраим Яков?

Количество слушавших

Если мы соберем воедино все обрывочные сведения, которые нам удалось обнаружить в исследованном материале, у нас может сложиться впечатление, что на богослужения в дом молитвы «Вифлеем» в 1885 — 1890 годах приходило больше людей, чем в зал Сомервилля в 1891 — 1899. В 1893 году некий визитер в разговоре с Рабиновичем упомянул о появившихся в российской прессе предположениях, будто движение израильтян Нового Завета прекратило свое существование. Рабинович отверг эти слухи, указав на очевидное обстоятельство: «Сегодня вы видели, что я проповедую вовсе не перед пустыми скамьями».

Учитывая все факторы, мы можем заключить, что богослужения в доме молитвы «Вифлеем» обычно посещало 100 — 150 человек, в праздники количество присутствующих увеличивалось. В зал Сомервилля иногда приходило столько же, но в большинстве случаев значительно меньше, чем в дом молитвы. За начальную цифру для периода с 1885 по 1890 год можно принять 100 человек, затем какое-то время число присутствующих увеличивалось, но к концу 1880-х годов посещаемость упала до 60 — 80 человек. В 1891 — 1899 годах на богослужения приходило в среднем около 50 человек. Последняя цифра не вызывает никаких сомнений, ибо была взята из документов Лондонского совета в поддержку Рабиновича, где отмечается, что в 1898 году состоялось 59 богослужений, на которых в общей сложности присутствовало около 3.000 человек. Степень доверия к этой цифре велика еще и потому, что она слишком незначительна для сторонников Рабиновича.

Уже в начале проповеднической деятельности Рабиновича в январе 1885 года А.Сафир отмечал, что о важности мессианского движения следует судить не по численности, а по его внутреннему содержанию. Очевидно, что движение вызвало цепную реакцию, которую невозможно оценить на основании посещаемости богослужений в Кишиневе.

Можно делать много различных предположений, пытаясь объяснить, почему движение Рабиновича прекратило свой рост. Бессспорно, одной из причин был отказ правительства официально зарегистрировать общину. Кроме того, среди тех, кто покинул Рабиновича, могли быть бедные евреи, которые рассчитывали получить материальную поддержку и испытывали разочарование (см. гл. 12).

В заключение можно сказать, что до самой смерти Рабиновича люди продолжали приходить на его проповеди, хотя Лондонский совет в поддержку Рабиновича и признавал, что посещаемость в последние годы постоянно снижалась. Это признание, однако, нельзя даже сравнивать с тем, что мы читаем в изданной в 1975 году Еврейской энциклопедии, где утверждается, что после того, как в 1885 году Рабинович «стал христианином», «секта прекратила свое существование». Подобный вердикт говорит, что авторы энциклопедии либо просто решили отрицать очевидные факты, либо не удосужились изучить материалы источников.

12

Финансовый аспект

Непосредственно перед отъездом в Палестину в 1882 году Рабинович зарабатывал себе на жизнь частной адвокатской практикой. В марте 1884 года он продолжал работать в этой сфере, но после того, как он стал публично исповедовать свою веру в Иисуса, его практика резко пошла на убыль.

Можно с уверенностью сказать, что Рабинович «поменял» веру не потому, что был кем-то подкуплен. Однако впоследствии он действительно получал материальную помощь из-за рубежа за то, что приводил других евреев ко Христу. Именно в этом кроются обвинения личного характера, которые не замедлили на него посыпаться. Уже 28 октября 1884 года Рабинович пишет, что ему было очень неприятно, когда к нему стали приходить люди, желавшие принять христианство в обмен на денежное вознаграждение; а также он упрекает редакторов еврейских изданий, пытавшихся убедить себя и других в том, будто он получал определенные денежные вознаграждения в зависимости от «поголовья [галголот] тех, кого я завоевал для Закона горы Голгофы». (Рабинович использует возникающую в данном случае на иврите игру слов.) «Но они очень хорошо знают, что это неправда», — писал он Фаберу.

Среди верующих за рубежом также существовали различные точки зрения на то, следует ли ставить мессианское движение в зависимость от иностранной финансовой поддержки. При этом нельзя упускать из виду, что мнение некоторых людей в данном случае было напрямую связано с финансовым положением собственных организаций или с отсутствием средств. Некоторые христиане даже после смерти Рабиновича не перестали его критиковать. Например, один верующий представил Рабиновича этаким евреем, который «с хитрой ухмылкой на губах» прикарманивал «шальные» деньги, поступавшие к нему от различных обществ.

Первые деньги

Для того чтобы приспособить временный молитвенный зал к проведению богослужений, вряд ли требовалась большие денежные затраты; и, вероятно, члены группы Рабиновича смогли собрать требуемую сумму, не прибегая к посторонней помощи. Од-

нако для того, чтобы 18/30 мая 1885 года вновь открыть зал после перепланировки, потребовалось уже гораздо больше денег. Деньги для этого поступили в основном из Англии.

Фабер, на основании того, что было ему известно об этом движении на начало 1885 года, писал: «В целом евреи считают, что Рабинович получает деньги от миссии, хотя вплоть до настоящего момента эта помощь была невелика». Очевидно, Рабинович получил довольно значительную сумму от Уилкинсона во время их встречи в Берлине в марте 1885 года. Ему было необходимо получить 500 фунтов стерлингов. После образования в 1887 году Лондонского совета в поддержку Рабиновича деньги в основном стали переправляться через него.

Лондонский совет в поддержку Рабиновича был образован 15 марта 1887 года (см. гл. 13), вскоре после того, как Рабинович впервые посетил Англию. Благодаря этому финансовая поддержка, которую получал Рабинович, приобрела более четкие рамки. Примерно в то же время повсеместно стали создаваться комитеты в его поддержку. Особенную важную роль в сборе средств для финансирования деятельности Рабиновича в Кишиневе сыграли комитеты в Эдинбурге и Глазго. Эти шотландские комитеты работали в тесном сотрудничестве с Лондонским советом в поддержку Рабиновича.

Лондонский совет утверждал, что наряду с консультированием он будет оказывать Рабиновичу «необходимую для его деятельности материальную помощь». Различные источники не оставляют сомнений, что его члены сделали это заявление под давлением самого Рабиновича. Люди, занимавшиеся рекламой Лондонского совета, в своих выступлениях и публикациях делали ударение на том, что идея оказания финансовой помощи мессианскому движению была поддержанна Диличем. В любом случае, в 1888 году А.Сафир писал от имени совета: «Это решение было принято некоторое время назад не в последнюю очередь благодаря просьбе профессора Дилича, который глубоко симпатизирует движению и считает, что только в Англии можно получить необходимую духовную, моральную и финансовую поддержку».

В 1887 году в миссии «Майлдмей» было подсчитано, что для того, чтобы содержать семью, а также оплачивать расходы по изданию и распространению своих проповедей и другой литературы, Рабиновичу необходимо ежегодно получать 500 фунтов стерлингов. В дальнейшем этот бюджет практически не менялся. По крайней мере, в 1891 году, по утверждению Сафира, Рабинович все еще получал 500 фунтов. Из этой суммы выплачивалась также зарплата его помощнику. Сафир, кроме того, отмечает, что Рабинович напечатал более 27.000 брошюр на иврите и идише и что их запасы

уже практически исчерпаны. В 1896 году Лондонский совет предпринял попытку дополнительно собрать 400 фунтов для Рабиновича, в том числе 300 фунтов — для его личных нужд.

Кроме средств, выделяемых Рабиновичу для личного потребления и оплаты текущих расходов, собирались деньги и на реализацию конкретных проектов. В одной из последующих глав мы расскажем об интересном проекте благовествования на железной дороге (см. гл. 16). Деньги на строительство открывшегося в конце 1890 года зала Сомервилля также в поступили в основном от английских и шотландских комитетов и были переданы Рабиновичу через Лондонский совет (см. гл. 11).

Естественно, что существование Лондонского комитета не мешало некоторым посыпать деньги прямо в Кишинев. Известны также случаи, когда деньги передавались Рабиновичу во время его зарубежных поездок.

Чтобы не выходить за рамки нашего повествования, мы отметим лишь, что после образования в 1887 году Лондонского совета в поддержку Рабиновича основные денежные средства, собранные английскими и шотландскими комитетами, переправлялись именно через него. Размеры остальной помощи оценить довольно трудно. Что касается конфликта между Фалтиным и Рабиновичем, то он практически не оказал никакого влияния на финансовую поддержку, которую последний получал как от миссионерских организаций, так и от частных лиц.

На что Рабинович тратил полученные деньги

Еще до того, как Рабинович получил «хотя бы полушку» из-за границы, ему пришлось определиться в том, будет мессианское движение гарантировать социальную и экономическую безопасность примыкающим к нему евреям или нет. Он в развернутом виде ответил на вопрос, чаще всего задававшийся ему в письмах, когда о движении только-только стало известно. Его спрашивали: «Могут ли будущие члены движения рассчитывать на получение материальной помощи от европейской христианской общины?» Ответ на этот вопрос он дал в газетной статье, опубликованной 20 января/1 февраля 1885 года: «...Я категорически заявляю, что истинный капитал нашей общины заключается не в “тленном серебре или золоте”, но в “драгоценной Крови Христа, как непорочного и чистого Агнца”. Затем он приводит слова из 1 Петра 1:18,19.

Кроме того, он считал необходимым публично заявить, «что у нас нет таких средств, какие имеют в своем распоряжении представители различных зарубежных миссий» (см. гл. 6).

Приблизительно в то же время, когда были написаны эти слова, за рубежом начался сбор средств. Людей просили жертвовать не только на нужды, связанные с оплатой расходов по дому молитвы и содержанию школы, но и на поддержку принимающих Иисуса бедных евреев. На основании разрозненной информации мы можем сделать вывод, что Рабинович пытался помочь людям преодолеть наиболее тяжелые финансовые затруднения, с которыми они сталкивались после того, как их друзья-евреи, узнав об их связях с движением, рвали с ними всякие отношения. Однако, как писал об этом в 1887 году церковный служитель Лайтнер, «Рабинович не может обеспечить своим последователям постоянный источник существования». Точно так же, как первая церковь в Иерусалиме получала поддержку в виде пожертвований, следует поступать и в случае с «первой современной еврейской христианской общиной». Кроме того, Лайтнер выразил надежду, что евреи-христиане всего мира будут ежегодно посыпать свои пожертвования «бедным святым Кишинева».

Таким образом, Рабинович с самого начала дал понять, что решение присоединиться к его движению не принесет материальной выгоды. Это, однако, как мы уже упоминали, не удержало его от попыток создать фонд помощи бедствующим евреям. Даже если он иногда и помогал таким людям, на помощь уходила лишь очень незначительная часть бюджета движения.

Это особенно интересно в связи с тем, что в опубликованных в 1883 году «Тринадцати тезисах» он особо подчеркивал те материальные и социальные преимущества, которые повлечет за собой принятие Христа (см. гл. 4). Если сравнить фонд Рабиновича, например, с теми средствами, которые тратил на социальную поддержку Фалтин, то он и на самом деле покажется довольно скромным. К примеру, Рабинович не организовал приют для новообращенных, что практиковалось в других церквях, как и не пытался организовать сельскохозяйственную общину по примеру той, которую организовал Фалтин с помощью Лотского (вдохновил их на это, несомненно, Рабинович). И если Фалтину могли поставить в упрек то, что подобным образом он пытался переманить бедных евреев в христианскую веру, то выдвинуть подобное обвинение по отношению к Рабиновичу не представлялось возможным. Однако ему не удалось избежать обвинений в неправильном расходовании поступавших из-за рубежа средств.

Особенно сильно обстановка накалилась после того, как Фалтин публично атаковал Рабиновича. По крайней мере, Венецианер, который полностью находился на стороне последнего, отмечал в 1888 году, что многие люди были сильно озлоблены. Он же приво-

дит ipsissima verba (собственные слова) одного из людей Фалтина: «Рабинович вас обманывает! Он получает деньги из Лондона, но они досюда не доходят. Он был за границей и вернулся оттуда с золотыми часами для своих дочерей, а вам он не дает ничего! А теперь на деньги миссии он купил себе дом, но совсем не помогает вам внести вашу арендную плату!»

Если верить Венецианеру, Рабиновича критиковали и за то, что, в отличие от Фалтина, он не устроил фермерскую колонию, в которую можно было посыпать нуждающихся евреев. О нем писали, что, став христианином, он, тем не менее, не перестал быть все тем же шарлатаном, каким был и раньше, но с одной разницей: теперь он удачно ведет дела с британцами. Если Венецианер верно изложил обвинения, которые обрушились на Рабиновича, то, в свете того, о чем мы рассказали в этой главе, ими Рабиновича пытались ударить ниже пояса.

Вряд ли существует хоть один источник, в котором были бы беспристрастно оценены личные расходы Рабиновича. Если мы обратимся к обвинениям, последовавшим после того, как Фалтин публично напал на Рабиновича, у нас, скорее всего, возникнет подозрение, что они сильно преувеличены.

Мы можем это утверждать, не имея намерения представить Рабиновича аскетом. Но даже если бы Рабинович согласился работать под покровительством лютеранской церкви и получал зарплату через Фалтина, это вряд ли остановило бы слухи о финансовых выгодах, которые он якобы извлекал, проповедуя Христа. По крайней мере, этот шаг не остановил бы обвинений со стороны самих евреев. В то же время у нас нет оснований предполагать, что Рабинович тратил на свои нужды больше, например, того же Фалтина.

В заключение следует отметить еще одну очень важную деталь, а именно, что деньги, которые Рабинович получал через Лондонский совет, не давали никому права каким-либо образом вмешиваться во внутренние дела движения или требовать от Рабиновича пересмотреть какие-либо представления о христианстве. Рабинович не просто получал деньги из-за границы, он сам просил их на те или иные свои нужды. Материальная независимость давала ему возможность целиком сосредоточиться на главном: Иисусе и Израиле. Если бы деньги поступали к нему по другим каналам, критика со стороны евреев вряд ли бы стала меньше. И происходило это вовсе не потому, что они не признавали, что человек мог быть «профессиональным проповедником» и зарабатывать этим себе на жизнь. Это допускалось, например, жизнью тех же ребе, раввинов-чудотворцев и их окружения.

Противодействие евреев было в большей степени вызвано не финансовым вопросом, а тем, что Рабинович провозглашал Иисуса Мессией и братом всех евреев.

Именно в этом было их слабое место.

А сам Рабинович рассказывал одну очень уместную историю на этот счет (см. гл. 19).

13

Зарубежные поездки Рабиновича

Рассказу о зарубежных поездках Рабиновича стоит посвятить отдельную главу. После того как в 1885 году он принял крещение в Германии, основными пунктами назначения его поездок стали Англия и Шотландия. Понятно, что с тех пор, как Лондонский совет в поддержку Рабиновича начал пересыпать ему поступавшие от друзей из Англии и Шотландии денежные средства на ведение его деятельности, связи с этими странами должны были окрепнуть. Следовательно, основной целью поездок было упрочение контактов и необходимость рассказать людям о проводившейся в Кишиневе работе.

Первая поездка в Англию и Шотландию в 1886 — 1887 годах

Уилкинсон из миссии «Майлдмей» начал разрабатывать планы делового визита Рабиновича в Лондон еще осенью 1884 года. Но тогда им не суждено было осуществиться (см. гл. 7). О своем желании приехать в Лондон Рабинович написал Уилкинсону в конце 1886 года.

В Лондон он прибыл 26 декабря 1886 года. На вокзале его встречал Джеймс Адлер, с которым они познакомились во время переговоров в Германии в 1885 году. Адлер знал идиш и постоянно находился с Рабиновичем в качестве переводчика. В первый же вечер они посетили богослужение в миссии «Майлдмей», во время которого приняли крещение несколько человек, в том числе двое евреев. Рабинович выступил с краткой проповедью.

За несколько недель, которые Рабинович провел в Лондоне, он принял участие в разнообразных встречах. В этой связи интересно отметить, что хотя он прибыл по приглашению миссии «Майлдмей», ее члены не препятствовали его общению с другими людьми, а наоборот, делали все возможное, чтобы представить его как можно большему числу людей и церковных руководителей. Кроме того, были организованы встречи, во время которых Рабиновичу предоставлялась возможность рассказать о своей деятельности христианам и проповедовать евреям.

Встречи с евреями проходили очень бурно. Две основные такие встречи состоялись 8 и 15 января. Оба раза Рабинович проповедовал. На одной из этих встреч присутствующие пришли в такую

ярость от услышанного, что во время возникшей после проповеди беседы бросали в лицо Рабиновичу или рвали на куски только что полученные Новые Заветы.

В отчете Уилкинсона мы читаем, что чувства достигли своего апогея 8 января. На встречу пришли 182 еврея. Для проповеди Рабинович взял Бытие 49:10 — стих с еврейским словом *Shilo*, которое может быть неоднозначно истолковано, причем среди его истолкований, существовавших в рамках иудаизма, было и мессианско. После выступления евреи начали яростно спорить с Рабиновичем, и аудитория распалась на небольшие группы. Руководители миссии распределились по группам и пытались отвечать на возникавшие вопросы. «Обстановка напоминала картину апостольских времен», — писал Дж.Уилкинсон. В другом отчете об этом же событии Уилкинсон пишет, что Рабиновича пришлось выводить из здания под охраной полиции. «А ведь евреям только сообщили простые, неприукрашенные истины».

Находясь в Лондоне, Рабинович получил приглашение посетить Шотландию. В начале февраля 1887 года они с Адлером, который переводил его с идиша, провели четыре публичных выступления в Эдинбурге и Глазго. В ежегодном отчете Свободной Церкви Шотландии отмечается, что встречи прошли при большом стечении народа и остались глубокое впечатление. Не в последнюю очередь благодаря содействию Адольфа Сафира, имевшего тесные связи со Свободной Церковью Шотландии, был достигнут главный результат первого визита в Великобританию, а именно то, что из Шотландии через Лондонский совет Рабиновичу стали поступать деньги.

На обратном пути Рабинович еще на два дня задержался в Лондоне и 11 февраля покинул Великобританию. Месяц спустя, 15 марта 1887 года, был образован Лондонский совет в поддержку Рабиновича. Таким образом, усилия миссии «Майлдмей» познакомить общественность с деятельностью Рабиновича увенчались успехом. Председателем совета, в состав которого вошло девять человек, стал А.Сафир, другими его членами были сотрудники различных английских израильских миссий и люди, оказывавшие этим миссиям свою поддержку, в том числе Джон Уилкинсон. В намерения совета входило оказание консультационной и материальной помощи Рабиновичу без вмешательства в его деятельность. Помимо прочего, создание совета препятствовало тому, чтобы движение Рабиновича стало предметом забот лишь одной организации (в данном случае — миссии «Майлдмей»), хотя и после его появления одни организации писали о движении намного чаще, чем другие. В большой степени заслуга того, что миссия не монополи-

зировала права на Рабиновича, как это пыталось сделать Британское общество (см. гл 7), а пробудила интерес к его деятельности у широкой общественности, принадлежит Уилкинсону.

13 февраля 1887 года по дороге из Лондона Рабинович прибыл в Лейпциг. Вечером того же дня была организована встреча сотрудников Института иудаизма, на которой Рабинович, наряду с остальным, поведал историю своего обращения (см. гл. 2). Прежде он уже рассказывал об этом в Лондоне 11 января.

1 марта Рабинович уже писал Сафиру из Кишинева. Информацию о его поездке напечатали все еврейские газеты России. В своем письме Рабинович упоминает, что перед возвращением в Кишинев он посетил Санкт-Петербург. Он так и не добился официального разрешения на открытие церкви, но ожидал, что «в свое время» это должно будет произойти. Далее он пишет о трех встречах в Лейпциге с Диличем, во время которых они обсудили проблемы, связанные с деятельностью Рабиновича в Кишиневе. Мы можем заключить, что это были их последние встречи. Дилич умер в 1890 году, а во время своей второй поездки в Лондон Рабинович, очевидно, не заезжал в Лейпциг.

Вторая поездка в Англию и Шотландию в 1889 году

Осенью 1889 года Рабинович вновь приехал в Англию и Шотландию. Связи с Лондонским советом постоянно укреплялись. На этот раз он опять провел несколько встреч, например, 14 октября 1889 года состоялась встреча в конференц-зале миссии «Майлдмей», на которой переводил Шонбергер. Из этой поездки Рабинович также вернулся не с пустыми руками. После первого путешествия был создан Лондонский совет; результатом второго явилось обещание шотландских миссионеров собрать 500 фунтов на строительство нового здания для проведения богослужений. Первый камень нового помещения, известного под названием Мемориальный зал Сомервилля, был заложен в мае 1890 года, то есть примерно через полгода после возвращения Рабиновича (см. гл. 11).

По дороге из Англии и Шотландии Рабинович посетил Париж, где встретился с Крюгером, который оказал ему активную поддержку тем, что в 1885 году выпустил о нем книгу, а также освещал его деятельность в журнале *Le Réveil d'Israël*. 22 ноября в Париже были проведены две встречи. На первой, состоявшейся днем, присутствовали сторонники Рабиновича. Рабинович говорил на русском с синхронным переводом на французский язык. Вторая встреча состоялась вечером, на ней присутствовали евреи, и Рабинович говорил на идише.

Вполне вероятно, что в поездке его сопровождала дочь Рахиль, которая затем осталась в Шотландии. Если это не так, то она отправилась в Шотландию сразу после отца, ибо в ноябре 1891 года о ней писали, что «в течение двух последних лет» она участвовала в проведении евангелизационной работы среди еврейских женщин Эдинбурга. Нам точно известно, что она сопровождала отца в нескольких поездках, а также была вместе с матерью во время ее поездки с целью принятия крещения. К этой поездке мы сейчас и обратимся.

В Будапеште в 1891 году: «Mama gerettet»

По возвращении из Шотландии Рахиль в начале октября 1891 года отправилась вместе с отцом и матерью в Будапешт. После того как три дочери Рабиновича приняли крещение в Рорбахе в 1887 году, а двое сыновей — в Одессе в октябре 1888-го, единственным некрещеным членом семьи осталась г-жа Рабинович. Церковный служитель из Константинополя Лайтнер после своего визита в Кишинев в 1887 году отзывался о ней как о фанатичной приверженке иудаизма в прошлом, которая впоследствии полюбила Иисуса и, подобно Магдалине, называет Его Раввуни, что значит «мой Господин».

Пастор Свободной Церкви Шотландии в Будапеште Эндрю Муди в своем годовом отчете упоминает о совершенном 5 октября самом интересном крещении 1891 года в его церкви, когда крестилась жена Рабиновича. Муди пишет, что она буквально рыдала, когда ее муж впервые «преклонил колени перед презренным Иисусом Назарянином», но в момент принятия крещения она смогла с радостью в сердце признать Его своим Спасителем. «После совершения обряда крещения, — пишет Муди, — Рабинович послал домой телеграмму: “Mama gerettet” (мама спасена)». Вечером того же дня Рабинович выступил на собрании, состоявшемся в здании школы, принадлежавшей миссии.

Если Рабинович и его жена провели в Будапеште всего три дня, то Рахиль осталась там, чтобы ознакомиться с деятельностью Свободной Церкви Шотландии в этом городе. В Кишинев она вернулась к Рождеству того же года.

Третья поездка в Англию и Шотландию в 1893 году

Проведя рождественские богослужения в Кишиневе, Рабинович в начале 1893 года вновь отправился в Англию и Шотландию. Визит был кратким и продолжался не более двух недель, так как в письме от 13/25 января он пишет, что уже вернулся в Кишинев. Он принял участие в переговорах с Лондонским советом, а также

выступил на нескольких встречах, организованных для него в Шотландии. В отчете об этой поездке отмечается, что на этот раз он говорил без переводчика, то есть на английском языке. Однако его владение языком поразило далеко не всех. В журнале Свободной Церкви его выступления в Англии и Шотландии в 1896 году были названы неудачными. В своем выступлении он часто спотыкался на незнакомых словах, пока, наконец, не передал текст выступления Уилкинсону, который дочитал его до конца. Этот краткий визит, однако, был далеко не единственной зарубежной поездкой Рабиновича в том году. Немного позднее он совершил путешествие в Америку.

Поездка в Америку в 1893 году

Летом 1893 года Рабинович провел 35 дней в Америке. В сравнительно кратких комментариях об этой поездке, появившихся в европейских миссионерских журналах, сообщалось, что ее целью было организовать проповеди для евреев, прибывших на всемирную выставку в Нью-Йорк. Отмечалось, что предложение совершить эту поездку Рабинович получил от Лондонского совета, а также от известного евангелиста Дуайта Муди. В Нью-Йорке Рабинович проповедовал в нескольких местах, в том числе в еврейской миссии методистского служителя Гейбелайна. В сентябре 1895 года Гейбелайн посетил Кишинев. В Америке Рабинович составил письмо на иврите, которое было переведено на английский и опубликовано в Нью-Йорке и Чикаго.

Служитель церкви А.Дж.Гордон был воодушевлен своей случайной встречей с Рабиновичем, которая состоялась в Чикаго. Когда Рабинович комментировал псалмы во время утренних и вечерних молитвенных собраний, он доказал, что был буквально пропитан духом и буквой древнееврейского Писания; как отзывался Гордон, в такие моменты можно было легко представить, что перед вами стоит Исаия или кто-либо другой из ветхозаветных пророков. Осуществляя толкование Захарии 12:10, он обыгрывал древнееврейский текст в каббалистической манере, из чего можно заключить, что он еще не смог полностью отказался от подобных вещей. Гордон попросил Рабиновича ответить на вопрос, откуда авторы Библии черпали вдохновение. «Это Слово Божие», — ответил он и добавил, что во время своих проповедей всегда говорит: «Выслушайте в молчании то, что скажет вам Господь». В отличие от Гомера или Шекспира, вдохновенность Библии — «вопрос не количественный, а качественный».

Четвертая поездка в Англию в 1893 году

Вероятнее всего, в Америку он отправился из Англии. В таком случае он посетил Англию дважды: по пути туда и обратно. По крайней мере, сам Рабинович называет визит в Англию в 1896 году пятым. Если это верно, то визит по пути в Америку был четвертым по счету.

Пятая, и последняя поездка в Англию и Шотландию в 1896 году

Если верить путевым заметкам Рабиновича, он прибыл в Лондон 18 мая 1896 года, однако сразу же вместе с дочерью Рахилю отбыл в Шотландию. Он выступил на генеральной ассамблее Свободной Церкви Шотландии. Как и в третий свой приезд в 1893 году, он говорил по-английски.

В начале июня 1896 года Рабинович вернулся в Лондон, где провел остаток месяца. При содействии миссии «Майлдмей» он выступал на многочисленных встречах. Журнал миссии «Майлдмей», упоминая об этом визите, отмечает сокращение денежных поступлений.

Домой Рабинович возвращался через Берлин, где они с дочерью посетили Берлинскую выставку. Среди других экспонатов на выставке была представлена продукция новообразованных еврейских поселений в Палестине. В одном из писем Рабинович иронически замечает, что еврейские товары присутствуют на выставке в то время, когда немецкие антисемиты и берлинские атеисты мечтают об уничтожении еврейского народа. Он не посчитал нужным скрывать свое негодование, увидев, что товары из Палестины представлены в каирской секции.

Увидев кусок мыла с еврейской надписью «Иерусалим», он процитировал вслух из Иеремии 2:22: «Посему хотя бы ты и умылся мылом... нечестие твое отмечено предо Мною...» Когда люди услышали эти слова, они захотели узнать, кто этот человек. Он воспользовался этой возможностью, чтобы засвидетельствовать собравшимся об Иисусе.

Перед тем как вернуться в Кишинев, он посетил Варшаву, где у него появилась возможность рассказать об Иисусе семье бакалейщика. Хотя в Кишиневе Рабинович обычно не устраивал «встреч на открытом воздухе» и не проповедовал Евангелие на рынках, это событие говорит, что иногда он все же использовал подобные возможности, однако делать какие-либо обобщения в данном случае не стоит. В Кишиневе он обычно приглашал людей приходить на богослужения в свой зал.

Последняя поездка в Мерано, Тироль, в 1899 году

6 марта Рабинович написал Самуэлю Уилкинсону о том, что был болен и пока не оправился от болезни. Троє врачей посоветовали ему восстановить силы в Мерано, куда он собирался выехать на следующий после написания письма день. Из Тироля он вернулся 22 апреля, незадолго до Пасхи. Болезнь прогрессировала, и его перевезли в санаторий в Одессу, где он умер 17 мая 1899 года. На следующий день гроб с его телом отправили в Кишинев. Там он и был похоронен (см. также гл. 17).

14

Методы и основные задачи служения в Кишиневе

Большая часть служения Рабиновича проходила в Кишиневе, но служение это имело несравненно более широкий резонанс. Здесь можно отметить, что Рабинович не хотел, чтобы его считали «миссионером». Такое название было слишком характерно для нееврейского христианства. Однако, каким бы методам работы Рабинович ни отдавал предпочтение, он признавал правомерность существования методов, которые применяли другие люди. В 1897 году он поведал С.Уилкинсону, что не знает ни одной совершенной миссии, хотя в методах работы каждой миссии можно обнаружить положительные моменты.

Находясь в Англии в 1889 году, он изложил свою собственную позицию. К этому вопросу мы сейчас и обратимся.

Рабинович о самом себе в 1899 году

Выступая в Лондоне, Рабинович дал характеристику своей деятельности в период между первой и второй поездками в Англию (1886/87 — 1889). Он подчеркнул, что в его задачи входило проповедовать в помещении своей общины в Кишиневе и распространять отпечатанные проповеди и брошюры.

В отношении того количества писем, которые он получил, Рабинович вынужден был признать, что ему было очень сложно ответить всем написавшим, хотя он и пытался сделать все, что было в его силах. Он привел несколько выдержек из этих писем. Некоторые писали, что они последовали его примеру и начали свидетельствовать об Иисусе в своих городах. Другие писали, сколько им пришлось вытерпеть во имя своей веры в Иисуса, и просили у Рабиновича помочь. Некоторые, уже стоящие одной ногой в могиле, писали о своем желании провести остаток дней среди верующих братьев. Приходило также много писем от верующих молодых людей, которым родители запрещали исповедовать Иисуса и которые просили приехать и забрать их с собой. Кроме того, многие люди, особенно учителя, просили выслать им Новые Заветы и проповеди, чтобы иметь возможность «самим узнать о Христе и научить других». Евреи, уже принявшие крещение, интересовались, как они могли бы присоединиться к его движению. Другие, уверовавшие, но еще не крестившиеся, спрашивали, есть ли у него

разрешение крестить их или какую церковь им следует посещать. В таких случаях Рабинович вынужден был поступать как человек, который видит дом в огне пожара, то есть кричать: «Спасайтесь, спасайтесь!» И Рабинович цитировал слова Петра: «спасайтесь от рода сего развращенного» (Деян. 2:40), ибо «нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:12).

Рабинович затронул также вопрос о том, как относились к нему и его деятельности разные люди, выделив три основные точки зрения. Некоторые считали его глупцом за его веру в Мессию. Другие занимали нейтральную позицию, считая его реформатором, выполнившим полезную работу в среде своих собратьев. Были и те, кто считал, что он хотел основать новую церковь. Первые писали о нем абсурдные истории в газетах; вторые давали ему советы, какие реформы следует провести; а трети проявляли к нему некоторый интерес, но полагали, что его попыткам не суждено увенчаться успехом и новая церковь очень скоро прекратит свое существование.

Со своей стороны, Рабинович не удержался от того, чтобы прокомментировать эти три точки зрения.

Евреи начинали уже понимать, что он не был глупцом. Он утверждал, что уважаемые раввины отзывались о нем так, как ни в коем случае не стали бы отзываться, если бы он на самом деле был глупцом.

Те, кто считал его «простым реформатором», понимали, что именно Библия, от Бытия до Откровения, служила для него единственной поддержкой. В своей деятельности он не стремился ставить на первое место логическое обоснование того или иного шага, но полностью полагался на Слово Божие.

И наконец, те, кто считал, что он хотел создать новую церковь, приходили к заключению, «что евреи, которые приходят послушать, как я проповедую Евангелие, и принимают Слово Иисуса Христа, ни в коей мере не становятся в меньшей степени евреями, чем они были до этого».

Кроме того, Рабинович утверждал, что и евреи, и христиане больше не считали мессианское движение лишь неким музейным курьезом. «Они обнаружили, что еврей может принять Христа и остаться при этом евреем, точно так же, как англичанин, француз или немец принимает Христа, оставаясь при этом англичанином, французом или немцем».

В заключение Рабинович высказал свое мнение по поводу тех евреев, которые не пытались искать Господа. Их «тщеславие» нашло выражение в трех пунктах.

Во-первых, они утверждали, что лишь они являются детьми Божьими и что их отцом был Авраам — хотя эту исключительность опровергли Иоанн Креститель и Иисус. Во-вторых, за время, прошедшее от разрушения Иерусалима, они превозносились своей мудростью, Талмудом, Мишной и Торой: «Кто может лучше нас соблюдать субботу? Кто может поститься правильнее нас?» В последнее время они стали приписывать себе славу лучших в мире торговцев, банкиров и ученых, что является третьей ошибкой их тщеславия. Единственной, настоящей славой Израиля должен быть «Исполнивший Закон Сын Давидов, Сын Авраамов и Сын Божий».

Хотя в своих выступлениях в 1889 году Рабинович с оптимизмом рассказывал о том, как окружающие относились к его деятельности, в других источниках он отмечал, что его работа продвигается гораздо медленнее, чем ему хотелось. Об этом он упоминал в разговоре с неким человеком, который приезжал к нему в 1888 году, а также в 1892 году, когда он попросил двух норвежцев передать привет своим знакомым и сказать им, что работа продвигается «медленно, медленно» (см. гл. 11).

Обсуждение методов работы Рабиновича подводит нас к вопросу, удалось ли ему привлечь соратников к работе в Кишиневе.

Сотрудники Рабиновича

По-видимому, Рабиновичу всего однажды удалось на краткий период привлечь к своей работе постоянного помощника. Причину этого вряд ли стоит искать лишь в позиции самого Рабиновича, исключая не зависящие от него политические обстоятельства, а также особый статус мессианского движения. В любом случае очевидно, что Рабинович действительно хотел привлечь соратников к своей работе.

В марте 1885 года он брал у профессора Дилича консультации по созданию общинной школы. Дилич попросил сотрудника Свободной Церкви Шотландии в Праге Джозефа Готтлиба поработать учителем в школе Рабиновича, на что тот с готовностью согласился. Как бы то ни было, проекту открытия школы суждено было остаться на бумаге: правительенного разрешения так и не последовало.

Находясь в начале 1887 года в Санкт-Петербурге, Рабинович нашел человека, который мог ему помочь. «Ему около пятидесяти лет, и он пришел ко Христу с помощью российского мессианского движения. Его знает профессор Дилич, он говорит на иврите и русском и знаком с Талмудом и Каббалой», — писал Рабинович. Однако, по всей видимости, этот безымянный человек так и не подключился к работе.

Человеком, который действительно принял участие в деятельности Рабиновича, был Р.Ф.Файнзильбер, еврей, пришедший к вере во Христа благодаря Рабиновичу. С весны 1890 по 1891 год он, например, писал по поручению Рабиновича о работе в Кишиневе. Возможно, что то настроение оптимизма, которое ощущалось при строительстве Мемориального зала Сомервиля, было в определенной степени вызвано этим назначением. Осенью 1890 года Лондонский совет в поддержку Рабиновича одобрил назначение Файнзильбера. Его зарплата была включена в бюджет 1891 года. Позднее в том же году он был послан в Одессу, чтобы возглавить там работу движения. Разнообразную помощь Рабинович получал также от своих детей, особенно от младшей дочери, Рахили, и от старшего сына Владимира. Вероятнее всего, члены его группы также оказывали ему определенную помощь.

Ни в 1897 году, когда С.Уилкинсон поставил вопрос о преемнике, ни в своем завещании Рабинович не смог указать человека, который был бы в состоянии продолжить его дело (см. далее гл. 17).

Сочинения Рабиновича

Уже в 1887 году Рабинович прошел к выводу, что работа, связанная с формированием мессианского движения, практически не оставляет времени на выпуск литературы. Он ставил перед собой задачу публиковать некоторые свои проповеди, а также небольшие брошюры и буклеты. В 1885 году Дилич посоветовал ему особенно не увлекаться печатанием проповедей. Чем их меньше и чем тщательнее они подбираются, тем лучше! Кроме того, Рабинович написал несколько брошюр, а также занимался переводом Библии (см. гл. 16).

В предыдущих главах мы уже кратко обращались к наиболее важным работам Рабиновича, поэтому нам нет смысла повторяться.

В отчете Лондонского совета в поддержку Рабиновича за 1890 год упоминается, что было отпечатано около 27.000 экземпляров проповедей Рабиновича и брошюр на иврите, идише и, как, вероятно, следует добавить, на русском.

Работы Рабиновича были в первую очередь адресованы самим евреям. Христиане-неевреи могли, конечно, воспользоваться английскими или немецкими переводами этих работ, чтобы определиться в своем отношении к движению, но предназначались эти переводы главным образом для евреев, которые знали вышеуказанные языки лучше, чем иврит или идиш. Существует явное свидетельство того, что чтение этой литературы на всю жизнь оставило след в душах некоторых евреев. Работы Рабиновича читали не только в Кишиневе, но и в местах, где существовали организован-

ные группы людей, считавших себя израильтянами Нового Завета. Например, один из читателей выходившего на идише и принадлежавшего Далману журнала «Берит Ам» вспоминал о том, как он в день Рождества читал проповедь Рабиновича от 24 декабря 1895 года. А опубликованная на немецком языке проповедь, которую Рабинович прочитал 16 июня (*p*) 1890 года, даже попала в библиотеку еврейской общины Берлина, о чем говорит штамп в экземпляре этой проповеди, хранящемся в настоящее время в Национальной библиотеке в Иерусалиме.

Выводы

Литературная деятельность Рабиновича в большой степени была обусловлена его проповедническим служением. Он уделял значительную часть времени на печатание и распространение своих проповедей и считал этот вид деятельности одной из основных своих задач. Кроме того, он занимался распространением Ветхого и Нового Заветов на иврите, идише и русском. Те люди, которые приходили слушать его проповеди и благожелательно к ним относились, обращались к нему за советом. Периодически при доме молитвы проходили публичные чтения Библии. Например, в праздник Пятидесятницы в 1885 году Рабинович организовал чтение, после которого был вовлечен в разговоры с людьми, задававшими ему многочисленные вопросы. В начале 1888 года Рабинович писал, что с начала зимы он проводил занятия по изучению Библии. Эти занятия проходили в его собственном доме, и на них приходили как мужчины, так и женщины, ощущавшие горячее желание узнать о пути спасения, предлагаемого Новым Заветом. В 1891 году он отмечал, что совместные чтения Библии устраивались каждый вторник.

Люди, читавшие его литературу, присыпали ему письма, на которые он старался как можно быстрее ответить. Кроме того, он вел обширную переписку с зарубежными миссионерскими организациями и частными лицами. После того как в 1884 году он объявил о своих богословских принципах, он потратил много сил на подачу прошений и ведение переговоров с властями, на конфликт с Фальтиным и на строительство Мемориального зала Сомервилля (1890). В последние годы жизни он по несколько часов в день уделял проверке переведенного на идиш Нового Завета.

Все эти годы, однако, основой его деятельности были проповеди, которые он читал по субботам и в дни христианских и еврейских праздников в Кишиневе и которые прерывались только на время его зарубежных поездок. Именно проповеди он считал своей основной задачей. И сейчас мы приведем образец его проповеди.

15

Одна из проповедей Рабиновича

Все христианские авторы благосклонно отзывались о проповеднических способностях Рабиновича. Это относится и к тем, кто в целом критически относился к его еврейскому богословию, своеобразным взглядам и попыткам создать независимую мессианскую общину. Выше мы уже приводили примеры подобного отношения к Рабиновичу.

Мы решили представить на этих страницах лишь одну проповедь Рабиновича, вместо того чтобы кратко анализировать их совокупность, поэтому нам не удастся затронуть все аспекты его проповеднической деятельности. Тем не менее, проповедь, которую Рабинович произнес в апреле 1891 года на великую пятницу, может дать определенное представление о содержании его проповедей и о его страстном желании общаться со своими «братьями».

Проповедь в великую пятницу 1891 года

Псалом 68:8: «Ибо ради тебя несу я поношение, и бесчестием покрывают лицо мое».

Матфея 27:29: «...и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!»

Возлюбленные чада Израиля! Давайте вместе восславим вечно-го Господа Израиля, во власти Которого находятся времена и сроки, давайте все вместе в молитве славословия вознесемся к Тому, кто Своим благим повелением запустил часы времени. Долгие века евреи со страхом встречали эту неделю, неделю перед святой Пасхой. Ибо они опасались словом или делом навлечь на себя гнев христиан, ярость которых в это время было особенно легко пробудить, потому что праотцы еврейского народа именно перед Пасхой предали Иисуса Христа бичеванию и распятию.

Гнев со стороны христиан долго обошелся евреям, было про-лито много еврейской крови. И потому неудивительно, что с при-ходом этой недели евреи тоже испытывали горькое чувство обиды при малейшем упоминании о казни Иисуса из Назарета, Которого весь христианский мир почтает как Христа, Сына Бога Живого.

Евреям было больно сознавать, что эта трагедия стала вечным наследием почти для всего мира, для всех народов. Как мы видим, эта важная неделя была одинаково трудна для обеих сторон. Но благодарение Богу, что Он по благости и любвеобилию Своему

даровал нам, детям Израиля, возможность собраться на этой великой неделе в нашем храме в день, который напоминает нам о распятии Иисуса Христа. И, как все истинные христиане, мы можем призвать Его святое имя и с помощью книг Ветхого и Нового Заветов узнать о вечной и священной драме Его жизни, о той бесстрашной и незаслуженной смерти, которую Иисус Христос принял на Свои плечи с любовью и смиренiem.

И воистину безгранична наша благодарность небесному Отцу, Который даровал нам, как евреям, так и всем остальным народам, возможность в эти дни, когда человеческий разум развивается невиданными до сей поры темпами и когда происходит новый подъем науки и искусства, угадать и разглядеть в терпящем поношение распятом Христе то же самое, что разглядел в Нем праведный и благочестивый Симеон, увидев Его в объятиях Матери; то есть увидеть спасение, которое Бог уготовил пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Своего Израиля (Лк. 2:31-32).

То, что в силе Духа Святого разглядели глаза благочестивого старца Симеона, не смогли увидеть ни надменные евреи, ни невежественные и самоуверенные римляне. Стоявшему во главе еврейского народа первосвященнику Каиафе было очень легко решить судьбу Иисуса, когда он сказал: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11:50). Ему не могло прийти в голову, что этот самый Иисус был единственным Иисусом не только за грехи евреев, но за грехи всего человечества. Об этом сделал предсказание пророк: «Он понес на Себе грехи многих» (Ис. 53:12). Для правителя язычников, иерусалимского проконсула Пилата, не составило труда обрядить Христа в багряницу и предать в руки евреев со следующими словами: «Се, Человек» (Ин. 19:5). Ему и в голову не могло прийти, что человек становится человеком в полном смысле слова лишь тогда, когда он постоянно видит перед собой образ Богочеловека Иисуса и не отклоняясь следует за Ним.

Только гораздо позднее возрожденные духовно язычники смогли понять смысл слов: «Се, Человек!» — слов, произнесенных в прошлом их правителем. И только гораздо позднее многие дети Израиля начали прислушиваться к словам: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб».

Сегодня, в день, напоминающий нам о страданиях и смерти Иисуса Христа, которые Он принял на Себя во искупление грехов других людей, грехов евреев и язычников, мы должны объединиться со всеми людьми, которые искренне веруют, что драгоценная и святая Кровь Сына Божия Иисуса очищает нас, грешников, —

евреев и язычников. Мы должны преклонить колени и молить Бога Отца:

— чтобы Он шире открыл наши глаза, дабы мы могли увидеть в Иисусе Христе спасение, которое Он уготовал всем народам, и искупление, которое очищает всякого уверовавшего от его грехов;

— чтобы Он излил на нас Своего Святого Духа, и дал нам, евреям и язычникам, возможность осознать, что Иисус Христос пришел в этот мир не для того, чтобы сеять вражду и ненависть среди людей, и помог нам понять слова апостола Павла: «Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду» (Еф. 2:14);

— и чтобы Он помог всем нам отвергнуть свою прошлую жизнь с ее грехами и смертью и стать совершенно новыми людьми благодаря истинной вере в Иисуса, о Котором Святой Дух говорил устами Пилата: «Се, Человек!»

В изумлении и благоговении мы молча склоняем головы перед той глубокой и безграничной верой в Иисуса Христа как Мессию, Сына Давидова, Царя Иудейского, которую имели святые евангелисты Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Нам следует помнить, что все четыре Евангелия были написаны в первый век после рождения, земной жизни, смерти и воскресения Искупителя. Это было время, когда сильные мира сего с презрением смотрели на эти четыре небольшие книги, в которых рассказывалось о каком-то распятом иудее Иисусе. Это было время, когда людей объявляли сумасшедшими и глумились над ними, если они отваживались открыто исповедовать свою веру в Иисуса, Сына Живого Бога, Который воскрес из мертвых и вознесся на небо, чтобы навеки пребывать Царем над домом Иаковлевым. Мы могли бы предположить, что при подобных обстоятельствах евангелисты должны были ограничиться притчами и рассказом о жизни Иисуса до того, как Он был предан в руки иудеев. Но мы видим, что они гораздо большее внимание уделяют тем страданиям, которые Он пережил, что они приложили все усилия, чтобы оставить потомкам подробное описание издевательств, которым Он подвергся перед тем, как был распят, и в то время, когда находился на кресте.

Если мы на мгновение обратимся к утверждению талмудистов о том, что евангелисты были всего лишь низкими лжецами, которые при помощи хитросплетенных басен пытались увлечь простодушные народные массы, чтобы получить над ними власть, то у нас, несомненно, возникнет вопрос: почему же они в таком случае правдиво рассказали о той унизительной для Него смерти, которую Он принял, а не воспели в своих книгах мужественную и героичес-

кую кончину Его жизни? Очевидно, что у евангелистов были совсем другие цели.

Описывая страдания Иисуса, они не стремились сгущать краски с целью вызвать слезы на глазах и сострадание в сердцах людей. Они не изливали свою печаль в плаче, как то делал Иеремия при разрушении иерусалимского храма. Мы не слышим от них ни стонов, ни вздохов, которые были бы вызваны смертью Искупителя. Им было очень хорошо известно Его собственное нежелание быть оплаканным людьми (Лк. 23:28). Нет, они писали Евангелия об унижениях и страданиях Иисуса со святой, возвышенной, небесной улыбкой на устах, они писали их, смеясь тем смехом, о котором писал в свое время псалмопевец: «Живущий на небесах посмеется» (Пс. 2:4). В их намерения входило пролить свет на невежественных, развращенных и слепых людей, чтобы они смогли понять, что их собственные силы и желания ничего не значат, и что воля Божия присутствует во всем независимо от того, сознают они это или нет, и что они являются орудиями в Его руках и осуществляют лишь то, что Он им предопределил, даже если и считают при этом, что поступают лишь в соответствии со своей собственной волей.

Евангелисты подробно повествуют о том, как Иисус подвергался насмешкам и поношению. В то же время они дают детальный отчет об огромном служении, которое Господу было угодно совершить с их помощью, а также используя людей, которые поносили и укоряли Его.

Когда сейчас, по прошествии 1800 лет, мы читаем об унижении, через которое прошел наш Искупитель, мы можем задать детям девятнадцатого века следующий вопрос: кто первым из людей осознал величие миссии Иисуса из Назарета? Были ли это тысячи иудеев, фарисеев и книжников, саддукеев и римских солдат, которые смеялись над Ним и кричали: «Распните его!»? Или же это были простые и бесхитростные рыбаки, которые искренне уверовали, что Иисус — Сын живого Бога, Спаситель мира и бессмертный Сын Давидов — был Царем над всем домом Израиля? Не стал ли терновый венец, который глумливо надели на Его голову, самым драгоценным из всех царственных венцов этого мира? И разве мы с вами не видим теперь, как вместо Его врагов, с презрением павших перед Ним, лишь бы посмеяться, уже миллионы людей с благоговением преклоняют колени перед Его величием?

Кроме того, настало время, когда слова «радуйся, Царь Иудейский!», брошенные Ему издевавшимися над Ним врагами, могут исполниться. Ибо еврейский народ может подняться наконец с колен и, в соответствии с Божией волей, стать, подобно всем ос-

тальным народам, полноценной нацией; но произойдет это, лишь когда евреи уверуют в посланного им, как и всем остальным народам, Мессию, в Иисуса из Назарета, Царя Иудейского.

Что за пылкая и безгранична вера, что за живое и безграничное доверие было в сердцах евангелистов, если они смогли описать все страдания и оскорблении, которым подвергли их Мессию современники! Откуда же, можете вы спросить, ученики Иисуса получили подобную веру и убеждение в том, что терпящий насмешки распятый Иисус в действительности был Господом и Царем этого мира? Я говорю не о том, каким образом исполнились уверенность в этом бесхитростные и благочестивые евреи. Но я спрашиваю: откуда именно они получили такую убежденность? Ответ на этот вопрос нельзя найти в каких-либо исторических или научных источниках. Ответ мы находим у самого евангелиста, в Евангелии Луки 24:25-30. Он рассказывает, что произошло после того, как Иисус воскрес из мертвых, когда Он укорял двух Своих медлительных сердцем учеников за то, что те не поняли пророческих предсказаний о Его приходе и о том, что Христу надлежало пострадать и войти затем в славу Свою, — предсказаний, которые были оставлены специально для нас в Писании.

Итак, Священное Писание — вот источник их веры! Постоянное чтение этих богоухновенных книг открыло им глаза и помогло разглядеть в страданиях Христа Его беспредельную и неувядашую славу. Книги эти, о которых Иисус сказал, что ни одна буква из них не должна исчезнуть, даровали им веру, которая должна убедить и убедит весь мир в их правоте.

Возлюбленные братья мои! Я всем своим сердцем верю в то, что, взяв за основу слова Псалма 68, который мы сегодня зачитали и который сам Искупитель, вне всякого сомнения, зачитывал Своим ученикам, вы сможете прийти к убеждению, что осмеянный и распятый Иисус действительно есть Христос, прославленный Царь Иудейский, восседающий одесную Своего Отца до тех пор, пока все сущее как на земле, так и на небе не будет предано в Его полновластное владение и через Него не примирится с Богом-Отцом.

Итак, молитесь нашему небесному Отцу, и Он поможет вам проникнуть в смысл слов, которые были ниспосланы псалмопевцу Святым Духом: «Ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей... Чужим я стал для братьев моих... злословия злословящих Тебя падают на меня... ждал сострадания, но нет его, — утешителей, но не нахожу... И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом... А я беден и страдаю; помощь Твоя, Боже, да восставит меня... Ибо спасет Бог Сион».

Вам просто необходимо запомнить эти важные для нас слова: «Спасет Бог Сион», и вы должны понять, что Иисус прошел через все страдания для того, чтобы «ожило сердце ваше, ищащие Бога». Будут созданы новое небо и новая земля — «да восхвалят Его небеса и земля», и три понятия: Бог, спасение и Сион — будут преобразованы в нерасторжимое целое.

Иисус доказал нам, что Он понес Свой позор в соответствии с волей небесного Отца. Но наш небесный Отец показал нам также, что Он исполнил молитву Своего Сына: «Да не посрамятся во Мне ищащие Тебя, Боже Израилев» (Пс. 68:7). Не стыдитесь распятого Христа! Веруйте в то, что Ему дана была Богом власть увидеть основание нового Иерусалима и что исполнится обещание: «любящие имя Его будут поселяться на нем» (Пс. 68:37). Аминь.

16

Проекты последних лет жизни

В последние годы жизни Рабинович был вовлечен в осуществление разнообразных проектов. Мы обратимся к четырем из них. Каждый из этих проектов по-своему доказывает несостоятельность утверждений, что Рабинович с «хитрой ухмылкой на губах» прикарманивал получаемые от зарубежных миссий деньги, расплачиваясь журнальными статьями, в которых сообщал приятные новости о своей миссионерской деятельности (см. гл. 12). Вплоть до своей смерти Рабинович продолжал работать во благо Иисуса и Израиля. Отчеты о его деятельности противоречат более поздним утверждениям различных еврейских источников о том, что в период, непосредственно предшествовавший смерти, Рабинович якобы погрузился в мрачное состояние духа и глубокую депрессию, что он был подобен призраку, был забыт и находился в изоляции от общества.

Рабинович и конкурсное задание

На состоявшейся в Лейпциге в 1895 году крупной международной конференции еврейских миссий было принято решение объявить конкурс, подведение итогов которого состоялось через год. Конкурсантам предлагалось написать книгу на идише, посвященную жизни и деятельности Иисуса.

Рабиновича попросили войти в состав жюри, что уже само по себе говорило о признании участниками конференции его компетентности в области идиша — языка, на котором он проповедовал в Кишиневе. Но когда в 1897 году были опубликованы результаты конкурса, фамилии Рабиновича среди членов жюри не было.

У него могли быть различные причины, чтобы отказаться от предложения стать членом жюри, но нам кажется наиболее вероятным, что он поступил так, потому что сам хотел принять участие в конкурсе! И это не простое предположение, а имеющий подтверждения факт.

Как мы полагаем, Рабинович представил на конкурс книгу, которая позднее была переведена на английский язык и известна под названием «Иисус из Назарета, Царь Иудейский» (*Jesus of Nazareth, the King of the Jews*).

Если мы сравним конкурсные требования к написанию книги с содержанием работы Рабиновича «Иисус из Назарета, Царь Иудейский», нам не составит труда уловить связь между ними.

Книга Рабиновича начинается с истории Израиля, при этом особое внимание он обращает на жизнь Авраама, Моисея и Давида (см. рассказ о четырех колесах в гл. 5) и на данных народу Израиля обетованиях. Находясь под властью сменявших друг друга завоевателей, фарисеи и саддукеи преследовали свои собственные интересы и в результате утратили веру в данное Аврааму предвечное обещание, что его народ однажды станет великой нацией.

Затем Рабинович пишет об Иоанне Крестителе и Иисусе. Он кратко упоминает о детских годах жизни Иисуса, начиная свое повествование словами: «Детство Иисуса, Его юность и большая часть Его взрослой жизни скрыта от нас завесой Иеговы». Начиная со страницы 16 он повествует об основных событиях, произошедших за три с половиной года, когда Иисус учил людей и совершал чудеса, о которых мы читаем в Евангелиях, например, о чуде воскрешения Лазаря.

История жизни Иисуса дана в традиционном изложении и, судя по английскому переводу, Рабинович не использовал те характерные эпизоды, которые он обычно вставлял в свои проповеди, чтобы придать им большую убедительность. Основное внимание он обращает на такие моменты жизни Иисуса, как крещение, искушение в пустыне, речь в синагоге Назарета, на исповедание Петра в Кесарии Филипповой, Преображение и последнюю неделю в Иерусалиме.

Рабинович утверждает, что сначала современники считали Иисуса «божественным учителем», но очень скоро число тех, «кто любил Его сердцем и душой», стало сокращаться. Религиозные лидеры могли быть привлечены к суду за проявление благорасположения к Иисусу. То, чему Иисус учил во время последнего пребывания в Иерусалиме, сводится к двум основным моментам: «1) Иегова обитает в Нем и действует через Него, Иисуса из Назарета, Царя всей земли, и 2) каким образом Он привлечет всех людей к Себе».

Далее Рабинович описывает смерть и воскресение Христа и отмечает, что Дух Святой дарован каждому человеку «независимо от того, еврей он или нет». В заключение автор устремляет взгляд в будущее и мысленно переносится в тот день, когда состоится второе пришествие Иисуса и Он вернется уже не в качестве смиренного раба, но в великой силе и славе. В этот счастливый день «Бог созовет Свой Израиль», все евреи увидят Того, Кого они пронзили копьем, и всех ждет великкая радость. «Пусть же придет вновь Святый Израилев! Приди же, Господь Иисус! Амины! Амины!»

Когда летом 1897 года выяснилось, что книга Рабиновича не соответствует некоторым требованиям конкурса, он поступил

точно так же, как обычно поступал в случае неудач, то есть не придал значения этому обстоятельству и продолжил работу. Характерно, что летом он получил отзыв оценочной комиссии, а уже через несколько месяцев у него на руках был полностью готовый отпечатанный тираж книги на идише. В 1898 году в Америке вышел английский перевод книги.

Палестинский проект

В 1896 году Рабинович обнародовал свою идею начать работу в Иерусалиме. В январе и июне этого года он опубликовал в двух американских журналах статьи на эту тему, цитаты из которых затем часто воспроизводились в различных периодических изданиях европейских израильских миссий. Кроме того, он затронул этот вопрос в обращении к состоявшейся в мае 1896 года генеральной ассамблее Свободной Церкви Шотландии.

В его планы входило открытие школы или центра для молодых людей в Иерусалиме. Школа должна была стать тем местом, где молодые люди, «которые благодаря моей проповеднической деятельности уверовали в божественное происхождение Христа и в Его чудесное явление», проходили бы дальнейшую богословскую подготовку. Обращаясь к своим шотландским друзьям, он связал создание школы с работой, которая должна быть продолжена после его смерти. Моисей перед смертью передал свою власть Иисусу Навину. Подобным же образом и он должен был предпринять шаги в отношении будущего. Однако он скрыл от генеральной ассамблеи тот факт, что сам он собирался покинуть Кишинев и Мемориальный зал Сомервилля.

Об этом намерении он написал в одной из своих статей. Четырьмя годами ранее (не подлежит сомнению, что было это в 1892 году в Лондоне) он рассказал своим друзьям о плане «переезда в Палестину и перенесения центра своей деятельности в Иерусалим», так как он считал, что для верующих евреев не было места в рамках существовавших в Европе церквей, поскольку они не могли получить там должного наставления. Он находил, что во многих церквях игнорировалось предсказание о втором пришествии Христа, как, впрочем, отрицалась и возможность спасения для европейской нации.

Школа должна была готовить мессианских евреев таким образом, чтобы по ее окончании они смогли привести еврейский народ к вере в Иисуса. При этом предполагалось, что школа будет свободна от влияния какой-либо из существующих церквей или деноминаций. Лучшим местом для ее создания была Палестина, «которая лишь временно оказалась под властью Турции». В Палестине

можно будет оградить учащихся от современных церковных догм. Они смогут изучать собственную древнюю историю, находясь на той самой земле, где Иисус Христос осуществил Свое искупительное служение. Учащихся должны были наставлять в духе веры, надежды и любви к Иегове и народу Израиля. По окончании обучения эти еврейские христиане смогут проповедовать Христа и Его славное второе пришествие по всему миру, где разбросаны их братья по плоти.

Однако палестинский проект был положен на полку. Возможно, это произошло из-за того, что сторонники Рабиновича не оказали ему необходимой поддержки, или из-за того, что он увлекся другим проектом, о котором мы расскажем ниже.

Рабинович как переводчик Библии

У Рабиновича появилась возможность применить на практике свое знание идиша, когда у миссии «Майлдмей» возникла потребность откорректировать текст переведенного на этот язык Нового Завета. Целью корректировки было привести перевод в соответствие с формой идиша, которую использовали российские евреи. В последние годы жизни Рабинович был вовлечен в осуществление этого проекта.

Проект был принят в 1896 году. Заключался он в том, что сначала был сделан пробный перевод на диалект идиша, на котором говорили евреи Литвы. Затем Рабинович должен был модифицировать этот перевод с учетом диалекта, использовавшегося в Бессарбии, после чего совету, состоящему из еврейских миссионеров, надлежало тщательно проверить получившийся текст.

Нам не удалось найти ни одного источника, в котором давалось бы точное описание того, как протекала работа. Однако на основании многочисленных журнальных сообщений мы можем предположить, что Рабинович полностью выполнил свою часть работы.

В ноябре 1898 года работа была в самом разгаре. Миссия «Майлдмей» придавала ей очень большое значение. Хотя проект железнодорожного благовестия — четвертый проект Рабиновича — и не мешал работе по пересмотру перевода Библии, миссия «Майлдмей» не имела возражений против того, чтобы он был на некоторое время отложен, а Рабинович и его коллеги смогли как можно быстрее закончить перевод. В письме от 6 марта 1899 года, в котором Рабинович пишет о своей болезни, упоминается и о том, что перевод был уже практически завершен и готов к печати. Он остановился на второй главе Послания к евреям. Некоторое время он провел в Мерано, где восстанавливал силы после болезни, а затем,

в апреле 1899 года, вернулся в Кишинев. Однако болезнь прогрессировала, и его отправили в здравницу в Одессе.

Его дочь Раиль в письме от 22 мая 1899 года (через пять дней после смерти отца) писала, что он намеревался закончить работу над переводом в Одессе, поэтому взял с собой все необходимые книги. Через некоторое время после смерти Рабиновича его сын Иван рассказывал, что в течение двух последних лет жизни отец каждый день уделял два часа занятию переводом.

На основании имеющихся у нас данных очень сложно судить, действительно Рабинович во время работы над текстом принял решение взять на себя основную ответственность за его перевод или нет. Однако мы можем отметить, что «Трастинг энд Тойлинг» назвала откорректированный текст «новым переводом Рабиновича». В данном случае невозможно точно сказать, почему это произошло — потому ли, что сам Рабинович был согласен с этой точкой зрения, или потому, что это служило лучшей рекламой нового перевода.

30 января 1901 года миссия «Майлдмей» представила первый экземпляр нового перевода Рабиновича, издание которого осуществило Британское и зарубежное библейское общество (The British and Foreign Bible Society). В общей сложности было напечатано 100.000 его экземпляров. В феврале 1901 года сообщалось, что «первые 9.000 экземпляров в скором времени прибудут в Россию и будут организованно распространяться». Библейское общество уже получило на это разрешение от российской цензуры. Нам также известно, что 5.000 экземпляров перевода было отправлено в Чикаго.

Таким образом, имя Рабиновича следует включить в число переводчиков Библии.

Рабинович и благовестие на железной дороге

Параллельно работе над корректировкой Нового Завета на идише Рабинович был занят проектом, успешное осуществление которого сделало бы его имя известным в самых отдаленных уголках России.

В ноябре 1897 года Самуэль Уилкинсон очень подробно описал планы Рабиновича провести благовестие на железной дороге. План состоял в том, чтобы построить железнодорожный вагон, состоящий из трех купе: одно — спальное, для самого Рабиновича и его помощников, второе — для размещения Библий и другой литературы и третье — для проведения собраний; последние два купе в принципе можно было объединить в одно. Планировалось получить разрешение от властей на право совершать поездки по России, чтобы, останавливаясь на разных станциях, устраивать собрания и

распространять Новые Заветы в таких местах, где еще никто и никогда не проповедовал евреям Евангелие.

Уилкинсону идея очень понравилась, но ему пришлось признаться своим английским читателям, что подобный план может показаться им довольно странным, ведь английские железнодорожные станции отличались от русских, где можно было свободно ходить по путям, а сама станция обычно была довольно людным местом. Подобный способ уже использовался в России торговцами пива, которые продавали свой напиток прямо из вагонов. Существовали также школьные поезда, посещавшие отдаленные районы, где не было школ. Уилкинсон процитировал высказывание Рабиновича о том, что если железнодорожную дорогу можно использовать для продажи алкогольных напитков, то почему бы не использовать ее и для служения Иисусу.

На вагоне предполагалось сделать ту же надпись (Деян. 2:36, см. гл. 11), что и на стене зала Сомервилля в Кишиневе. Эта надпись, а также имя Рабиновича могло бы, по мнению Уилкинсона, привлечь большое число евреев. Так как на каждой станции обязательно должна быть жандармерия, то можно было гарантировать порядок во время собраний.

В 1898 году расходы на железнодорожный проект были оценены в 540 фунтов стерлингов. В 1899 году было собрано 227 фунтов, но план так и не был реализован. 6 марта 1899 года Рабинович пишет Уилкинсону о своей болезни и об отъезде, по настоянию врачей, в Мерано. При этом он добавляет, что в сложившихся обстоятельствах обсуждать проект не представляется возможным.

Все проекты, о которых мы упомянули, не оставляют ни малейших сомнений в том, что Рабинович не прикарманивал деньги зарубежных благотворителей, как утверждали некоторые. Работа по корректировке Нового Завета на идише свидетельствует, что он до конца своих дней честно отрабатывал присылаемые ему деньги. Проект создания поезда свидетельствует, что он, несмотря на многолетние отказы от правительства, не отчаялся, а постоянно изыскивал новые возможности для благовестия.

Рассказ о видении

В мае 1897 года Рабинович пересек границу с Румынией и встретился в Яссах с П.Гордоном и Давидом Бароном. Барон позже пересказывает со слов Рабиновича такой эпизод пятнадцатилетней (здесь он допустил неточность) давности:

Пятнадцать лет назад, когда Рабинович встретился в Санкт-Петербурге с главой Русской Православной церкви, чтобы получить разрешение на создание европейской христианс-

кой общине, которое, как мы знаем, было-таки им получено, последний спросил, сколько человек насчитывает его община. Рабинович ответил вопросом на вопрос, спросив у владыки, сколько пассажиров перевозит Сибирская железная дорога (которую еще только собирались построить), и получил ответ: «Пассажиры появятся, только когда дорога будет построена». «Подобным же образом, — ответил Рабинович, — и я буду исполнять Божию работу и звонить в колокол Евангелия, показывая своим еврейским братьям путь к спасению, к Иисусу Христу, распятому, воскресшему и ведущему грешников к Богу. Все, что я могу сейчас сказать, — это то, что мои несчастные братья пойдут по этому пути; ибо не дано роду человеческому иного пути, иного имени, которое привело бы их ко спасению».

До самой смерти Рабинович сохранил веру, что в любом случае и при любых обстоятельствах следовало делать попытки хоть чем-нибудь помочь своим несчастным братьям. По всей видимости, истории, подобные этой, и в 1930-х годах еще не были еще окончательно забыты (см. гл 18).

17

Смерть Рабиновича в 1899 году

6 марта 1899 года Рабинович написал С.Уилкинсону оказавшемуся последним в его жизни письмо. В письме он сообщал о болезни и о том, что по настоятельному требованию трех врачей собирался на следующий же день выехать в Тироль, в город Мерано. Он рассчитывает на понимание Уилкинсона, когда пишет, что в сложившихся обстоятельствах не представляется возможным обсудить железнодорожный проект. Также он пишет, что работа над Новым Заветом на идише близка к завершению. Серьезная болезнь остановила работу на второй главе Послания к евреям, откуда он приводит цитату: «Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь».

Впоследствии его сын Иван и дочь Рахиль дали зарубежным миссионерам подробный отчет о том, как прошли последние дни их отца. К этому отчету мы сейчас и обратимся.

Болезнь и смерть Рабиновича

Осенью 1898 года у Рабиновича случился приступ малярии, который значительно подорвал его силы. 23 января (*р*) 1899 года он провел последнее богослужение в зале Сомервиля. В поездке, которую Рабинович совершил для восстановления сил после болезни, его сопровождала дочь Сара и, возможно, сын Петр. Смена воздуха оказала благоприятное воздействие на Рабиновича, и 22 апреля он вернулся в Кишинев в надежде провести пасхальные богослужения. 29 апреля Рахиль пишет, что отец чувствует себя много лучше, но ему необходим еще месяц покоя, чтобы восстановить здоровье. Иван Рабинович позднее писал: «Возвращение в зараженный малярией Кишинев было трагической ошибкой». Болезнь вновь начала прогрессировать, и, в сопровождении Сары и Петра, Рабинович отправился в Одессу, где его поместили в санаторий. Он взял с собой все необходимые для завершения работы над текстом Нового Завета книги. «Но было уже слишком поздно», — писал Иван. От Рахили в Лондонский совет пришла телеграмма следующего содержания: «Отец тихо скончался 17 мая в час ночи. Молитесь за семью».

Иван писал, что в санатории у Рабиновича появилась возможность свидетельствовать об Иисусе одному еврейскому врачу. На Рахиль произвело большое впечатление то, что перед отъездом в

Мерано отец собрал всех членов семьи и зачитал целиком главу 53 Исаии, после чего попросил Господа даровать ему еще 15 лет жизни. В заключение он благословил всех молитвой Аарона, которую произнес на иврите. В тот же день он рассказал, где находится его завещание. Было похоже, писала Рахиль, что он уже никогда не надеялся вернуться домой.

Рано утром 18 мая тело Рабиновича перевезли из Одессы в Кишинев. Тело сопровождал пастор Корнман из одесской реформатской церкви, а также другие люди. После кратких молитв на вокзале гроб был отвезен в зал Сомервилля и установлен около кафедры. Отпевание совершил Корнман. Как уже упоминалось выше, Фалтина в тот момент не было в городе, но даже если бы он был в Кишиневе, маловероятно, чтобы его попросили вести похороны (см. гл. 10).

Еще когда Рабинович был жив, на принадлежавшем израильтянам Нового Завета участке кладбища был установлен семейный склеп. Он состоял из восьми отделений, в первое из которых, в соответствии с завещанием, установили гроб с телом Рабиновича. В этом отделении он сам еще при жизни положил открытый Новый Завет, о чем его родные узнали из завещания.

Надпись на памятнике, в соответствии с завещанием, должна была гласить: «Израильтянин, который веровал в Иегову и Его Помазанника, Иисуса из Назарета, Царя Иудейского. Иосиф, сын Давидов, Рабинович».

Кроме того, в завещании Рабинович высказал пожелания в отношении своего преемника. Другие люди также задумывались над этой проблемой.

Вопрос о преемнике

С.Уилкинсон прямо отмечает в некрологе, что он не видит такого человека, который мог бы продолжить дело Рабиновича. Когда он, находясь в октябре 1897 года в Кишиневе, поставил вопрос о преемнике, Рабинович вынужден был признать, что у него не было на примете такого человека (см. гл. 14). В некрологе Уилкинсона говорится о проблематичности продолжения работы Рабиновича, поскольку «его личность, как и его служение, имели уникальный характер». Приехав в июне 1899 года в Кишинев, он значительную часть времени уделил обсуждению этой проблемы с семьей покойного, однако решение так и не было найдено. Зимой 1899 — 1900 года прекратил свое существование Лондонский совет в поддержку Рабиновича. В последней брошюре, выпущенной советом, выражалась надежда, что каким-либо образом работа будет продолжена. И на самом деле, в этом направлении были предпри-

няты огромные усилия (не в последнюю очередь миссией «Майлдмей»), но о них мы расскажем в следующей главе.

Вскоре после смерти отца Иван Рабинович писал, что, к сожалению, на тот момент было невозможно указать преемника. Однако они не упали духом. «Мы придерживаемся того же мнения, которое выразил в своем завещании наш дорогой отец: «Что касается того святого дела, над которым Господь повелел мне трудиться для блага моих братьев евреев, то по этому вопросу у меня нет никаких пожеланий. Это дело находится полностью в руках Святого Израиля, в руках Иисуса Христа и Святого Духа». Иван Рабинович выразил веру в то, что Господь призовет новых людей из числа представителей еврейского народа. «В соответствии со Священным Писанием, израильский народ ожидает спасение, поэтому непременно должны появиться новые сеятели», — заключал он.

Секретарь по миссионерству немецкого Центрального агентства П.Л.Анакер воспроизвел эти слова и добавил: «Эта надежда, кроме того, не только дает нам право, но и вменяет в обязанность молить Господа, чтобы Он помог нам взрастить в Израиле человека, способного продолжить начатую работу».

В составленном Анакером некрологе нет ни одной критической ноты, как не было их и в журналах миссии «Майлдмей» и Британского общества. В «Крисчен» были приведены слова одного обозревателя, дающие верное представление о настроениях многих людей после смерти Рабиновича: «Какая потеря для европейской миссии! Нет такого человека, который смог бы заменить Рабиновича». Тот же некролог писал о «зале Сомервиля и его пророке». В *Le Réveil d'Israël* мы читаем: «Неисповедимы пути Господни; кому же суждено заменить Рабиновича в Кишиневе?»

В некрологе Лондонского общества можно найти некоторую долю критики. В нем отмечается, что благодаря своей проповеднической деятельности Рабинович «имел значительный успех». Кроме того, у него, несомненно, не было недостатка в энтузиазме. Однако те принципы и методы, в соответствии с которыми он работал, следует подвергнуть определенной критике, так как он разрешал своим последователям придерживаться многих чисто иудаистских традиций, то есть проводил «курс, который не совсем согласуется с безоговорочным принятием Евангелия». Там же процитировано высказывание из «Джуиш Кроникл», где о Рабиновиче говорилось следующее: «В России реформация привлекла к себе незначительное внимание» (см. также гл. 11). Как мы уже видели, пастор Фалтин заявлял, что взгляды Рабиновича отдавали евлонитством и что в последние годы жизни он оказался в полной изоляции

(см. гл. 10). Когда осенью 1899 года он писал эти слова, зал Сомервиля пустовал.

Несмотря на упорные попытки, найти преемника Рабиновичу так и не удалось. По этой причине проповеди не проводились и круг его сторонников распался сам собой. Перед тем как мы обратимся к усилиям, предпринимавшимся для того, чтобы возобновить работу зала Сомервиля, следует попытаться собрать воедино и оценить различные точки зрения на причины распада группы Рабиновича.

Почему распалась группа Рабиновича

В источниках, которые мы исследовали, оказалось на удивление мало информации о том, что происходило с группой Рабиновича после его смерти. Это, несомненно, тесно связано с прекращением богослужений в зале Сомервиля. Можно предположить, что некоторые последователи Рабиновича искали возможность дальнейшего общения с единомышленниками. Одна из обнаруженных нами записок позволяет утверждать, что несколько человек переехали в Одессу, где присоединились к деятельности Р.Х.Гурланда.

Даже несмотря на то, что все источники поразительно немногословны в освещении этой проблемы, они дают множество объяснений, почему движение потерпело неудачу после кончины Рабиновича.

Некоторые еврейские источники объясняли это тем, что группа потеряла былую популярность, и утверждали, что после 1899 года организованного движения, с которым можно было бы вести работу, просто не существовало (см. гл. 11). С другой стороны, еврейский ученый Б.З.Собель особое значение в этом случае придавал богословским взглядам Рабиновича: «Он тщательно избегал влияния со стороны какой бы то ни было деноминации, настаивая на том, что его вера — это вера чисто еврейская. Тем самым он обрекал себя на изоляцию, а свою работу — на неизбежную неудачу». Подобную этой точку зрения мы встретили еще в одном источнике, где «несостоятельность его позиции» признается основной причиной постепенного сокращения оказывавшейся ему помощи. Р.Фалтин также считал, что Рабинович оказался в изоляции именно благодаря своим исключительным богословским взглядам. Фалтин еще при жизни Рабиновича указывал на слабые стороны его личности (см. гл. 10).

Кроме того, некоторые авторы связывали постепенное прекращение деятельности движения Рабиновича после его смерти с произошедшим в Кишиневе в день еврейской Пасхи 1903 года погромом, который, несомненно, в значительной мере способствовал разрушению достигнутых Рабиновичем результатов. Подобную

точку зрения мы нашли в одном из источников, где выражается сожаление по поводу распада движения, и отмечается, что «это произошло не по причине духовного упадка, но исключительно по причине погрома». И далее: «Если она [община] появилась без помощи со стороны христиан, то прекратила свое существование именно благодаря “христианской” помощи».

Однако мы не можем принять это объяснение хотя бы по той причине, что группа Рабиновича распалась задолго до погрома 1903 года. В других источниках мы находим объяснения, которые заслуживают гораздо большего доверия. Нам кажется, что они достойны нашего внимания, так как помогают сделать общие выводы по данной проблеме. Хотя некоторые авторы и считают, что, не назначив преемника, Рабинович проявил слабость характера, не следует забывать, что он все-таки пытался решить эту проблему (см. гл. 14). В то же время вовсе не следует полагать, что его преемник смог бы получить официальное разрешение продолжить начатую работу. У Рабиновича было особое разрешение, действие которого закончилось с его смертью.

Оценивая причины распада группы, сложно переоценить ту роль, которую сыграла в этом процессе структура самой общины. Так как Рабинович не смог получить разрешение от властей на создание полноценного христианского прихода с правом причастия, его движение было обречено на исчезновение. Любой «хороший» преемник при сохранении тех же внешних условий и той же структуры смог бы лишь на некоторое время отсрочить его распад.

Если мы будем помнить об этих обстоятельствах, вряд ли придет в голову мысль, что причиной распада группы послужила «несостоительность его позиции».

Память о Рабиновиче продолжала жить, и были предприняты огромные усилия для того, чтобы продолжить начатую им работу. И в этом мы сейчас убедимся.

18

Служение в Кишиневе после смерти Рабиновича

Память о Рабиновиче продолжала жить после его смерти. Осталось стоять здание зала Сомервиля. Как можно было его теперь использовать? Источники говорят, что постоянно предпринимались попытки открыть его вновь. Особенный интерес представляет тот факт, что в конце 1920-х годов в Кишиневе вновь была создана независимая еврейская христианская община. Внутри этой общины имя Рабиновича не было забыто. В настоящей главе мы дадим краткий обзор той работы, которая проводилась в Кишиневе после смерти Рабиновича.

Что стало с Мемориальным залом Сомервиля

Когда в миссию «Майлдмей» пришло известие о смерти Рабиновича, ее сотрудники не стали скрывать, что продолжение работы было поставлено под вопрос. Но, тем не менее, они намеревались рассмотреть возможность дальнейшего использования зала Сомервиля для проповеди Евангелия. Впоследствии этот вопрос обсуждался с членами семьи Рабиновича, однако никаких конкретных шагов предпринято так и не было.

В апреле 1903 года в Кишиневе произошел жестокий еврейский погром. «Христиане» набросились на евреев. Они грабили, разрушали, жгли и убивали. Через несколько дней после резни в Кишинев прибыл С.Уилкинсон. Ознакомившись с последствиями погрома, он посетил могилу Рабиновича. Зал Сомервиля, по словам Уилкинсона, был заброшен и пуст. Передний двор зарос кустарником и молодыми деревьями, но на фасаде самого здания все еще была видна надпись на иврите, благовествующая Иисуса детям Израиля (см. гл. 11). Однако Уилкинсон вынужден был отметить, что на фоне произошедшего «христианского» погрома евреям было очень сложно разобраться, где была правда, а где ложь.

После погрома 1903 года миссия «Майлдмей» включилась в широкомасштабную деятельность по преодолению его последствий. Кроме того, миссия пыталась помочь и жертвам других погромов, опустошивших юг России в 1905 году. В 1903 году были разработаны обширные планы по возобновлению работы зала Сомервиля, однако на практике им так и не суждено было осуществиться.

В ноябре 1910 года С.Уилкинсон в письме отмечает, что по прошествии многих лет вновь появилась возможность приобрести зал Сомервиля, чтобы проповедовать в нем Евангелие для «80.000 евреев этого города трагической судьбы». Посетив Кишинев в 1911 году, Уилкинсон убедился, что зал Сомервиля по-прежнему пустовал и что, собрав незначительную сумму денег, его можно было легко привести в порядок и использовать в целях евангелизации кишиневских евреев. В этой же связи Уилкинсон пишет, что какое-то время помещение зала использовалось для нужд греческой армейской церкви. Похоже, также существовали планы открыть в нем кинотеатр.

Зал Сомервиля все еще принадлежал семье Рабиновича. Уилкинсон встретился со вдовой Рабиновича и двумя его дочерьми, которые проживали рядом с залом (см. начало книги). В то время в планы миссии «Майлдмей» не входила покупка зала, его предполагалось снять на определенное время. В этой связи Уилкинсон писал о семье Рабиновича: «Аренда помещения с целью его последующего использования во благо Господа не только поможет им удовлетворить самые насущные потребности, но и наполнит радостью их сердца оттого, что будет продолжено дело, которому посвятил свою жизнь их любимый человек».

В ноябрьском номере журнала миссии «Майлдмей» за 1912 год появилось сообщение о скором открытии зала Сомервиля, того зала, который так долго «не использовался или использовался в целях, не имевших ничего общего с проповедью Евангелия». С.Уилкинсон, который в 1912 году в очередной раз посетил Россию с целью добиться большей свободы для проведения миссионерской работы, в письме, отправленном 28 октября из Санкт-Петербурга, пишет: «Кишиневский зал Сомервиля отремонтирован, отмыт, меблирован (расходы при этом не превысили заранее установленной суммы) и после вынужденного многолетнего простоя будет, я надеюсь, открыт на этой неделе для дальнейшего евангельского свидетельства».

Уилкинсон оказался прав. Вернувшись домой из России в декабре 1912 года, он смог поделиться со всеми радостью, что усилия, направленные на открытие зала Сомервиля, увенчались успехом. Вскоре появились и первые проблемы, что, однако, не помешало ему выразить радость по поводу случившегося в 1912 году: «В этот год, кроме того, был вновь открыт для евангельской проповеди находящийся в Кишиневе зал Сомервиля. Произошло это после многомесячного терпеливого ожидания, что Господь вернется наконец в это место. Моя радость не имела границ, когда я увидел горящие глаза евреев, которые пришли послушать послание Божией благодати. Не хватит никаких слов, чтобы описать эту радость».

Повторное открытие зала Сомервиля в 1912 году

Зал Сомервиля был вновь открыт в субботу, 2 ноября 1912 года. В отчете об этом событии, составленном миссией «Майлдмей», отмечалось, что власти не чинили никаких препятствий на пути тех людей, которые обратились к собравшимся с евангельской вестью и попытались донести до них «душеспасительную истину», хотя и отметили «нежелательность» песнопений, молитвы и публичного обсуждения вопросов веры. В отчете также упоминается, что после того, как состоялись первые собрания, необходимо было приложить максимум усилий, чтобы получить постоянное разрешение на проведение подобного рода мероприятий. «Мы понимали, что то разрешение, которое у нас было, носило лишь временный характер», — писал С.Уилкинсон. Ответ на запрос не был еще получен к тому времени, когда был опубликован отчет (февраль 1913 года). Правительственное уведомление об отказе пришло 16 февраля, и миссии «Майлдмей» пришлось приостановить свою деятельность в зале Сомервиля.

Но сначала давайте обратимся к так называемому «повторному открытию».

Оно состоялось в зале Сомервиля 2 ноября 1912 года. Пресса обсуждала это событие как до этой даты, так и после. Одна из еврейских газет Кишинева накануне открытия писала, что Леон Розенберг собирался выступить с обращением на немецком языке, которое было озаглавлено «Иисус и евреи». Написала эта газета и о Рабиновиче, отметив, что он отдавал все свои силы для того, чтобы распространять христианскую веру в еврейской среде, «но не добился никаких результатов, и, как мы хорошо помним, на его собрания приходило обычно от восьми до десяти человек, которые были в большей или меньшей степени чем-либо ему обязаны». Газета высказала предположение, что «Рабинович в миниатюре» — Розенберг — не скажет людям ничего нового. Кроме того, в ней отмечалось, что «этая тема» достаточно подробно обсуждалась в Кишиневе.

После церемонии открытия газеты писали, что во время обращения Розенberга зал был до отказа заполнен, причем большинством присутствующих оказались молодые люди. В своем обращении Розенберг попытался показать, что Мессия, Которого ожидали евреи, уже приходил на нашу землю и это был Иисус Христос. Розенберг отказался отвечать на вопросы, но пригласил собравшихся на следующую встречу через неделю. Было объявлено, что миссия планировала устраивать постоянные встречи в течение года, хотя сам Розенберг мог лишь изредка приезжать в Кишинев из Одессы, где он возглавлял работу миссии «Майлдмей».

Многие газеты подтверждали, что зал Сомервилля был переполнен. Одна из газет писала: «Присутствующие ожидали, что им разъяснят проблемы, связанные с теми моральными, социальными и политическими условиями, которые оказывали влияние на их жизнь и на жизнь остальных людей. Но они возвратились домой, так и не получив ответы на свои вопросы».

Комментируя отзывы еврейской прессы об открытии зала, С.Уилкинсон отмечал, что от нее и нельзя было ожидать проявления симпатии к тому, кто проповедовал христианские истины. Тем не менее, он призвал своих читателей проявить братскую любовь, принять во внимание высказанные взгляды и то, в какой форме они были высказаны. В заключение он попросил молиться о работе в Кишиневе, чтобы Господь устранил все внешние препятствия, мешавшие ее продолжению.

Помимо церемонии открытия, в конце 1912 года в зале Сомервилля было проведено еще два собрания. Уилкинсон, как явствует из его свидетельства, лично присутствовал на одном из этих трех собраний. В вышедшем непосредственно после этого в марте 1912 года номере журнала миссии «Майлдмей» С.Уилкинсону пришлось признать, что работа в зале Сомервилля неожиданно «была запрещена и полиция закрыла зал». Он отметил, что после удачного открытия зала и после того, как он был переполнен во время каждого из трех состоявшихся собраний, его закрытие вызвало у многих настоящий шок. Он не упоминает, какие основания могли быть у правительства для закрытия зала, но отмечает, что объяснения, данные полицией, были слишком невразумительны. Сам он считал, что для закрытия должны были существовать более веские причины, и вынужден был признать, что «главный противник Господа торжествует в настоящий момент». Единственное, что можно было предпринять в сложившихся обстоятельствах, — это ждать знамения от Бога относительно продолжения работы. «Это Его работа и Его дело; давайте не будем впадать в отчаяние».

Основания, по которым правительство закрыло зал Сомервилля, действительно, как писал Уилкинсон, могут быть лишь «невразумительными», подобный же эпитет можно применить и по отношению к фактам, которые привела миссия «Майлдмей», рассказывавшая, как использовался зал Сомервилля непосредственно после закрытия. Если мы будем основываться исключительно на информации, опубликованной в журнале этой миссии, мы можем прийти к выводу, что после так называемого повторного открытия зала и последовавшего за этим закрытия он не был больше использован для проповеди Евангелия. В другом источнике, однако, говорится, что непродолжительное время его использовали так называемые

штундисты — движение евангельских христиан России, которое было основано в 60-х годах XIX века, но получило свободу собраний лишь по указу о веротерпимости 1905 года.

Следует отметить, что штундисты арендовали зал Сомервиля по крайней мере с апреля 1913 года (а возможно, и ранее) до начала первой мировой войны. Работа среди евреев не была основной целью их деятельности, тем не менее, они всегда были рады предоставить зал в распоряжение приезжавших в Кишинев еврейских миссионеров. В записках С.Уилкинсона, посвященных событиям 1913 года, он все еще выражает надежду на «последующую» работу в зале Сомервиля: «Кроме того, мы ждем продолжения истории кишиневского зала Сомервиля, для повторного открытия которого во имя Господа потребовалась молитвенная и материальная поддержка многих людей и который впоследствии был закрыт полицией!»

Война и политические перевороты также в определенной мере послужили тому, что миссия «Майлдмей» вынуждена была признать неутешительные для себя факты. Но, как бы то ни было, все же оставалась некоторая надежда, что непредвиденные обстоятельства смогут изменить существующее положение. Однако в мае 1917 года зал Сомервиля был выставлен на продажу. Это, возможно, означало, что умерла вдова Рабиновича и ее имущество было решено распродать. Зал был куплен не сразу, и некоторое время его вновь использовали для проповеди Евангелия. Миссия «Майлдмей» также оказалась вовлечена в этот процесс, хотя и косвенным образом.

После первой мировой войны государственные границы претерпели некоторые изменения. Перекраивание границ позволило начать новую работу в зале Сомервиля. Так зал вступил в последний период своей истории в качестве места, где проповедовалось Евангелие. К этому периоду мы сейчас и обратимся.

Зал Сомервиля в Кишинэу, Румыния

По окончании первой мировой войны был подписан Версальский мирный договор, по которому граница была передвинута, и в 1918 году Кишинев отошел Румынии. Во вновь образовавшейся Великой Румынии город назывался Кишинэу, в соответствии с румынским написанием (хотя мы будем и дальше использовать название Кишинев). Город принадлежал Румынии с 1918 года по конец июля 1940 года, когда он вновь отошел к России.

1918 год был богат на события, которые впоследствии позволили миссии «Майлдмей» считать его годом начала новой работы в Кишиневе. В начале периода важная роль отводилась залу Сомервиля. Не в последнюю очередь работа возобновилась благодаря

тому, что летом 1918 года в Кишинев во время отпуска «случайно» попал миссионер миссии «Майлдмей» Л. Авербах.

Авербах был принявшим Христа евреем, и с осени 1913 года он оказался вовлечен в работу миссии «Майлдмей» в Одессе. Летом 1918 года они с женой приехали в Кишинев, чтобы провести отпуск со своими друзьями. Когда они были в Кишиневе, граница с Россией была неожиданно закрыта. Двое миссионеров из Норвегии, обосновавшиеся в Галаце, посетили Кишинев в 1921 году. Один из них писал:

...И им пришлось остаться там, где они находились. Они явились настоящим благословением для многих людей в этом городе. Они сотрудничали с баптистами; вместе с ними они сняли помещение — дом молитвы Рабиновича, о котором, возможно, помнят еще старейшие наши друзья из израильских миссий. Они оказывали друг другу помощь во время собраний, создали совместный хор и небольшой оркестр, состоявший из флейты, мандолины и гитары.

Норвежские миссионеры встретились с несколькими верующими евреями, в том числе с четырьмя мужчинами и одной молодой девушкой, которые уже приняли крещение, и с несколькими другими, которые уверовали, но еще не были крещены. Особенно подробно они пишут об одном человеке, которого крестил сам Авербах. Среди мероприятий, организованных для евреев, они упоминают о проходивших каждое субботнее утро молитвенных собраниях. В субботу вечером устраивались общие собрания для евреев, на которых выступавшие говорили на идише или на русском языке. Далее норвежцы пишут:

В воскресное утро мы посетили протестантскую церковь, богослужение в которой велось на немецком языке, а затем занятие воскресной школы в бывшем доме молитвы Рабиновича. В шесть часов состоялось вечернее собрание, и помещение вновь было до отказа заполнено верующими различных национальностей, среди которых были русские, прибывшие из разных концов страны, болгары, румыны, семейная пара из Сербии и семья американских миссионеров, собиравшихся отправиться в Россию, как только будет получено разрешение на въезд.

Итак, в 1921 году зал Сомервилля все еще использовался. В нем вместе работали Авербах и баптисты. Это подтверждается и публикациями в журнале миссии «Майлдмей». В июне 1921 года миссия отмечала, что благодаря работе Авербаха дело, которому посвятил свою жизнь Рабинович, получило плодотворное продолжение.

Однако вскоре после этого, в сентябре 1921 года, миссия вынуждена была сообщить своим членам, что зал Сомервилля продан.

Сообщалось, что решение о продаже было принято родственниками Рабиновича. При этом подчеркивалось, что продажа зала не окажет прямого влияния на работу, которую миссия проводила в еврейской среде, хотя и станет огорчительной для Авербаха. О самом Авербахе писалось, что он возглавил собиравшуюся в зале Сомервиля «общину русских верующих», которая тем самым оказывала «косвенное влияние» на работу среди евреев. Кроме того, в публикациях миссии упоминалось о возможности аренды другого помещения.

Таким образом, мы можем говорить, что и после смерти Рабиновича зал Сомервиля использовался для проповеди Евангелия. Правда, он был использован лишь в течение непродолжительных отрезков времени, и только до 1921 года. Но это произошло не из-за недостатка предпринятых усилий, а было связано с политической ситуацией и ограничениями, которые налагались на деятельность протестантских церквей. Важно также подчеркнуть, что деятельность штундистов никоим образом не была связана с тем, чем занимался в свое время Рабинович, хотя они с готовностью представляли зал в распоряжение миссионеров, приезжавших проповедовать Евангелие евреям.

Несмотря на все вышесказанное, не похоже, чтобы Авербах точно следовал какому-либо из принципов, характерных для Рабиновича. Как мы можем предположить, приняв крещение, евреи становились членами одной из существовавших на тот момент деноминаций. В то же время предпринимались попытки сохранить некоторые еврейские традиции. К этим попыткам мы сейчас и обратимся.

В 1921 году, незадолго до того, как баптисты и Авербах лишились возможности использовать зал Сомервиля для своей деятельности, число принявших крещение евреев достигло пяти. Кроме того, в группе Авербаха было несколько евреев, которые еще не были крещены.

Благодаря активности Авербаха сфера деятельности миссии «Майлдмей» из года в год расширялась. 15 октября 1922 года состоялось торжественное открытие «Вефиля» (Божьего дома), где впоследствии был установлен орган. В 1927 году было снято новое помещение на 400 мест, которое также получило название «Вефиль». Отчеты Авербаха свидетельствуют, что в особых случаях, например, в Рождество или в еврейские праздники, приходилось даже ограничивать вход в собрание, так как помещение переполнялось. Повышенный интерес вызывали также различные лекции с использованием «волшебного фонаря».

В 1925 году миссия «Майлдмей» могла с полным правом утверждать, что Кишинев стал местом, где было достигнуто гораздо больше благословенных результатов, чем в любой другой сфере деятельности миссии. В 1926 году деятельность Авербаха была охарактеризована как «абсолютно *sui generis*», то есть не имеющая аналогов.

Подводя итог, мы можем сказать, что при Авербахе духовная деятельность в Кишиневе переживала быстрый подъем. Сотрудничество между русскими баптистами и Авербахом продолжалось и после потери зала Сомервиля. Несмотря на то, что активная посещаемость собраний сама по себе не дает представления, сколько евреев в действительности уверовало и приняло крещение, она свидетельствует об открытости людей для восприятия Евангелия. Мы можем с уверенностью утверждать, что европейская христианская группа в тот период численно возрастила. Переписка Авербаха свидетельствует, что ежегодно принимало крещение от одного до пяти человек. Несмотря на тесное сотрудничество между Авербахом и русскими баптистами, некоторые евреи стремились подчеркнуть свою национальную принадлежность, для чего им требовалось нечто большее, чем проведение собственных богослужений. Как бы то ни было, в 1928 году образовалась европейская христианская община.

1928 год: создание европейской христианской общины в Кишиневе

В 1928 году в Кишиневе была официально зарегистрирована европейская христианская община. К сожалению, в доступных нам источниках не оказалось достаточно детального описания этой общины, поэтому, с одной стороны, нам следует соблюдать осторожность, если мы намерены утверждать, что идеи Рабиновича привнесли наконец свои плоды, а с другой, не следует отрицать, что работа, проделанная Рабиновичем, могла послужить источником вдохновения при ее организации. В 1930-е годы многое в Кишиневе продолжало напоминать о Рабиновиче (см. ниже).

Новую европейскую общину возглавил Авербах, но это, однако, вовсе не свидетельствует, что именно он выступал за подобное отделение.

Разрыв европейских христиан с баптистской общиной прошел не совсем гладко. Для баптистов это известие прозвучало как гром среди ясного неба, так как отношения между ними всегда были более чем хорошими. По этой причине они никак не могли понять, что побудило евреев создать независимую общину. Здесь можно также отметить, что в 1930 — 1931 годах среди напечатанных в журнале миссии «Майлдмей» нужд для молитвы были и такие, которые показывали, что последствия этого разрыва все еще довольно явственно ощущались. Еврейские христиане и баптисты боль-

ше не встречались и не помогали друг другу. Тем не менее, в отчете за 1933 год Авербах отмечает, что у него появилась возможность переслать баптистам тираж журнала с тем, чтобы те распространяли его среди евреев в различных селениях. На Рождество 1934 года баптисты вновь пришли в «Вефиль» и, начиная 1935 года, ситуация, по всей видимости, начала меняться в лучшую сторону.

Насколько мы можем судить, новой еврейской христианской общине не удалось построить собственный дом молитвы, и помещение для собраний им, по всей вероятности, приходилось арендовать.

Хотя Авербах одновременно возглавлял и кишиневское отделение миссии «Майлдмей», и новую независимую христианскую общину, упоминания о последней в выпускающихся им бюллетенях встречаются чрезвычайно редко. Мы можем заключить, что, несмотря на то, что еврейской общине удалось найти место для проведения собраний, ее члены продолжали посещать «Вефиль».

На организованном норвежскими миссионерами в Галаце в 1931 году пасхальном собрании еврейских христиан присутствовало около сорока гостей из других мест. Больше половины из них, 22 человека во главе с Авербахом, приехали из Кишинева, 12 человек прибыли из Бухареста, остальные — из других городов.

Несмотря на то, что мы не можем точно назвать характерные черты новой еврейской христианской общины, можно утверждать, что в 1930-х годах ее численность постоянно увеличивалась. Например, в годовом отчете за 1936 год Авербах пишет, что в прошедшее лето ему была предоставлена честь крестить троих евреев «в баптистерии еврейской христианской общины, который находится в саду». В этой же связи Авербах упоминает, что «работа в настоящее время ведется, если можно так выразиться, сразу на двух фронтах»: в «Вефиле» миссии «Майлдмей» и в «Скинии», принадлежащей еврейской христианской общине.

Так как, к сожалению, источники больше ничего не сообщают о характерных особенностях новой общины и так как работу общины и работу миссии возглавляли одни и те же люди, то есть освещалась она под одним углом, в заключение мы расскажем, что происходило в 1930-е годы в «Вефиле» и попытаемся привести несколько примеров, которые доказывают, что память о Рабиновиче все еще была жива.

Память о Рабиновиче в Кишиневе

Как мы уже упоминали, после того как Кишинев отошел Румыния, зал Сомервиля продолжали (с 1918 по 1921 год) использовать для проповеди Евангелия. Библия с надписью «Китвей ха-Кодеш», лежавшая прежде, при Рабиновиче, на алтаре, каким-то образом

перешла в собственность Авербаха. Мы можем здесь отметить, что в источниках, относящихся к 1930-м годам, эта Библия упоминается по крайней мере дважды.

В начале лета 1931 года С.Уилкинсон приехал в Кишинев. В то время в городе находился русский профессор Марцинковский, который работал в «Вефиле» вместе с Авербахом. На собрании они оба зачитывали на иврите отрывки «из Библии, принадлежавшей прежде рабби Рабиновичу».

Эта же Библия упоминается и в 1936 году при описании евангелизационного собрания, состоявшегося в «Вефиле» после праздника Иом Киппур. На собрании Авербах охарактеризовал Симхат Тору — праздник Торы — не как день календаря, а как непрерывное переживание еврея, верующего в Иисуса Христа. Большая группа поющих детей прошла через зал. Пение детей сопровождалось музыкой, а в руках у них были такие же флаги, которые обычно держали еврейские дети во время празднования Симхат Торы, с той лишь разницей, что, по словам Авербаха, на этих флагах было написано имя Иисуса. Далее Авербах рассказывает: «Во главе процессии шел маленький мальчик, Моисей. Он нес Библию в очень красивом кожаном переплете, которая прежде принадлежала ныне покойному Иосифу Рабиновичу. На обложке Библии были большими металлическими буквами набраны слова «Китвей ха-Кодеш» (Священное Писание)».

Еще одно доказательство того, что в 1930-е годы Рабинович не был забыт в Кишиневе, мы находим у секретаря норвежской израильской миссии Н.Розефа, занимавшего эту должность с 1934 по 1937 год. Он посетил Кишинев во время поездки по Румынии в 1935 году. Авербаха, который принимал его в Кишиневе, он назвал «одним из самых деятельных миссионеров еврейской миссии». Розеф пишет:

Работа миссии в городе продвигается очень успешно. У еврейской христианской общины есть даже свое еврейское христианское кладбище. Мы сразу же пошли на это кладбище, где посетили несколько могил, в том числе могилу признанного во всем мире христианина и миссионера Иосифа Рабиновича. (Здесь могильные памятники часто представляют собой подземные помещения, в которые можно спуститься по лестнице, а гробы устанавливаются в специальные ниши в стенах)...

Стоя у могилы этого человека, мы чувствовали себя так, словно находились на Святой Земле. Он так много поселял, что заслужил вечную память народа завета Господа нашего. Говорили, что когда он облекал в словесную форму свою любовь к Иисусу, он напоминал действующий вулкан. На практике же

эта его любовь к Иисусу выливалась в любовь к народу Израиля. Благодаря потрясающему уму и яркой индивидуальности Рабинович приобрел чуть ли не апостольскую власть и авторитет. Его воодушевляла непоколебимая уверенность в скором исполнении Божиих обетований народу Израиля...

Затем Розеф воспроизводит историю, которую рассказал о Рабиновиче в 1897 году П.Гордон (см. гл. 16). Мы можем с большой долей вероятности предположить, что в кругах, которые в 1930-х годах были связаны с работой еврейской христианской общины Кишинева, были распространены именно такие истории.

На следующий день после посещения могилы Рабиновича Розеф посетил обычное еврейское кладбище. Постояв некоторое время перед братской могилой евреев, убитых во время погромов, он был вынужден отметить: «Здесь поконится прах около двухсот братьев Иисуса по плоти, которые были убиты “христианами” во имя Христа».

Заключение

На фоне активной деятельности Авербаха и общего характера проводившейся в Кишиневе в 1930-х годах работы решения миссии «Майлдмей» свернуть работу в этом городе, которое было принято в 1937 году, явилось для всех полной неожиданностью. В июне 1937 года в одном из писем Авербах писал о четырех евреях, которые в то время готовились принять крещение. Один из них уверовал во время болезни Авербаха, когда пришел его проведать и сидел у изголовья постели. В июльском номере журнала миссии было помещено краткое сообщение: «С сожалением вынуждены признать, что после примерно двадцати лет сотрудничества мы лишились богослужений, которые проводил г-н Леон Авербах».

Началась вторая мировая война, а вместе с ней — отвратительные зверства по отношению к евреям, в том числе и ко многим евреям-христианам. В конце июня 1940 года Россия потребовала вернуть ей Бессарабию, которая отошла Румынии в 1918 году по Версальскому мирному договору. В августе 1940 года румынские евреи были лишены гражданских прав, и многие евреи, которые прежде жили в различных частях этого государства, но родились в Бессарабии, вернулись на родину. Однако немецкие и румынские войска продвинулись дальше на восток и создали на территории Бессарабии «свободную от евреев» территорию (*judenrein*), либо депортируя их на восток, либо просто убивая.

Мы могли бы рассказать множество подобных повергающих в ужас историй, однако отметим лишь, что с окончанием второй

мировой войны в Кишиневе, как сообщают, остался всего один еврей-христианин.

В заключение приведем пример, доказывающий, что для еврейских христиан Кишинева во время второй мировой войны национальное самосознание было не просто высокопарной фразой. Мари Антония Аниксдаль, представительница норвежской израильской миссии в Галаце, 10 октября 1942 года писала в своем дневнике:

Суббота. Милан [Хаймович] вернулся сегодня из Кишинева, где отбывал свою трудовую повинность в госпитале. Он говорит, что город практически уничтожен, все дома сгорели. Выстояли лишь немногочисленные коттеджи в предместьях. Все наши верующие еврейские друзья-христиане исчезли. Остался только Мойша Драйцман, муж Ольги, которая служила у нас первые два года после нашего приезда сюда.

Когда пришли русские, все, кто жил в принадлежавших миссии помещениях, были неожиданно арестованы и сосланы в Сибирь. Драйцманам удалось спрятаться и скрываться до тех пор, пока не пришли румыны.

Двое из евреев-христиан работали на бензохранилище. Случился пожар, и из-за того, что не смогли найти виновника, было решено расстрелять каждого пятнадцатого. По роковой случайности пятнадцатыми оказались они оба. Офицеру сказали, что они были христианами. Он разрешил им отойти в сторону и приказал найти двух других людей. Но они сказали, что раз жребий пал на них, то они предпочитают умереть, и были расстреляны.

Ольга Драйцман умерла в 1946 году. Мойша Драйцман в 1967 году переехал вместе со своей новой женой в Израиль. В старости они переехали в приют «Эбенэзер» в Хайфе.

Однако история еврейского христианства в Кишиневе на этом не заканчивается. Распад Советского Союза ознаменовал появление новых возможностей. Сегодня, приблизительно через 100 лет после смерти Рабиновича, в его городе Кишиневе, как и в других городах России, вновь живут евреи, верующие в Иисуса Христа.

Они могут вслед за Рабиновичем повторить:

Россия — это океан, евреи — это потерпевшие кораблекрушение люди, и поскольку, по благодати Господней, мои ноги стоят на Камне (который есть Иисус), я попытался сделать то же самое, что и тот человек, о котором я рассказывал: я кричу и подаю сигналы моему попавшему в кораблекрушение народу, направляя его к этому Камню.

19

Важность вопроса

Еще в 1885 году англичанин А.Сафир говорил о важности кишиневского мессианского движения, отмечая при этом, что его следует оценивать не по численности, а по внутреннему содержанию. Кто-нибудь может расценить подобный подход как попытку оправдать малочисленность движения, сосредоточив внимание на другой стороне вопроса. Но для самого Сафира это утверждение значило многое больше. Он отмечал, что при проведении миссионерской работы в еврейской среде слишком мало внимания обращали на тот факт, что Иисус пришел к евреям не *ab extra*, то есть не откуда-то извне. Сафир подчеркивал, что вопрос, действительно ли Иисус есть Мессия и Господь, — это не столько даже вопрос, на который должны совместно отвечать христианская церковь и евреи, но в первую очередь вопрос чисто еврейский. Над евреями, по словам Сафира, довлело убеждение, что стать христианином значило то же самое, что перестать быть евреем, как будто еврея отрывали от родного ствола и пытались привить к другому.

Даже немецкий богослов де ле Руа, который в целом критически относился к деятельности Рабиновича, признавал, что тот открыто поставил вопрос о принятии евреями христианства и заставил заговорить о Христе еврейскую общественность.

Благодаря Рабиновичу вопрос об Иисусе приобрел актуальность в еврейской среде, раздражая тем самым не только ортодоксальных иудеев, но также иудеев Хаскалы. Кроме того, он осложнил жизнь верующим евреям, причем и тем, кто видел в христианстве единственную возможность избавиться от своего еврейского наследия, и тем, кто пришел к вере, искренне уверовав в Иисуса, но не имел возможности придерживаться национальных традиций из-за противодействия христианского окружения. Однако его попытка привлечь христиан-неевреев к обсуждению проблем, которые, как он считал, имели первостепенную важность для евреев, увенчалась удачей. Особой благодарности заслуживает Ф.Дилич за ту огромную помощь и поддержку, которую он оказал Рабиновичу, хотя и считал, что Рабинович слишком далекошел в стремлении сохранить иудейские обычай, например субботу и обрезание.

За небольшими исключениями, до Рабиновича никто не пытался подвергать сомнению господствовавшее среди евреев представление, что, принимая христианство, еврей переставал быть евреем.

Рабинович поставил это убеждение под вопрос. Подобным же образом он протестовал против того, чтобы его стремление сохранить еврейские обычаи непременно влекло за собой обвинения в законничестве. Для многих противников Рабиновича, которые хотели опорочить его любым способом, проще всего было, да и до сих пор остается, просто прилепить ему этот ярлык. Однако это обвинение будет слишком поверхностным, если не повесить тот же ярлык и на всех евреев-христиан; более того, евангельское христианство тоже имеет свои писанные и неписанные законы, из чего следует, что законничество представляет опасность не только для верующих евреев, но для всех.

Непреходящее значение деятельности Рабиновича заключается в первую очередь в его настойчивом требовании признать тот факт, что, уверовав в Иисуса, он не перестал быть евреем, что его еврейское самосознание не утонуло, когда он принимал крещение, и что верующий еврей имеет право жить так, как это принято у евреев. Так как его вера основывалась на новозаветном учении, что всякий человек будет судим по своей вере, и на библейском учении о Христе, то есть на убеждениях, к которым он пришел в результате предпринятого им по возвращении из Палестины глубокого изучения Нового Завета, он смог переосмыслить вопрос, связанный с соблюдением национальных обычаяев, на более серьезном уровне. Таким образом, христиане-неевреи должны были определиться, по какой причине они не хотели предоставить евреям такую же степень свободы в том, что касалось Закона, которую предоставил им Павел. Рабинович стремился получить эту свободу, но в то же время он не обвинял и тех евреев, которые решили ассимилировать в христианской церкви. Рабиновича нельзя обвинять в том, что ему не удалось создать действующую еврейскую христианскую общину с возможностью для всех ее членов принимать причастие, хотя он так мечтал о ее создании. Приняв крещение, он показал, что для него было важно стать частью Вселенской Церкви Христа, не становясь при этом членом какой-либо из существующих деноминаций и не отказываясь от своего еврейского происхождения.

Конечно же, на многие представления Рабиновича оказало влияние время, в которое он жил, однако основные его идеи до сих пор актуальны для христиан всех национальностей. Если раньше христиане могли утверждать, что создание еврейской христианской церкви было нежелательно и неосуществимо по той причине, что у евреев не было собственного государства, то теперь этот аргумент потерял свою силу, по крайней мере, в Израиле. Мы не собираемся углубляться в этот вопрос, а лишь отметим удивительное сходство между теми проблемами, с которыми в наши дни сталкиваются

мессианские евреи в Израиле и евреи-христиане во всем мире (в том числе и в России), и проблемами, которые сто лет назад пытались разрешить Рабинович. С одной стороны, в настоящее время наблюдается развитие еврейского христианского богословия, внутри которого ведется серьезное обсуждение различных теоретических проблем. С другой стороны, руководители еврейского христианского движения подчас выражают сожаление по поводу мистического, бессмысленного и противоречивого характера, который носит вера мессианских евреев вследствие малого внимания к изучению Писания.

Д.Джастер, американский мессианский еврей, сделавший попытку заложить основу богословия мессианских евреев, признает, что «messianic Judaism — как младенец: неокрепший, лепечущий что-то и делающий первые шаги». Если это действительно так, то у Рабиновича есть чему поучиться. Когда предпринимаются попытки установить связи между мессианскими евреями и первыми верующими евреями, не следует упускать из виду деятельность Рабиновича. Он стремился к тому же, к чему стремятся они, и обладал способностью с богословских позиций осмысливать достигнутые результаты. Его любовь к Израилю и своим еврейским братьям находилась в тесной связи с любовью и верой в Иисуса как Мессию. Помня о Нем, он критически относился к своим современникам-евреям и избегал романтических надежд на быстрое духовное возрождение Израиля, хотя в то же время его любовь к еврейскому народу из-за этого никоим образом не стала меньше и надежда на спасение Израиля не пошатнулась.

Возможно, кому-то хотелось бы, чтобы Рабинович уделил больше времени формулированию своих богословских взглядов и разъяснению своих идей, но он открыто заявлял, особенно в начале своего служения, что ни религиозный экстаз, ни пристрастие к богословию не станут основными задачами его деятельности. По этому поводу у него тоже было что сказать современным евреям-христианам.

Проповеди Рабиновича, как и вся его деятельность в целом, задели за живое его еврейских братьев. Он сам очень образно говорил об этом. Существует несколько вариантов рассказа, причем первые его варианты мы находим уже в источниках 1884 — 1885 годов. Публиковался он обычно под заголовком «Несчастье Иосифа».

Несчастье Иосифа

Я всегда близко к сердцу принимал несчастья моего народа. Я испробовал множество средств, пытаясь покончить с этими несчастьями, но все безрезультатно.

Приходя к пациенту, врач должен сначала расспросить, что его беспокоит, и только потом прописывать лекарство. Он щупает пульс, надавливает пальцами в разных местах, все время спрашивая: «Здесь не疼? Там не беспокоит? Тут не болит?» Но только когда врач дотронется до больного места, он сможет получить от пациента достаточно внятный ответ. Сама боль заставит его произнести: «Больно! Не нажимайте так сильно».

То же самое испытал и я, когда попробовал облегчить страдания моего народа. Безрезультатно нажимал я на разные места. Нажимая на здоровые места, я не получал никакого ответа.

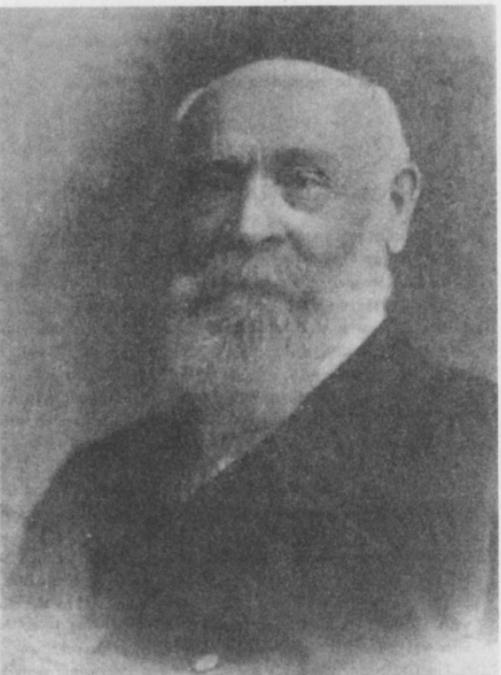
Если я говорил: «Талмуд и все наносное раввинистическое идет не из Синай, как это обычно утверждают, но от человека, которому в равной степени присущи не только мудрость, но и глупость», — эти слова не производили впечатления на мой народ.

Если я говорил: «Танах (Ветхий Завет) также не содержит ничего, кроме человеческих слов, недоказанных историй и невероятных чудес», — я все равно оставался тем же уважаемым Рабиновичем; это тоже не вызывало у моего народа никакой болезненной реакции.

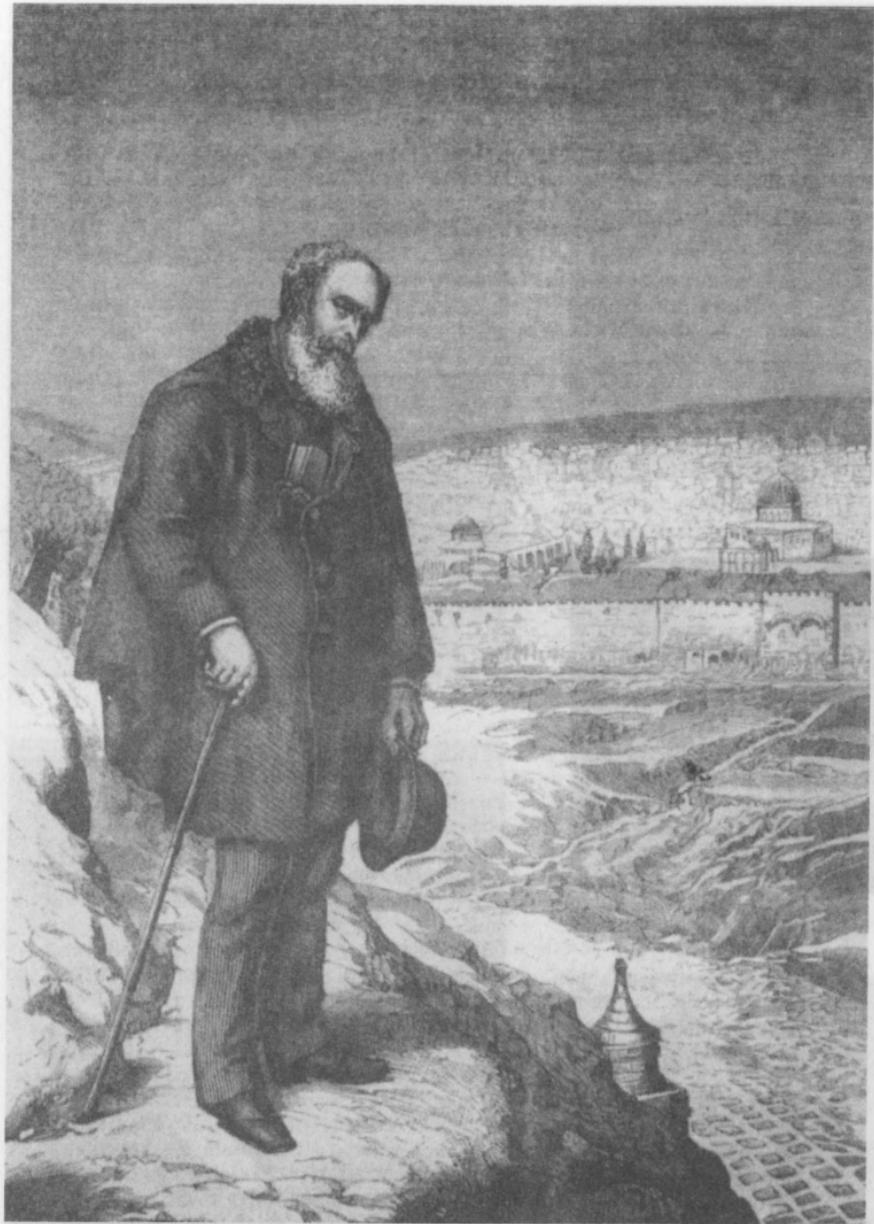
Мой народ оставался спокоен, когда я сравнивал Моисея с современными чародеями; ему не было больно, когда я называл Моисея самозванцем. Я мог бы даже отрицать существование самого Бога, и это также не вызвало бы у него никакой боли.

Но когда я привез им из Святой Земли благую весть, что Иисус — наш брат, я дотронулся наконец до больного места. Со всех сторон послышались болезненные возгласы: «Не нажимайте, не трогайте, больно!»

Да, это действительно больно. Но ты, мой народ, должен осознать, что именно здесь сосредоточена твоя болезнь: у тебя есть все, кроме твоего брата Иисуса. Твоя болезнь заключается в том, что у тебя нет Его. Прими Его, и ты получишь исцеление от всех своих страданий.

Все дошедшие до нас фотографии Иосифа
Рабиновича относятся ко времени после 1882 года.

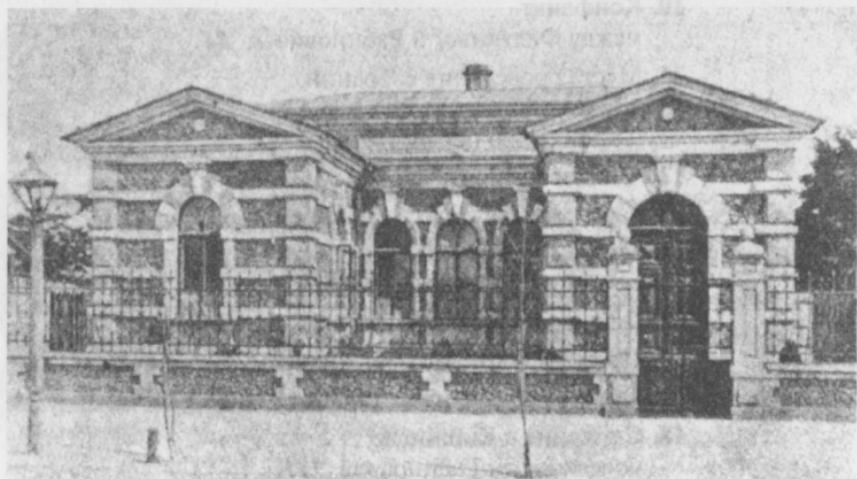

*К стр. 19: Иосиф Рабинович на Елеонской горе
в Иерусалиме. Литография.*

Das Porträt ist eine Lithografie von N. Schefner.
Es wurde 1883 in Berlin nach einer Zeichnung von A. W. von Hohenlohe erstellt.

К стр. 79: Иосиф Рабинович во время проповеди в Мемориальном зале Сомервилля (вверху).

К стр. 79: Мемориальный зал Сомервилля, внешний вид (внизу).

К стр. 79:

Иосиф Рабинович во время проповеди
в Мемориальном зале Сомервилля (вверху).

Мемориальный зал Сомервилля, внешний вид (внизу).

Содержание

- Предисловие к русскому изданию **3**
Необходимые уточнения **6**
- 1.** Нечто совершенно необыкновенное **7**
2. Путешествие к Святой Земле
в 1882 году **12**
3. Жизнь Рабиновича
до 1882 года **21**
4. Первая встреча с Фалтиным
и «Тринадцать тезисов» 1883 года **34**
5. Становление движения в 1884 году **43**
6. Мессианское движение в Кишиневе
в начале 1885 года **52**
7. Планы путешествия,
поездка в Германию в 1885 году
и крещение там **58**
8. Основные богословские взгляды
1884 — 1885 годов **66**
9. Наш брат Иисус
и ключ от Святой Земли **79**
10. Конфликт
между Фалтиным и Рабиновичем **84**
11. Места проведения собраний,
порядок богослужений
и количество последователей **95**
12. Финансовый аспект **105**
13. Зарубежные поездки Рабиновича **111**
14. Методы и основные задачи
служения в Кишиневе **118**
15. Одна из проповедей Рабиновича **123**
16. Проекты последних лет жизни **129**
17. Смерть Рабиновича в 1899 году **136**
18. Служение в Кишиневе
после смерти Рабиновича **141**
19. Важность вопроса **153**

ЛР № 030588 от 13.01.94. ISBN 5-7454-0169-9

Подписано в печать 02.10.97. Формат 84×108¹/32. Объем 10 п. л.
Тираж 15 000 экз. Печать высокая. Заказ № 932.
Издание ХО «Библия для всех». 196233, СПб., пр. Космонавтов, 96,
корп. 1. А/я 237. Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Государственного комитета РФ по печати.
197110, СПб., Чкаловский пр., 15.